

Международная общественная организация
„Одесское землячество”

ЮГО-ЗАПАД **ART**

*ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ*

Выпуск 1

Одесса

Optimum

2006

ББК 84 (4 укр = рус) 6 - 5 Од.
Ю 16

Главный редактор В. Савченко
Редакционная коллегия: И.Лосинский, С.Овчаренко,
С.Станслер.

Ю 16 ЮГО- ЗАПАД. АРТ. Литературно-публицистический альманах.
Выпуск 1. – Одесса: Изд-во „Optimum”, 2006. – 168 с., ил.

ISBN 966-344-115-1

В альманахе представлены научно-популярные очерки одесских историков-краеведов, художественная проза и стихи. Сборник адресован широкому кругу читателей.

ББК 84 (укр = рус) 6 - 5 Од.

На 4-й стр. обложки: картина К.Скопцова

© Изд - во „Optimum”, 2006.
© Савченко Виктор Анатольевич, 2006.

ISBN 966-344-115-1

Содержание

Международная общественная организация
„Одесское землячество”

Одессит

В. Нетребский. Неподкупный судья Одессы

Е. Гуф. Черная Борода

История повседневности

В. Савченко. Одесские слухи и „политика партии”

Гений места

А. Красножон. Одесские катакомбы, как культурный слой

А. Добролюбский, А. Красножон, К. Пронин. Подземный
ход Хаджибейского замка

Е. Гуф. Реквизит для линии горизонта

М. Горбенко. На встречу к высоким вершинам.....

Литера

Одесский литературный постмодернизм

В. Бондаренко. Революция шороха.....

Е. Баль. Сорока

К. Скопцов. Новые стихи.....

И. Лосинский. Цикл стихотворений.....

Покальчук Ю. Хуліган Зайчик.....

Альманах „Юго-Запад. ART”
раскрывает огромный потенциал наших земляков,
знакомя читателей с людьми, создающими неповторимое культурное
пространство нашего города.

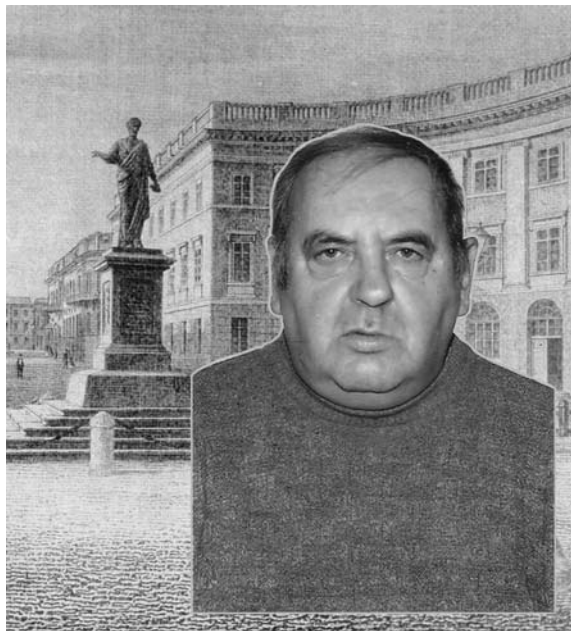
Альманах призван побуждать людей к творчеству, ведь в Одессе
на душу населения талантливых краеведов, писателей, художников неизмеримо
больше, чем принято считать.

На страницах альманаха Вы найдете не только очерки историко-культурной
тематики, оригинальную прозу,
поэзию, а узнаете о незаурядных личностях города,
о знаковых местах Одессы, о культурных акциях и проектах.

Если альманах „Юго-Запад. Одессика” адресован исключительно любителям
„одесских древностей”, и прежде всего историкам-профессионалам, то альманах
„Юго-Запад. ART” обращен к более широкой аудитории
настоящих одесситов.

Современная Одесса не менее прекрасна, чем Одесса времен Ланжерона
и Воронцова, и альманах убеждает читателей в этом.

ОДЕССИТ



ВАЛЕРИЙ НЕТРЕБСКИЙ

Известный одесский краевед, автор более 500 статей и 12 книг по истории города. Многие годы он водил экскурсии по историческим местам Одессы, воспитывая у одесситов и гостей города любовь и уважение к Южной Пальмире.

Неподкупный судья Одессы

Когда 7 января 1817 года губернатор Ланжерон на открытии Ришельевского лицея обратился с прочувственной речью к его воспитанникам: „Молодые питомцы этого лицея, надежда ОТЕЧЕСТВА, которого вы будете когда-нибудь украшением...”, – он вряд ли подозревал, что помимо прочего Лицей станет кузницей юридических кадров. Особенно запомнились слова графа: „Соберете плоды... на том поприще, к которому судьба или воля ваших родителей вас назначает...” Если добавить к судьбе и воле родителей... кадровую политику начальства, то в списке именитых выпускников мелькает немало юриспруденческих светил того времени.

Вот лишь некоторые из них: И.С. Карузо – председатель коммерческого суда (Одесса), Э. Флуки – прокурор (Харьков), К.И.Казимир – прокурор (Одесса), А.С.Великанов – мировой судья (Одесса), К.И. Знаменский – судья (Таганрог), К.К.Котруца – уездный судья (Кишинев), М.М. Макселов – мировой

судья (Одесса), Я. Вейнберг – адвокат (Одесса). В списке выпускников в разделе „полковники” фигурирует г-н Дембровский.

Трудно было предположить, что военная и административная карьера дворянина Херсонской губернии Михаила Дембровского завершится в должности „почетного мирового судьи Одесского уезда; каковой пост он напоследок сменил на почетного мирового судью города Одессы”. Знал ли граф Ланжерон, что ему придется у Дембровских... выкупать дом для ПМЖ в Южной Пальмире? Но об этом чуть позже.

После окончания Ришельевского лицея будущий судья Дембровский в возрасте 21 года поступил на военную службу – исследователь В.И.Головань отметил: „...в 1850 году в чине штабс-ротмистра получил за отличие благодарность императора Николая I». Много это или мало-благодарность августейшей особы? Во всяком случае, уже в следующем 1851 году Дембровский „проскочил” в адъютанты к князю А.Г.Багратиону – Имеретинскому – прямому потомку грузинских царей. В начале 60-х годов XIX века Михаил „повертается” в родную Одессу в чине майора и выполняет „особые поручения” при генерал-губернаторе Александре Григорьевиче Строганове, затем при Павле Евстафьевиче Коцебу, чей отец Евстафий был „известным” драматургом.

Но увы! Над каждым начальником „нависает” еще более вышестоящий босс, и вот какую жуткую историю поведал нам Стивен Ципперштейн (Сэнфорд, США) в своем труде „Евреи Одессы”: „Евреи утешались слухом о том, что стоявшее над Коцебу начальство было крайне раздражено... генерал получил даже пинок от одного из вышестоящих начальников и в результате охромел...(! – В.Н.)”. После „травмы на производстве” П.Коцебу был наказан отправкой...

губернатором в Варшаву.

После Коцебу генерал-губернаторы в Одессе стали именоваться в документах „временными”... наш герой служил и при губернаторе Эдуарде Тотлебене, и при губернаторе Александре Дрентельне, завершив службу при губернаторе Христофоре Роопе.

На первый взгляд выглядит удивительно, что М.Дембровский выполнял „особые поручения” одновременно при губернаторах и при командующих Одесским военным округом. Суть в том, что, когда приказом военного министра №322 от 12 декабря 1862 года был образован Одесский военный округ, было предусмотрено совмещение должностей губернатора и командующего. Платили ли Дембровскому две ставки? Тем более, что М.Д приходилось тогда выполнять и правоохранительные функции.

Согласно В.И.Головань, он вёл „...в 1864 году следствие о действовавшей в Одессе фабрике фальшивых кредитных билетов”. Далее наш герой возглавил „судебное расследование в качестве председателя военно-полевого суда нашумевшего дела об убийстве и сожжении в Крыму игумена Порфирия”.

Согласно исследованию г-на Броневского, „...в степях, распространяющихся от Качибеева Городища къ Очакову, находятся соляныя озера... Туда стекается всегда множество казаков”.

Следующим после казаков стал „...судья Дембровский, он официально считается „учредителем куляницких соляных промыслов”, которые до „добровольного” присоединения Средней Азии к империи играли важнейшую роль в обеспечении Российской империи необходимым продуктом.

Здесь Дембровский сотрудничал с легендарным городским головой Николаем Новосельским, взявшим в аренду соляной промысел,

после чего добыча была доведена до четырех тыс. пудов соли в год.

По „этому делу” проходил и соледобытчик Арон Зальцбург. Его внука Самуила (по свидетельству С.Вайнבלата) в возрасте 28 лет „сбила на улице санная упряжка городского головы”. Правнук „жертвы царизма” Самуила Зальцбурга известный одесский врач Григорий Авербух стал еще и писателем, автором книги „Рассекреченные судьбы”...

Во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов Одесса превратилась в главную тыловую базу империи и Михаил Дембровский руководил эвакуацией раненых с поля боя.

В 1867 году М. Дембровский был избран почетным мировым судьей. „Памятная книжка Одесского градоначальства” за 1867 год, в разделе „Одесский уездный съезд мировыхъ судей”, в числе четырех „почётныхъ” судей указывает: „Генераль-майоръ, М.Н. Дембровскій. Малый пер.”. Судья проживал в доме князя Абомелека (ныне пер. Маяковского № 4). Причём при определении адресов по вышеозначенному переулку следует учитывать топонимический скандал (сколько их было в Одессе !).

Оказывается, первоначально Малым переулком именовался Казарменный переулок как более короткий к казармам, отчего улица Гоголя (Надеждинская) первоначально именовалась Казарменной. Нынешний же переулок Маяковского первоначально именовался Казарменным, что отражено в источниках, „раскопанных” топонимистом Я. Майстровым. Но при подаче списка одесских улиц и переулков на утверждение в Петербург одесские чиновники перепутали названия переулков, поменяв их местами. После утверждения Одесского списка лично царём никто в Одессе не осмелился вернуть названия в прежнее положение, и на момент поселения

здесь нашего героя перепутанные названия вошли в обиход, а „царівська вказівка” учтена и при нынешних демократических переименованиях.

Как объяснить, что в вышеупомянутой „Памятной книжке Одесского градоначальства” за 1878 год, где на стр.108 указан адрес «Малый пер., № 2», на стр. 93 в списке „состоящихъ при командующемъ войсками (генерал-адъютанте В.С. Семеке – В.Н.) для особыхъ поручений” первым фигурирует „генераль - майоръ Дембровскій. Польская ул. № 2”.



Граф Ланжерон

Речь идёт о „дожившем” до наших дней доме на углу Польской и Дерибасовской улиц принадлежавшем г-ну Илькевичу, но затем аристократизм домостроения усилился, после перехода владения к мадам Матильде де Сан - Лоренцо, впрочем, в придачу перед частицей „де”

иной раз стояло „Карафо”, и даже „продвинутые аборигены” главной улицы столицы Причерноморья с первого захода не брались выговорить полное имя благодетельницы – Матильда Феликсовна Карафо де Сан - Лоренцо.

Знавал ли судья Дембровский, мотаясь с Малого переулка на Дерибасовскую, первоначального г-на Ильевича, которому принадлежал и соседний дом № 3 по Дерибасовской, однако именитых жильцов обоих домов поминали в 1967 году, на торжественном открытии „1-го в мире (не доказано – *В.Н.*) памятника изобретателю языка „эсперанто” д-ру Лазарю (Людвигу) Заменгофу”.

Какую категорию одесского бомонда имела в виду поэтесса Татьяна Бек, заметив:

„Какая родословная без мифа,
Который разом горек и лучист ?
Мой дед
скончался
от сыпного тифа.
А был красавец и эсперантист”.

Но до торжественных похорон судьи Дембровского было еще далеко, а чтобы отдалиться от неприятной темы вернемся ... в детство Миши.

Поиск родового гнезда Дембровских был облегчен открытием известного краеведа В.А. Чарнецкого документа о том, что 20 марта 1825 года за 42 тыс. ассигнациями экс-губернатор А.Ф. Ланжерон выкупил дом по Ланжероновской (Ласточкина) № 21 у коллежского советника Николая Дембровского (отца). По иерархической шкале „табели о рангахъ всехъ чиновъ военныхъ статскихъ и придворныхъ” из 14 классов „коллежский советникъ” был шестым. До низшей 14 -й ступени - „коллежский регистратор” было уже дальше, чем до верхней ступени, и можно было смело поторговаться с пусть отставным, но

все же губернатором.

Будущему судье, родившемуся в 1819 году, на момент купли - продажи стукнуло 6 лет. Видели ли Михаил Дембровский А.С.Пушкина, который хаживал в расположенный рядом лицей – будущую альма-матер Михаила. Следует учитывать, что от домостроения Дембровских лицей отделялся... оврагом.

„Оплот просвещения” заполучил овраг в виде ценного подарка. В „Очерках народного просвещения”, изданных в 1894 году, живописуется: „Соседняя съ лицеемъ домовладелица генеральша Анастасия Афанасьевна Попандопуло подарила лицеему часть своего дворового места, 6 сажень по Дерибасовской Ланжероновской улице и 40,5 сажень въ глубину двора”. Генеральский подарок оказался с подвохом, зато остатки легендарного оврага, на который любовались Пушкин, Мицкевич и Мурзакевич, можно лицезреть и сегодня, войдя в четвертый двор бывшего дома Вагнера со стороны Екатерининской улицы –там и находится искомый „попандопуловский” овраг.

Возникает вопрос, когда был застроен прилегающий к лицеему со стороны Гаванной (Халтурина) улицы 5 -й квартал военного фронштадта? Ещё в 1794 году получили участки: премьер-майор Андрей де Рибас, капитан-лейтенант Дю-Парк, секунд-майор Феликс де Рибас... Воспитанник лицея Н.Г. Тройницкий писал: „Наша классная комната выходила окнами на Ланжероновскую улицу... кто-то однажды крикнул : „Пушкин идет, Пушкин !”... Я заметил человека с палкой на плече, как он поворачивал за угол лицея. Он шел проворно. Это был Пушкин”. По всему видно, что Александр Сергеевич „проворно” шел со стороны дома Дембровских. Но был ли сам дом ?

На „французском” плане маркиза де Кас-

тельно 1814 года кроме „гимназии”, ещё не ставшей лицеем, видны первые дома на углу Дерибасовской и Гаванной улиц, в отличие от генплана 1803 года, где обозначенный участок пуст. Зато на чертеже архитектора Г.И.Торичелли 1826 года на участке Дембровских обозначены три домостроения. Все ли они проданы Ланжерону?

В.А. Чарнецкий в очерке „Дом Ланжерона” указал: „ Этот дом был построен только в марте 1824 года – открытый лист получен Дембровским 17 числа этого месяца”.

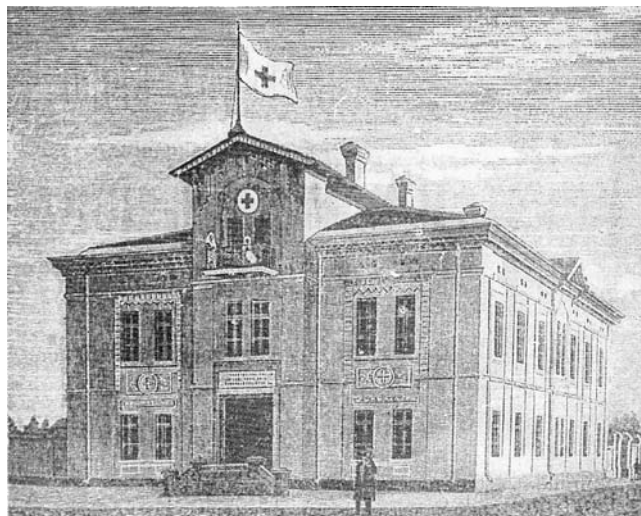
В „Хронике жизни и творчества А.С.Пушкина», составленной известным знатоком пушкинской Одессы Л.А. Щербиной на основе „Летописи жизни и творчества Александра Пушкина” в 4-х томах, фигурирует запись: „Одесса. 1824 год. Август, 1. Пятница. Утром Пушкин с дядькой Никитой Тимофеевичем Козловым уезжает из Одессы в Михайловское...”. Таким образом, у Дембровских оставалась толика времени лично если не познакомиться, то увидеть гения. И, разумеется, даже после вынужденного отъезда Пушкина, Дембровские, как и все именитые одесситы, не могли не знать и не пользоваться сервисом воспетого поэтом ресторатора Отона, а при случае поселять гостей в его гостинице.

Правда, некий краевед строго указал: „Дешевый отель Отона. Это тем более удивительно, что отеля такого никогда (подчеркнуто – В.Н.) не существовало”. Но мемуары современников и газетные объявления „оттоновского” периода опровергают эту версию.

В предреволюционных справочниках можно прочесть: „Отонъ Викторъ Людвиговичъ Казарменный пер. № 2. Земскій Банкъ Херсонской губернии”. Университетские профессора, написавшие главы к юбилейному труду „Одесса 1794-1894”, неоднократно употребляли фамилию „Оттон”, но по отношению не к знаменитому

ресторатору, а к его сыновьям – архитекторам.

Видимо, оба начертания редкой фамилии имеют право на жизнь. Академик М.В. Замечек (создатель довоенного музея „Старая Одесса”) в составленном им „Алфавитном списі архітекторів, граверів, художників та різних майстрів, роботи яких маютья в Музеї “Старої Одеси”, привел 3-й вариант „оттоноведения” – образца 1927 года: „Отон (Отонн) Л. – архітекта. (так в тексте – В.Н.) В Музеї його роботи 1856 року..”



Здание одесского Красного Креста

Все сказанное лишний раз свидетельствует, как бережно нынешние исследователи должны относиться к персонажам из прошлого Одессы, тем более когда речь идет о пушкинском окружении.

Осталось добавить, что после Дембровских и четы Ланжеронов комплекс домов на углу Ланжероновской и Гаванной сменил многих владельцев, но, видимо, в память о героическом судье здесь в оные времена разместился Институт судебной экспертизы.

В „дембровские” времена уездный мировой суд дислоцировался на ул. Херсонской (Пастера) № 29 (домовладелец г-н Корейво), а „городской съезд мировых судей” – по адресу ул. Елисаветская (так в справочнике – *В.Н.*) № 3 (домовладелец г-н Коган).

Но подлинная слава пришла к Дембровскому не в пыльных судебных делах, где чаще всего фигурировали граждане, не отягощенные интеллектом, что отображалось на здоровье судейских. Столкнувшись во время войны с несвоевременной помощью раненым и увечным воинам, Михаил Николаевич стал активистом... Красного Креста. Более того, Дембровский был назначен краснокрестовским казначеем, финансово „курируя” не менее 60 сестер милосердия. Позже на судью возложили еще одну обязанность, источники отметили: „...в последний год жизни возглавил Комиссию по постройке здания для общества”.

Для того чтобы узреть творение Дембровского в наши дни, следует направиться на одноквартирную, старинную Мариинскую улицу.

Под № 3 на Мариинской улице по сей день стоит здание, возведенное попечениями нашего героя. Ничто не напоминает, что это здание первоначально было двухэтажным и на 2-м этаже помещался храм во имя Касперовской Божьей Матери – небесной покровительницы града Одессы. Здесь, наряду с Дембровским, молилась попечительница графиня Е.В. Капнист. Основатель Красного Креста швейцарский банкир Анри Дюрак высоко оценивал Одесское отделение, где был организован „рассадник сестёр” (!). Попечениями Дембровского на так называемых „драгутинских плантациях” было выделено 900 кв. сажен. 3-й этаж был пристроен к главному зданию в начале XX века, но судья - благотворитель не дожил до этого.

Холодным январским днём 1891 года проща-

лись с Михаилом Николаевичем на Старом кладбище, превращенным варварами в парк Ильича (ныне Преображенский парк). Надгробную речь произнес городской голова Г.Г.Маразли. Судья и воин, благотворитель и просто хороший человек не должен быть забыт. Временщики приходят и уходят, а Одесса будет стоять до тех пор, пока в ней есть Дембровские.



Памятник Л. Заменгофу



ОДЕССИТ

**ЕВГЕНИЙ
ГУФ**

*Известный одесский писатель, автор книги „Господин самоубийца”
и множества сценариев телефильмов, посвященных истории Одессы.*

Черная Борода *штучная работа истории*

По Мало-Фонтанской дороге движется конка. На площадке у заднего входа – зажатый в форменную тужурку кондуктор. С одной из последних на маршруте остановок, возле нынешнего санатория Чкалова, в салон поднимается пожилой господин. Вместо денежки за проезд он достает из кармана золотые часы. Протягивает ошеломленному кондуктору: «Это вам, – говорит солидный господин. – По случаю двадцатилетия работы». И он поступает так не как городской голова, но человек, имеющий дачу на Малом Фонтане.

Подобным экстравагантным образом в Одессе мог поступить только один житель. Григорий Григорьевич Маразли.

«Пожертвовал», «подарил», «поддержал», «не отказал в содействии», «проявил понимание»... Благодарны даже глаголы.

Феноменальная, не знающая другого примера благотворительность.

Григорий Маразли – один из трех китов, на которых держится наша ракушечная ойкумена. Любимчик современников. Можно сказать: трижды любимчик: ведь он переизбирался городским головой три срока подряд.

На Греческой площади, одной из сторон выходя в Красный переулок, когда-то стоял дом отца Маразли. Новое строение отчасти сохранило прежний фасад. Но больше дух.

Итак, здесь он родился!

Но родился ли?

Григорий Маразли – случай особый. Человеческий эксклюзив. Штучная работа всемирной одесской истории. Впрочем, канцелярская запись за 1831 год соблюдает отечественный стандарт: «В июле 25 числа у проживающего в городе Одессе одесского купца 1-й гильдии Григория Иванова сына Маразли и законной жены его Зойотцы Феодоровой...»

Обеспеченная семья дала ребенку достойное образование. Его передавали как палочку на эстафете. Запыхавшийся домашний учитель – пансион Кнерри. К образовательному финишу Маразли стартовал с командой педагогов солидного Ришельевского лицея.

Времена свободой слова и вольностью поведения не отличались. Про эпоху Николая I сказано и написано много. Известный каламбур сжимает её от первого до последнего дня в несколько строчек.

Во Франции дозволено всё, даже то, что нельзя.

В Англии можно многое, кроме того, что нельзя.

В Германии ничего нельзя, кроме того, что разрешено.

А в России запрещено всё, даже то, что можно...



Григорий Маразли

Во дворе лицея – устоявшийся запах моря. А ещё чувствуется пшеничное дыхание быстро растущего порта. Про Одессу говорят «хлебный город». Торговля зерном не прекращалась даже во время русско-турецкой войны. Обе стороны считали это нормальным. На экспорте хлеба сделал свои весьма солидные деньги отец Маразли. Маленький грек часто спускался вместе с отцом в портовую гавань. Его тянет за горизонт. Впоследствии все поездки Маразли скажутся на благоустройстве Одессы. На превращении её в город европейского вкуса.

Через много лет на улице Старопортофранковской вскинет купол церковь с названием «Храм для учащихся во имя Григория Богослова и Мученицы Зои». Григорий – имя отца Маразли, мать звали Зоей.

Учеба закончилась. У корабля Маразли надежные паруса: состоятельная родня, семейный бизнес – сверхдоходная торговля хлебом; плюс достойное образование.

Пора в самостоятельное плавание!

Место службы – беспокойный Кавказ. Должность – «чиновник особых поручений». И начинает Маразли при царском наместнике Михаиле Семеновиче Воронцове.

Характер занятий или, скорее, место службы ему не подходят. Баловень судьбы ищет для себя новое применение. Вскоре он надолго уезжает в Париж. Где, видимо, пребывает в роли богатенького повесы. Но, возвратившись в Одессу, продолжает в той же должности «чиновника особых...» И по-прежнему у Воронцова.

Князь Воронцов – по-английски образованный человек. Это означает де-факто прекрасный администратор.

Должность молодого Маразли такова, что, кроме стола и чернильницы в присутственном месте, наблюдается и некоторое разнообразие дел.

Воображение начинающего карьериста поражает факт из жизни патрона.

Во времена Наполеоновских войн граф был командующим русским экспедиционным корпусом, занявшим Париж. И при возвращении армии на Родину оплатил все тамошние долги всех своих офицеров.

После смерти отца Маразли получает солидное состояние. Будучи миллионером, служить простым чиновником неудобно... На городском общественном подиуме Григорий Маразли появ-

ляется тридцати пяти лет отроду, в 1866 году.

Его новое качество – «гласный думы».

«Гласный» – это то, что, отпрыгав по ступенькам истории вниз, закатилось в подвал нашей современности в качестве «депутата».

Через десять лет, в канун жесточенной русско-турецкой войны, Маразли становится «заступающим место городского головы».

Прежний глава городского самоуправления А.П.Новосельцев, самостоятельно удалившись в Ялту, пребывает под следствием.

В 1878 году Григорий Маразли первый раз избирается одесским городским головой.

В Одессе несколько беспокойная атмосфера. Черноморский флот крайне слаб. Одесса может быть подвергнута бомбардировке из пушек броненосных турецких фрегатов.

В порт течет бело-черная струя войск. Мохнатые лошади упираются, не давая разогнаться массивным пушкам. Маразли с удовлетворением замечает правильность решения об устройстве брусчатки: тяжелые орудия могли погубить съезды к причалам.

Вся деятельность Маразли на посту городского головы носит, как бы так выразиться, – внешний характер. Её определяет фасадная сторона. Подразумевается благоустройство Одессы. Создание комфортных условий для горожан. Но при тогдашнем административном баобабе иначе быть не могло. Судьбоносные для Одессы решения принимались другими людьми.

Во времена пребывания Маразли на втором сроке начинается строительство нового Городского театра. Прежний сгорел в 1873 году. О нем не очень-то и горевали. Конструкция была такова, что сквозняк на входе продувал насквозь. Новый театр апофеоз стиля венский ампир. А ещё при Маразли заложили Александровский

парк, открыли первый участок конно-железной дороги. Затем – устройство городских скотобоен, постройка дешевых квартир, замечательный памятник Пушкину, паровой трамвай на Хаджибейский лиман, психиатрическая больница. Ипподром, цирк, музеи, больницы...

В городе – динамичное строительство. Стиль первых одесских домов восторгов не вызывал. Здания строились по Высочайше утвержденному шаблону. Один этаж, в центре сооружения – ворота. Из украшений: вялый круг или гирлянды цветов. И почти обязательная односкатная крыша с уклоном во двор.

Во времена Маразли фонтанирует изобилие стилей, особенно классицизм и ренессанс.

Сам Маразли – человек в стиле барокко. Персонаж не без причуд. Современник записывает: «...садясь за обеденный стол, надевал зеленый зонтик, скрывающий его лицо». Как правило, рядом Сергей Витте, тогда начинавший в Одессе. Впоследствии знаменитый министр финансов, генералиссимус твердого золотого рубля.

После обеда Маразли опускался в кресло, дремал. Рука медленно перебирала четки.

Наблюдение современника: «Черная шелковистая борода, отливающая синевой».

О внешности Григория Маразли – особо. В экспозиции Художественного музея выставлен прижизненный портрет Маразли. Работа художника Ивана Карцова. Портрет написан с подлинной фотографии Маразли. Мы видим солидного мужчину в летах. Определение «чиновник» подходит мало. Григорий Григорьевич вполне отвечает фактуре бывалого флотского адмирала.

Наград множество. Маразли был отмечен всеми орденами Российской империи. И даже редким Александра Невского. Среди наградных

трофеев – знак внимания Бухарского эмира.

Восточный сатрап Сеид-Абдул-Ахад-хан пребывал в Одессе проездом. Гостеприимство Маразли затронуло в душе эмира самые чуткие струны. Ответная любезность украсила десятки провинциальных мундиров.

К слову, в доме на Пушкинской № 4, где жил Маразли, принимали Виктора Эммануила, будущего итальянского короля. Ныне от былой роскоши остались ничтожные крохи.

Почетный опекун, филантроп, меценат, президент Общества изящных искусств, попечитель, общественный деятель... К сожалению, в этом реестре не чувствуется человеческого обаяния Маразли. Это всего лишь констатация фактов жизни.

Многие его дела просто обязаны вызывать удивление.

Благотворительная деятельность Маразли начинается с пожертвования пяти тысяч рублей Мариинскому детскому приюту. Следующий шаг: постройка трех зданий на Привозной площади. Одно из них – ночлежный приют, два других – детская и дешевая столовые. Всего здесь питалось до полутысячи человек. За гривенник человек получал два полноценных блюда. Взнос Маразли на строительство – 30 тыс. рублей.

Затем 47 тысяч на «Богадельню трех углов» у Чумной горы. 21 тысяча на устройство ночлежки для бездомных грузчиков, так называемого «баржана». Причем с парадной лестницей для обывателей окрестного района. Здесь же чайная, столовая...

Старинное название этой местности: «Швейцарская долина».

На улице Пушкинской располагается «Маразлиевская богадельня». Стоимость даримого 45 тысяч рублей.

Цены тех времен ласкают глаз:
Сыр голландский - 50 коп./кг. Колбаса. - 80 коп./кг.

Вино французское - 50 коп./бут.
Заяц тушка - 1 руб.

Напротив Куликового поля находился «Приют для привилегированных сословий». Ныне здесь работает множество госчиновников. Такова язвительная шутка истории.

Здание первой в России Бактериологической станции на Херсонской. Оно тоже построено на пожертвование Маразли.

И всё же основная забота Григория Маразли касается духовной стороны одесской жизни. В переулке Книжный строится Городская народная читальня.

Археологический музей на бывшей Биржевой площади был сооружен в основном на средства Маразли. Первоначально здание предназначалось для Городской Публичной библиотеки и Музея Одесского общества истории и древностей.

Любопытный факт: скульптура Лаокоона, стоящая перед музеем, также была сделана по заказу Маразли. Правда, для его дачи на Малом Фонтане.

К сожалению, на фронтоне музея, как и на многих других зданиях, отсутствует упоминание о Маразли.

«Ведомости Одесского городского общественного самоуправления». 4.11.1889 года. Из речи Григория Маразли: «...ощущается потребность в таком учреждении, которое могло бы послужить ... к развитию вкуса ко всему изящному и прекрасному».

Итогом стало приобретение в пользу города дворца на Софиевской улице с целью размещения в нем Музея изящных искусств.

Устройство школ, читален, аудиторий... В

Публичной библиотеке – около 10 тысяч томов из его библиотеки. Перечень благодеяний Маразли можно продолжать очень долго.

При всём этом Маразли, конечно же, был живой человек. Не лишенный слабостей, свойственных многим и многим. В том числе желания жить в роскоши, которую он себе позволял в особняке. Не говоря уже о даче на Малом Фонтане.

При этом городской голова оставался достаточно демократичным.

Художник А.Нилус: «Когда я впервые поступался в калитку дачи Маразли и попросил разрешения приходить иной раз в парк, привратник сказал: «Кто же вам может воспрепятствовать?»»

Главное здание дачи сохраняет классический стиль Археологического музея. В одном из углов чудесного парка можно обнаружить колодец. У него круглый мраморный цоколь. На торце хорошо просматриваются вырезанные инициалы: «ГМ».

Это отец Маразли. Он тоже понимал важность служения обществу. Маразли-старший входил в городской «Комитет по устройству дождевых цистерн и колодцев».

Как пишет Александр Де-Рибас в «Старой Одессе», «Цистерны эти давали роскошную воду».

Роскошную...

Маразли и женщины!

«Тут был и богач Маразли, пресыщенный жизнью, драпирующийся полным разочарованием, а между тем не упускающий из виду ни одной более или менее смазливой маски», - так отражается городской маскарад во мстительных глазах наблюдателя тех времен.

Дамы – особая сторона его жизни. Практически всю свою жизнь Маразли пребывал в качестве холостяка. Был щедр. Дом на Маразлиевской, сказывают, подарил одной из своих

любовниц. Мраморные колонны, лепнина, паркет... Симпатия Маразли имеет солидный эквивалент.

Один из его друзей как-то поинтересовался: где перстень, который он часто видел у Маразли?

Тот ответил, что теперь носит перстень на пальчике некоей милой дамы.

Пребывая за границей, Маразли оказывал покровительство известной актрисе Саре Бернар. Молва приписывала ему увлечение Евгенией де Монтихо, будущей супругой Наполеона III.

Несмотря на многочисленные и ошеломительные романы, закоренелый холостяк женился только в 71 год. Его избранницей стала супруга председателя Одесского коммерческого суда. Увел-с!..

Мария Фердинандовна пережила своего второго супруга и застала голодные советские времена. Бывшая миллионерша, товарищ Маразли-Кич, пекла пирожки и продавала с лотка. Это происходило в ланжероновских переулках у моря. Пирожки были вкусные, покупали охотно. Фортуна хоть и отвернулась от мадам Маразли, но на прощание подмигнула.

История заслуживает отдельного рассказа. Ночь, шлюпка, иностранный миноносец с пугливым сигнальным огнем... Марию Фердинандовну приютила греческая королева. Сам Маразли не дождал до торжества лже-равенства и квазибратства. Его земной маятник утратил завод в 1907 году. Он умер смертью благородных людей. От разрыва сердца.

Впрочем, не без шика, с которым жил. Над тарелкой с черной икрой.

Имущество Маразли лихо разошлось по родственникам. Супруга Григория Григорьевича получила всего лишь достойное содержание.

Последние годы жизни Маразли сопровож-

дало сильное разочарование. Во время беспорядков 1905 года люмпен и окрестные босяки, для которых он сделал так много, разграбили и сожгли Одесский порт.

Современники пропели о кончине бывшего городского головы напыщенные дифирамбы. Задумывался памятник; автор, скульптор Эдуардс, представил макет...Циклопическая волна, поднявшись в августе 1914-года, легко смыла всё.

Есть ещё один момент в повествовании о Черной бороде. Странное, жутковатое поветрие накрыло в XIX веке Европу. Страницы газет наполняли десятки невероятных историй. Все они касались так называемой «мнимой» смерти. Писали, что граждане, которых успевали закопать, вскоре приходили в себя в пикантной, мягко говоря, ситуации. Самые продвинутые умы придумывали для спасения заживо погребенных множество приспособлений. Сирены, колокола, рычаги. К делу подключился даже отец Альфреда Нобеля, изобретателя динамита.

Вскоре специфическая европейская мода достигла Одессы. На Втором городском кладбище появилась часовня. Сейчас не известно, какое именно техническое устройство для подачи сигналов ожившего стояло внутри. Известно другое: для Одессы она была построена на средства Григория Маразли.

А сам он вернулся к нам спустя почти сто лет...



*Раскопки на Жеваховой горе.
2006 г.*

Гений места

ЕВГЕНИЙ ГУФ

Реквизит для линии горизонта

*“Без меня сгорают зори
У Жеваховой горы”
Орест Намикос*

Нудный Нарышкинский спуск донимал подвыванием машин. Пестрая струя их канализировалась в дымящую дыру Пересыпского моста. Когда-то спуск был много круче. Его удлиннили после чудовищной катастрофы в 30-х годах. Вниз, к железнодорожному переезду, буквально слетел полный пассажиров трамвай.

Мой путь наверх занимает пять минут. Пытаюсь унять дыхание, я несколько времени стою на изломе из булыжного «рваного» – камня. Чуть дальше, в самом начале Софиевской улицы, бросается к морю крохотный переулок. В его каменной щели всегда свежо – до озноба; море поднимается мягкой стеной.

Ещё полторы сотни шагов – и я у бордюра, располагающего к выражению восторгов. Много дальше, держа мои глаза в напряжении, в полудюжине километров через Одесский залив, брошена на горизонт

сплюснутая шляпа огромной горы.

Это и есть гора Жевахова.

Примечательно, что прямо подо мной, стекая к бывшему «баржану» – ночлежке для портовых грузчиков – живописной претенциозной лестницей, находится участок склона, называемый в гармоничные времена «Швейцарской долиной». Иметь домашние горы: Чумную, Шкодову, Жевахову и не назначить в связи с этим – в приличном месте, – нечто швейцарское – этого не вынесет народ!

Я попытался задуматься: а почему среди равновеликих глиняных лбов часть из них так и осталась всего лишь горками – Воронцовской, Больничной, Поповской, Киселовой и Большой? Ответ, полагаю, прост: если на вершину объекта можно без затруднений подскочить на пролетке – увы, «горка». Но если оседлав свои собственные ноги, – так уж непременно «гора».

Трамвай № 7, самый многострадальный в городе, доезжает к горе менее чем за «Песнь о купце Калашникове». Жевахова гора угнетает узкий, похожий на вену, пересыпский перешеек. Воды Куяльницкого лимана и моря продолжают общаться. Правда, теперь это уже не короткая, рискованная для шальных плоскодонок волна, а медленный дрейф колючих соленых капель. Капли сочатся к морю под кариесными фундаментами известняковых домов. Гудящая мембрана Николаевской дороги настраивает их на одну тусклую ноту.

Уровень Куяльницкого лимана ходит вверх-вниз каждые одиннадцать лет. Подземная река мелеет, затем вновь точит ракушечный «жевахов» бок. Миллионы капель, целые лежбища отстаиваются в огородах Локомотивных и Соляных переулков. Грунтовые воды и в самом деле чересчур высоко. Земля похожа на губку. Осенью и весной она любит придержать за подошву.

Слякоть – в местной молве «болото» – чавкает язвительно. В болоте долго тлеют окурки. Туберкулезно дешевое «Мого» дымит из-под многих красных носов.

Николаевская дорога – изрядно напряженная трасса. Двести тысяч глаз ежедневно видят Жевахову гору. От трассы до горы считанные минуты ходьбы. Но эти двести тысяч не хотят и не будут парить на её вершине. Закон скоростной трассы прост: маятник событий раскачивается лишь вдоль медианы.

Направляясь на одно из чудес одесского света, приходится томить душу на переезде. Но раз уж такое случится, прошу вспомнить мой дальнейший рассказ. Железнодорожный переезд этот не так и прост.

Сразу за пучком рельсов улица Лиманная предлагает дополнительные варианты. Любой из них хорошо плох. Мне больше подходит кратчайший путь на гору – тупик, где, совсем не образно говоря, «коня потеряешь». Туда, к неказистой цыганской хатке, ведет дорога из колотого гранита.

В самом начале тупика, взявшись невесть откуда, возле меня появляется мальчуган. Чумазое исчадие рая пытается слупить пару копеек. Но совершает это с удивительной ленью. Вот дай – и всё.

Рядом держится псина. В глазах – ночной сон о мясе с кровью. Собака предприимчива. Тощий хвост начинает с любезностей: «Как это вас сюда?..» Он пишет в воздухе целые великосветские фразы. Я продюссирую редкий талант и настойчивость бутербродом. Сочетание собачьего воображения и липкой человеческой лени пугает.

Тупик ведет-ползет вверх. Колючки ловкой дерезы по-сутенерски придерживают возле кустов. Обильные залежи мусора. Но говорить, что они «имеют промышленное значение», пока ещё

рановато. Нужно подождать годика три. Мусор, как и везде в нашем богоспасаемом городе, бросают где случится нужда. Пупырчатые груды пэт-тары содержат жадное чужое дыхание.

На трубе то ли цеха, то ли склада рассекает струи ветра жестяной флюгер-дракончик.

Подъем на гору, – а высота сорок с небольшим метров, – хоть и короток, но досадно крут. По желобу глиняной тропинки текут струйки проворной пыли. Ветвистый боркун, пижма, седая полынь, живокость, гадючий горошек – я хватаюсь за их тощие стебли. Всё высохло. Как навсегда, до костяного хруста. Степной огонь, что иногда носится по склонам наперегонки с ветром, мгновенно жалит щеки и губы. Хрупкий пепел размывает среди глазастых паучьих нор.

С вершины горы, помогая, тянутся теплые руки ветра. Подъем закончен. Даже какое-то удивление: «Уже?..» Под моими ногами дырявый слой ракушечника, плотный «глина-бургер» и половик из суглинка, вытертый местами до рыжих круглых лужаек. Гора подобного типа называется «столовой». Её дальний конец, что в двух километрах от перешейка, ограничивает топкую чашу Куяльницкого лимана. Ошеломительный вид! Градусов триста - не меньше. Другой такой – естественной, – точки в городе нет.

Но эта Одесса непонятна, чужда глазу и чувствам. Незнакома даже лежащая у горы Пересыпь. Восприятие опрокидывает огромное пространство, заплетенное сетью из рельсов. Так и хочется повторить слова провинциального жителя, впервые увидевшего Москву: «Вот станция огромного размера...» На горизонте, совсем оторванно от порта, а потому нелепо, торчит маяк Воронцовский. Гигантская лестница просто исчезла. С западной стороны, поглощая россыпь окраинных редких домов, надвигается бездонная пустошь полей орошения.

Тем не менее, Потемкинская лестница вполне могла бы построиться здесь.

Что есть город? Что такое идея города?

Три вопроса: Зачем? Из чего? И как в нем жить?

С первой задачей предельно ясно. Чтобы закрепиться на вновь приобретенных землях. Для этого нужны города – и непременно. Тактика строительства крепостей – малопродуктивна. Именно поэтому османы были сметены с этих малолюдных до степного воя краёв. Ко всему же сам факт сооружения крепости неприятно ассоциируется с сомнительной законностью нахождения.

«Зачем?» – и потому, что на «семь часов», выражаясь по-флотски, тиранил православный глаз Константинополь. Мечта всех российских порфиросцев. И мечта – при наличии серьезной базы на Черном море, – уже вполне осуществляемая.

Теперь, наконец, – из чего? Только в массе горы, под случайными ногами лиц любопытствующих, строительного камня столько, что Одессу можно бисировать несколько раз.

Каверза в другом. Питьевая вода! На Жеваховой горе со окрестности нет пресной воды. Все источники – они же «фонтаны» – выклиниваются в известняковых пластах на востоке залива. Средний, левее Малый – если смотреть с вершины, – и, наконец, всемирно известный Большой. Этот вообще едва виден в дымке. Недостигаемо далеко...

Восточная часть моего бытописательского реквизита называется «Малой горой». Это широкий уступ, остатки оползня, случившегося несколько сот лет назад. На его склоне угасает, словно свеча, голубой обелиск. Как мне объяснили – памятник летчику. На Малой горе – редкие деревья серебристого лоха. Здесь, как и везде по побережью, лох прозван «маслиной». В ноябрь-

ских мелких плодах довольно сахара. Отменно помучившись, я добыл его где-то с полчаски. Поэтическая на вкус, горьковатая сладость. Язык воображает о себе невесть что!

Под кроной одного из деревьев укрыт вход в катакомбы. Жеваховские каменоломни – среди местных, «подковка» – не имеют связи с городским подземным массивом. Посещение подковки – мероприятие для адреналиновых наркоманов. Свод низкий, пространство угнетает психику, душит.

Ещё недавно в нескольких местах на горе стояли похожие на сытых половецких баб каменные обелиски. Чугунная плита на болтах повествовала: «Курганы» И далее, что «памятник...» с совсем уж забавным по нынешним временам: «охраняется законом». Вот именно здесь...

Задекларированные курганы здравствовали ещё около ста лет назад. И, как это всегда бывает с множеством нужных вещей, были загублены при заурядной дележке. В данном случае – земельных участков. Во время землеустроительных препирательств были обнаружены следы античного поселения. Одного из трех на территории, умятой Одессой с жадностью, достойной лучшего назначения. Местоположение двух других просматривалось с горы. Особенно хорошо было видно Киселову горку. Она доминирует над Лузановским пляжем. Раскопки на горке проводились ещё до войны. Античный полис на Приморском бульваре много солидней. Могу только догадываться, сколь зовущи в ночи были его мерцающие огоньки.

Во время раскопок в юго-западной части горы – в 1968-1972 годах – случилась редкая даже для более благополучных мест археологическая находка. Дело происходило в «хозяйственной яме», сиречь типичном одесском мусорнике, чью историческую ценность никак не может «проколбасить» мой современник. Это свинцовая

пластинка-письмо. Некий Протагор собирался в наши края и сетовал на трудности пути. Минуло около двух с половиной тысяч лет... Трудности сохранились очень даже неплохо. Особенно редкие трудности – уже исчезнувшие в халатной Европе – удалось спасти от забвения при похвальном неусердии местной власти.

Раскопки продолжают и теперь. Недалеко от меня созидает своё финансовое благополучие пара так именуемых «черных копателей». Лопатка похрустывает в керамических черепках. Какая-то вещица с торопливой радостью протирается полой куртки. Экая досада! Всего лишь чугунный осколок. След артобстрела прошедшей через гору войны. Трофей, которому ещё только предстоит стать товаром, летит с обрыва.

Копатели крайне немногословны. «А что-то серьезное попало?» – им не хочется лгать, своеобразно пожимают плечами: ясно, было такое... А про, цитирую, «семь строк убористого текста, буквы которого процарапаны тонким острием» они знают? Отнюдь: «Что вы! Главпочтамт и тогда был на Садовой...»

Ага! Вновь что-то попало; находка скорее-хонько укладывается в сумку. «Хороший глаз», – теплеет ко мне копатель. Он добавляет: «На горе сквозит, – и далее совсем уж любезно: – Может, винишка?..»

В позднее среднее средневековье где-то здесь, в устье лимана, появились причалы предприимчивых генуэзцев. Республика Генуя в те годы активно внедрялась на берега Черного моря. В силу исторических реалий, Генуя выставила на Куликово поле – в пользу хана Мамая – несколько сот арбалетчиков.

Вполне возможно, что эти самые причалы – а значит и какая-то фактория – и стали именоваться в бумагах полумифической Джинестрой, о которой длится уже вековой спор.

Волна шипела у самого подножья горы. В устьях лиманов особенно коварное дно. Липучий ил засасывает якоря. Некоторые из них теперь лежат на рейде местных музеев.

В Генуэзской республике существовала примечательная должность: «Начальник Черного моря». В середине XV века турки взяли Константинополь и «начальник...» попал, выражаясь современным языком, под сокращение штатов.

Восточный склон горы любопытен особо. Старинное, ещё казацкое название горы – «Довга могила». Мрачное «могила» в данном контексте содержит утраченное значение: холм, гора, возвышенность. «Довгу могилу» упоминает в своем приказе адмирал де Рибас. Дело происходит накануне штурма крепости Хаджибей. Приказ адресован Захару Чепиге, атаману Черноморского казачьего войска.

«Полкам конным и пешим ... выйти из балки к Довгой могиле, не доходя до неё, остановиться на возвышении.

Я прошу в этом месте отслужить Службу Божию, для чего Вам нужно ... приготовить священника.

После этого приказываю двигаться дальше».

Что касается балки, откуда выдвигались в то утро войска, то это, несомненно, балка возле села Корсунцы, гораздо более известного как Палермо. По-ленински прищуриив глаз, я вижу даже эту далекую перспективу.

В последующем приказе де Рибас отмечал тишину и порядок, «который наблюдался во время перехода опасного сего места». На траверзе горы влажно хлопала паруса турецкой флотилии. Рельеф на перешейке таков, что корабельная картечь могла вполне погубить мероприятие.

Войска передвигались «суворовским шагом». При Петре Первом, например, каданс, т. е. частота строевого шага составлял один шаг в се-

кунду. Суворов: «Вперед, мои фанаторийцы!» – и увеличил каданс! Полтора шага! Современный солдат пылит к славе уже со скоростью два шага в секунду...

Через сутки эпицентр событий смещается на другую возвышенность – будущую Воронцовскую горку. «Счастливым успех в овладении замком», - выводит неряшливое от волнения перо.

Вскоре возникает Одесса. И, понятно, окрестные земли не должны пустовать. Где-то в 20-х годах XIX века прилегающие земли вместе с Довгой могилкой были пожалованы генерал-майору, князю Ивану Жевахову. Он же Джавахов, Жувахов и т. д. – князь не был тверд в написании своих исторических реквизитов.

Иван Жевахов – одесская фигура не из последних. С молодых ногтей профессиональный военный. Служил под командованием Багратиона. У обоих грузинские корни – такая деталь! Жевахов был знаком с Ланжероном, его знал одноглазый фельдмаршал Кутузов. А Михаил Семенович Воронцов?.. Примечательно, что оба они стояли под ядрами в Бородинскую гекатомбу. Тогда в армии погиб каждый второй. Такое не забывается.

Так и получилось, что необычная местность досталась неординарному человеку. Исторический курьез: сын генерала Жевахова Александр сватался к родной тетке Валентина Катаева.

Постоянное место пребывания генерал-майора – имение на берегу лимана.

Приятельские отношения с губернатором Воронцовым определенным образом сказались на размерах вельможных владений. В 1833 году князь уступил в пользу города – и надо понимать, в виде любезности старинному приятелю – часть земель возле Жеваховой горы, на берегу Малого Куяльника, так тогда назывался лиман. Там предполагалось устройство грязелечебниц.

Из преискуранта: « – За купание в палатке особы – 40 копеек

– За грязную ванну – 2 рубля».

Господствующее положение Жеваховой горы было учтено в годы Крымской войны 1854-1855 годов. Здесь дислоцировалась артиллерийская батарея. Навесная пальба воспрепятствовала высадке десанта с англо-французской эскадры.

Любопытно, что в последнюю оборону рыли остановлены на рубеже как раз той самой балки, про которую говорилось. Свято место пусто не бывает. Во времена Юрия Гагарина и отважных кухонных разговоров возникла идея построить на горе жилой массив. Попытка градостроительства успехом не увенчалась. То ли общественность таки решила раскопать здесь нашу персональную Трою – да так и не собралась, то ли... В этой связи вспоминается публикация из газеты «Юг»:

«Однако после каких-то малопонятных полусекретных исследований, результаты которых неизвестны до сих пор, власти неожиданно отказались от этой идеи».

А гвоздь программы оказался в том, что на Жевахову гору зачастили неопознанные летающие объекты.

Один из неопознанных объектов был сразу опознан и выглядел, следуя публикации, как «яркий свет, будто самолет горящий к земле несется». Действительно, «летающий»...Ночное НЛО заявило о себе в виде огромного светящегося цветка.

Чаще всего гуманоидов видят как раз на железнодорожном переезде. Наиболее примечательный визит НЛО наблюдался 11 июня 1990 года. В тот день на всем протяжении Николаевской дороги, от горы до Лузановки, внезапно заглохли сотни автомобилей. Подробности рассказывали очевидцы: «Чтобы проверить эту догадку, мы вместе с женой вытолкали нашу машину на

расстояние пяти метров от крайнего заглохшего автомобиля». И далее, что ещё более впечатляет: «Небо было чистым, но это меня не смутило...»

Вскоре движение возобновилось.

Одесские уфологии посвятили изучению жеваховского НЛО немало сладостных дней.

Приглашались на Жевахову гору и экстрасенсы. По мнению одного из них, в глубине горы находится генератор непонятного излучения.

В огромной автомобильной пробке того дня довелось попариться и мне. Пробки на Николаевской дороге ежедневны, обильны. Я как-то всё прозевал. Но поселок Котовского, особенно Лузановка, шуршали разговорами ещё с неделю.

Сказать, что Жевахова гора – место, навевающее поэтическое настроение, я не возьмусь. Кажалось бы, такой ошеломляющий простор, степь, море – нет, не возьмусь. Странное место. Если не сказать резче. Сколько я там ни бывал, всегда испытывал сильное душевное беспокойство. Давно и уверенно знаю: подобное настроение находит в местах, где имеется негативный исторический фон. Гора ещё не предъявила своей главной загадки.

На железнодорожном переезде, где я освежал воспоминания об НЛО, мне устало сказали: «Да здесь и не такое бывает...»

По трамвайной остановке 7-го маршрута, что под горой, мерил шаги карманник. Он был легко узнаваем. Спортивная куртка, наброшенная на согнутую в локте руку, ощупывающие глаза. Женщины с фабрики предупреждали друг друга, и спорили: «Нет, это не наш...»

Он поднялся с задней площадки; все остальные – человек пять, пихаясь красными бухгалтерскими локтями, затолкались в щель возле кабины. Они и там, вытягивая шеи, огорчались: «Не наш...» И дружно ругали не имеющий гор Николаев.



История повседневности

**ВИКТОР
САВЧЕНКО**

Коренной одессит с Колодезного переулка, профессиональный историк, писатель, журналист. Создатель и вдохновитель десятков проектов, организаций, партий, выставочных залов, журналов... соавтор нового герба Одессы. Савченко – автор 8 и соавтор 2 книг, автор и соавтор 300 статей в журналах и газетах Одессы, Киева, Москвы и Парижа, редактор альманахов „Юго-Запад. Одессика” и „Юго - Запад. ART”, президент Ассоциации европейской культуры „Золотая акация”.

Одесские слухи и „политика партии”

(по материалам информационных сводок одесского ГПУ за 1922-1928 гг.)

Одесситы советской эпохи всегда интересовались событиями на кремлевском Олимпе, однако информация об этом была бдительно дозирована властями и чрезвычайно ограничена. В середине 20-х годов XX века только слухи – продукт народного творчества – заполняли информационный вакуум, став альтернативным источником информации. Часто слухи превращались в едкую кислоту народной

политической сатиры, что растапливала коросту страха перед властью.

Известный литературовед и историк того времени Сергей Ефремов в середине 20-х записал в своем дневнике, что Харьков „...живет сплетнями и на основе сплетен решает дела”. Белоэмигрант А.Голдвейзер, в своих “Киевских воспоминаниях” писал о Киеве начала 20-х годов: “Слухи – это целая эпоха... Никогда не было сочинено столько слухов, как в эти годы, никогда они не находили столь восприимчивой почвы, никогда не играли столь значительной роли в политическом обиходе широких кругов”. Примерно то же самое писал З. Арбатов о распространении слухов в Екатеринославе (Днепропетровске), отмечая поразительное “доверие к слухам”. Не отставала и Одесса.

Одесское ЧК „фиксировало” на Соборной площади в Одессе „...празношатающихся господ, которые собираясь в группы распространяют контрреволюционные слухи под видом политических новостей”.

Обычно слухи касались бытовых проблем (карточной системы, повышения цен, „чисток”, закрытия предприятий), но часто они сообщали о скором начале войны, интервенции, восстаний против власти.

В 20-х годах слухи появлялись разными путями. Их могли создавать и распространять и „агенты влияния” – скрытые враги власти, но в большинстве своем слухи появлялись после тщательного изучения советской официальной прессы как результат чтения сообщений „между строк”.

Жители Одессы понимали четкую зависимость изменения своего материального положения от политических раскладов в Кремле. Правительство Советской Украины часто не бралось в расчет... Обыватель знал, что марионеточное

украинское правительство, заседавшее в далеком Харькове, ничего самостоятельно не решает. Народ ждал вестей „из Кремля”, надеясь на ослабление экономического и политического давления, на улучшение жизни или хотя бы на „покараание виновных”. Слухи, в те годы, обретали характер „оружия слабых” – формы пассивного сопротивления простых обывателей тоталитарному режиму.

С начала 1923 года информация о ходе болезни Ленина, а скорее отсутствие информации о вожде пролетариата, привело к возникновению в Одессе большого количества слухов о состоянии здоровья Ленина, о возможном “наследнике кремлевского престола”. Одни слухи утверждали, что множеством страшных и неизлечимых болезней Ленина покарал Бог за все его преступления против народа. Другие – что Ленин заболел по причине разочарования в НЭПе. Были и детективные версии убийства или отравления вождя.

Весь 1923 год в Одессе нашептывали о том, что болезнь Ленина неизлечима, что власть скрывает от народа тот факт, что Ленин давно умер. “Ленин умер – долой коммуны!” – превращали слухи в боевые лозунги недовольные режимом одесситы.

Сектанты Одесской губернии утверждали, что Ленин настоящий „зверь Апокалипсиса”, а православные верующие – называли советскую власть „сатанинской”, “...царством дракона. Имя дракона и Ленина – 666”.

После получения официальной информации о смерти Ленина появился новый слух: „...Ленин не умер, а сбежал за границу” (в разных вариантах указывалось от кого „убежал” Ленин: от Троцкого, от Сталина, от евреев, от интервентов, от всеобщего народного восстания...).

Смерть вождя стала причиной появления

огромного числа фантастических слухов типа: „...Ленин уже шесть месяцев тому умер и сохраняется в замороженном виде”, „...Ленин умер от сифилиса” (в других вариантах – от разрыва сердца, чахотки или пьянства; был отравлен: Троцким, „белыми”, эсерами, евреями, коммунистами...).

Чекисты сообщали в Центр, что в феврале 1924 года, в момент траура по Ленину „... Одесса не плакала, а чесала языками”.

Часто, по слухам, смерть Ленина рассматривалась как начало раскола в партии большевиков, распада всей структуры власти, как конец ненавистного режима. Смерть вождя привела к ажиотажу вокруг вкладов в кассах и банках. Люди снимали свои денежные накопления, чувствуя ненадежность власти, возможную финансовую катастрофу.

Рабочие Одессы были убеждены, что: „...смерть Ленина – конец власти”, что „...смерть Ленина открывает соглашательство с капиталом”, что „...Москва уже на военном положении в связи с восстанием крестьян и рабочих”. Смерть Ленина активизировала антибольшевистскую пропаганду по всему СССР. О скорой „...смене власти и конце большевиков” шептали и на Тамбовщине, и в Сибири.

Одесские слухи подчеркивали всеобщее мнение, что у Ленина „пеемника нет”, что Ленин в государственном руководстве „единственный русский”, в то время как все другие руководители РКП(б) – евреи. Смерть Ленина совпала во времени с резким всплеском антисемитских настроений в СССР.

Если одни одесситы считали, что со смертью Ленина закончатся террор и несправедливость, то другие, как всегда, ожидали худшего, считая, что эта смерть приведет к возвращению военного коммунизма, продразверстки, к усилению террора.



Слухи предрекали, что „...начнутся великие напасти от Троцкого или Зиновьева”, если они займут трон после Ленина, что от Троцкого „жизни не будет”. В Одессе говорили что именно Троцкий убил Ленина или что сам Троцкий „...был раненый выстрелом Калинина” во время борьбы за власть в Кремле. Весной 1924 года некоторые рабочие Одессы проявляли радость от того, что из Кремля „выкинули Троцкого”, распространяя слухи о том, что Троцкий арестован или „убежал в Америку”.

В ноябре 1924 года, после того как официальная анафема троцкизму была помещена во всех советских газетах, слухи стали утверждать, что именно Троцкого Ленин назначил своим наследником, а „...партийцы спрятали завещание Ленина и скрывают его от народа”, что Троцкий выступил против коммунистов „за народ”. Одновременно в Одессе рассказывали, что Троцкий убежал за границу и стал меньшевиком.

Значительная часть жителей Одессы в середине 20-х годов изменила свое отношение к Троцкому, сработал синдром идентификации с гонимой стороной. В народном мифотворчестве он становится защитником обиженных режимом, лидером недовольных. И это несмотря на то, что среди одесситов, еще три года назад, Троцкого считали „кровавым диктатором” и виновником голода в городе.

В ноябре 1924 года в Одессе распространялись слухи о том, что „...вскоре победит Троцкий и рабочие и Красная Армия пойдут за ним”. Чекисты отмечали подозрительное повышение спроса на книги Троцкого в библиотеках Одессы и слухи о том, что „...книги Троцкого прячут от людей, потому, что там говорится, как облегчить жизнь рабочих”. В начале 1925 года ходил и такой слух: „Троцкий должен вернуться в Москву и стать во главе правительства”.

Одновременно смерть Ленина на некоторое время привела к ослаблению страха одесситов перед репрессиями власти. Так, траурное шествие в Одессе, связанное со смертью Ленина, в феврале 1924 года, на которое участников загоняли силой и угрозами, было проигнорировано профессорами одесских вузов и артистами театров.

Официальные первомайские и октябрьские праздники в 1924 году беспокоили власть по причине их возможного бойкота трудящимися Одессы. Даже рабочие ряда заводов Одессы отказывались участвовать в официальных первомайских манифестациях. На октябрьских празднествах 1924 года не показался никто из профессуры Одесского политехнического института и большинство профессоров других одесских вузов.

На беспартийной конференции строителей, что проходила в Одессе в мае 1924 года, звуча-

ли выступления рабочих против коммунистов, которых называли „буржузными прихвостнями” и „новым красным дворянством”. Рабочие утверждали, что „...власти рабочих не существует, так же как и свободы выборов”, что „...при власти находятся бандиты”, что „...эксплуатация рабочих сейчас больше, чем в царское время”. На конференции безработных Одессы слышались заявления, „враждебные к ответственным работникам”, призывы „Взять винтовки и гнать коммунистов”, заявления о „классовой борьбе между коммунистами и безработными”.

ГПУ сообщало, что безработные „...громят Ленина и Троцкого, всех коммунистов, Советскую власть и профсоюзы”, заявляя: „Умираем от голода, но знаем, куда нам направить штыки!” Информаторы ГПУ заявляли, что „...недовольство рабочих имеет массовый характер”, указывали на „...озлобление рабочих против Советской власти”. В 1924 году в разговорах рабочих звучали угрозы расправы с коммунистами.

В марте 1924 года в рабочей среде Одессы распространился слух о том, что в Москве началось рабочее восстание, а в Румынии для России готовится новое правительство. В мае 1924 года распространились слухи о грандиозной забастовке в Ленинграде. В середине 1925 года одесские рабочие говорили о восстании грузчиков в Мариуполе, что было подавлено армией, о том, что рабочие разгоняют власть и уничтожают оборудование, к этой информации добавлялось резюме: „Давно пора было нэпману показать нашу силу”. В то же время в Одессе распространился слух о рабочем восстании в Донбассе. Слухи гипертрофировали забастовки в Мариуполе, уверяли, что там произошел расстрел выступления рабочих с тысячей убитых и раненых.

На стенах заводов Одессы появились графити протеста против репрессий, в поддержку

рабочих восстаний. Интересно, что восстания в Донбассе, Мариуполе, Симферополе, Зиновьевске были только плодами антисоветских фантазий.

Фантастические слухи о восстаниях в Донбассе обрастали подробностями: "...военные части отказались стрелять, а комсомольцы стреляли в рабочих", "...против рабочих прислали комсомольцев, но их рабочие загнали в шахту и затопили 400 комсомольцев», „ только части ЧОН* смогли подавить восстание, расстреляв и убив сотни рабочих”.

В Одессе в мае 1924 года один безработный в знак протеста против условий жизни совершил публичный акт самоубийства. Под лозунгом “Долой власть!” безработные (4 тысячи человек), прорвавшись сквозь заслон конной милиции, и избив милицейское начальство, осадили Одесский губернский исполком Советов. Рабочие заводов Одессы приняли решение о том, что если хоть один выстрел будет произведен по безработным – демонстрантам, то рабочие как один выступят на их защиту.

В рабочих клубах Одессы слышались призывы “...выкинуть Ленина, Каменева, Троцкого”. Одесская улица отреагировала на выступление безработных слухами о стрельбе войск по толпе демонстрантов, о массовых расстрелах и арестах рабочих.

Сводки о выступлении безработных в Одессе попали и к Сталину, причем в этих сводках подчеркивалась политическая окраска выступления: „В толпе выступали эсеровские и меньшевистские агитаторы, под влиянием которых толпа требовала привлечения безработных к контролю над органами, работающими по борьбе с безработицей. На состоявшихся после демонстрации собраниях безработных представителям проф и парторганов не давали говорить; высту-

павшие требовали снятия с работы жен и родственников ответственных работников, отмены привилегий для коммунистов-безработных и борьбы со сверхурочными. Во всех выступлениях будирующим элементом являлись представители разных антисоветских партий, меньшевики, анархисты и укаписты**”.

Весной 1924 года в Одессе усилились слухи о скорой и неизбежной войне, появился слух о «бегстве Брусилова на аэроплане» из СССР. Встревоженные обыватели прогнозировали войну с Англией, Францией, Румынией, Германией, Польшей, утверждали, что эскадра Антанты уже вошла в Черное море и готова к десанту, и в то же время что в Польше Петлюра собрал войска в 20 тысяч человек и идет на СССР. Летом 1924 года в Одессе появляются слухи об ультиматуме большевикам, в котором Запад требовал от кремлевских властей смены курса и эвакуации советских властей с Украины присоединения Украины к Польше”.

С весны 1924 года вместо генерала Врангеля главным претендентом на роль освободителя одесские слухи стали величать великого князя Николая Николаевича Романова (дядю расстрелянного императора России). Середина 20-х годов связана с популярностью Николая Николаевича Романова и „монархического прошлого”. Одесситы стали горевать об утраченном „мирном времени” – эпохе до мировой и гражданской войн, до революции и террора. Часть населения города начала шептать, что при царе было лучше, что при царском режиме была свобода.

В Одессе заявляли, что „наследником” Ленина станет Николай Николаевич Романов или брат царя Михаил (Михаил Романов был убит большевиками еще в 1918 году), который уже „идет из Германии на престол”. Некоторые обыватели утверждали, что уже началось наступле-

ние из Румынии армии Николай Николаевича “в 50 тысяч бойцов”. Появление в 1924 году монархистских слухов в Одессе связано с активизацией на Западе русских монархистов-эмигрантов.

Сводки чекистских органов в 1925 году сообщали: „Обращает на себя внимание обилие большого числа монархических слухов, распространяемых особенно на Украине. В большинстве эти слухи связаны с возвращением во главе армии Романовых Николая Николаевича или Кирилла *** (в отдельных случаях и Михаила). В ряде случаев возвращение их связано с помощью западных держав. Интересны слухи о назначении Николая Николаевича или Кирилла президентом. Все эти слухи связаны, кроме того, с ожиданием раскола РКП...”.

Чекисты выявили один из источников проникновения монархической информации в Одессу: „По международной почте продолжает поступать в ряд губерний значительное число листовок. В большинстве листовки исходят от групп Николая Николаевича”. Монархическая пропаганда содержала обещания всеобщего прощения, „могучей России”, „права внутренней самостоятельности и национального развития”, передачи земли крестьянам, свободу слова и печати. Николая Николаевича листовки называют „вождем освободительного движения”. ГПУ решило, что в Одессе стал заметен “...рост активности контрреволюционных элементов, оживление монархистских кругов, надежды на интервенцию и крах советской власти”.

Чекисты выявили в Одессе монархические группы Соковина и Петленко, распространявшие слухи о чудесном спасении Татьяны и Алексея Романовых***. В 1925 году в Одессе появляется даже “лже-Алексей”, о чем активно шептали “кликуши и базарные торговки”.

В 1925 году в Одессе появляются слухи о

новых идеях фашизма. ГПУ сообщало о появлении организации под названием “Орден русских фашистов”, что ставила своей целью “...уничтожение марксистской идеологии, свержение Советской власти и замену ее властью неограниченной диктатуры русских фашистов, которая должна восстановить дворянство, возвратить владельцам их собственность. Намечалось распространение прокламаций экспроприация госучреждений и террор над членами Советского правительства”. При обыске у подозреваемого в организации фашистских ячеек была найдена печать “Русского союза фашистов”.

В августе-октябре 1925 года, в период нестабильности власти, по Одессе ходили слухи еще и о тайнах смерти наркома обороны СССР Михаила Фрунзе и гибели командира конного корпуса, героя гражданской Григория Котовского. По поводу загадочной смерти М.Фрунзе на больничной койке шли непрекращающиеся разговоры о его убийстве и поиск причин и виновников убийства.

„Фрунзе зарезали” – считали в кругах одесской интеллигенции. Молва указывала на наиболее знаковые политические фигуры того времени (на Сталина, Троцкого, Дзержинского) как на возможных заказчиков убийства. Некоторые „шептуны” считали, что „преемником Фрунзе станет Троцкий”.

Неподдельный интерес вызывала у жителей Одесщины любая информация, связанная с убийством Котовского. Котовского в Одессе знали еще по 1907-1916 годам как главаря крупной бандитской шайки. В 1918-1919 годах советская карьера Котовского (как „красного” командира) была связана с Одессой. Да и смерть свою Котовский встретил под Одессой, в Чебанке.

В народе говорили, что Котовского убили за то, что он раскрыл „злоупотребления Сахартрес-

та”, за то, что он „...стал нэпманом и миллионщиком”, за то, что пытался захватить власть. Очевидно, чтобы направить в иное русло и пресечь ненужные слухи о гибели Котовского, власть сама инспирировала распространение слуха о „любовной интрижке”, что привела к гибели Котовского. Шептуньи от власти начали рассказывать подробности стрельбы ревнивого мужа – адъютанта Котовского, – в своего командира.

В сентябре 1925 года ряду ответственных работников Одессы рассылалось анонимное письмо следующего содержания: “Мы, группа рабочих одного из самых больших заводов в Одессе, на смерть бандита Котовского говорим – одной сволочью стало меньше. Ничтожное количество рабочих, присутствовавших на похоронах, служит лучшим доказательством этого. Вы подняли шум, но знайте, что мы не так глупы. Пьянице и бандиту это по заслугам, не старайтесь истолковать его поступок как контрреволюционный поступок, рабочие очень хорошо знают, в чем тут дело. Долой Советскую власть, создавшую красное дворянство и являющуюся эксплуататором рабочих и крестьян...”

Интересно, что через два года на имя советских руководителей Одессы пришло анонимное письмо, в котором были подобные обвинения: „Когда оппозиция восторгается, то сутенеру кавказскому абдулаке Сталину одесские рабочие наматывают кишки живому на палку, за те издевательства над рабочими... Вор, убийца и бандит теперь царь всея Руси. Довольно взглянуть на эту сутенёрскую морду, чтобы понять, что бандит Сталин может руководить только бандитской партией. Как же народ достоин своего правителя. Выходит убийца Ленина, Фрунзе, Есенина, Котовского, Дзержинского – царь всея Руси...”

Слухи и анекдоты стали частью советской

жизни Одессы. В 30-х рассказывали об оргиях и пьяных дебошах первого секретаря партии Вегера, не забывая подробностей о купании обнаженных артисток балета в фонтане особняка Вегера... в 70-х слухи уже касались первого секретаря Сеницы и его тещи. Только в эпоху перестройки и интернета „политические” слухи в Одессе, перебравшись на страницы желтых газет, как-то утратили своих извечных потребителей.

** ЧОН – карательные отряды чрезвычайного назначения, созданные большевиками в годы гражданской войны.*

*** Укаписты – члены полулегальной Украинской коммунистической партии, которой удалось просуществовать в советской Украине до второй половины 20-х годов.*

**** Кирилл Владимирович Романов (1876-1938) – великий князь, внук императора Александра II. В 1922 г. он объявил себя Блестителем императорского престола, а в 1924 г. – императором России в изгнании. Вошел в конфликт с Великим князем Николаем Николаевичем Романовым (1856-1929), с 1919 г. считавшимся главным претендентом на российский престол.*

***** Татьяна и Алексей Романовы – дети последнего императора России Николая II, что были расстреляны в 1918 г. Впоследствии появились десятки лже-Татьян, лже-Алексеев, лже-Анастасий, которые убеждали публику в своем „чудесном спасении”.*



Гений места

АНДРЕЙ КРАСНОЖОН

Историк - преподаватель Южноукраинского педагогического университета, писатель. Автор десятков статей и книг оригинальной художественной прозы: „Выпить пива на Невском” и „Альфредыч”, лауреат „Зеленой волны 2006 ”. Фанат катакомб, пещер и археологических раскопов...

ОДЕССКИЕ КАТАКОМБЫ, КАК КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

По безнадежности все попытки найти смысл в посещениях заброшенных подземных каменоломен похожи на старания младенца ухватить баскетбольный мяч. Во всяком случае, так может показаться на первый взгляд. И если не в младенчестве, то в очень раннем возрасте каждый одессит усваивает: весь город стоит на катакомбах.

Катакомбы в Одессе — как Оперный театр или море, поскольку без них этот город тоже невозможно себе представить. Молва гласит, что под каждым домом (Оперный театр — не исключение) находится тайная «мина». Они соединяются с лабиринтами, которые, в свою очередь, обязательно должны

выводить к морю.

Море, театр и катакомбы слились в этом городе воедино.

Одесские катакомбы действительно «очень велики», их масштаб превышает парижские лабиринты и даже знаменитые подземелья Рима. Огромные пространства заброшенных каменоломен называются «шахтными полями» и имеют аналоги в Европе. Однако общей протяженности штолен в две тысячи километров не имеет более ни один подземный массив в мире. А ведь эти масштабы свидетельствуют о необычайных темпах развития города. Что чудесным образом согласуется с данными статистики (см. любую монографию по истории Одессы) и наглядно продемонстрировано раскопками в центре города экспедиции профессора А.О.Добролюбского.



Для археологов оказалась большой неожиданностью необычайная мощность культурных напластований, на которых стоит наш сравнительно молодой город. Его центральная, историческая, часть покоится на пластах собственного мусора мощностью более 8 м, что составляет почти половину вавилонских показателей (да и то — Город царей за тысячи лет сумел оставить после себя лишь двадцать метров культурного слоя).

Одесские катакомбы — составляющая культурного слоя Одессы. Слой, который несет в себе уникальную информацию о бытовой культуре дореволюционной Одессы, сообщает порой неожиданные сведения о военных годах, содержит палеонтологические следы времен доисторических. И — в отличие от слоя археологического — катакомбы не разрушаются в ходе их исследований.

Зато уничтожаются иначе. Так, исчезла знаменитая Ильинская пещера, где обнаружены следы пребывания первобытного человека. Уничтожены пещеры с палеонтологическими остатками на склонах Карантинной балки, которые в начале XIX века исследовал профессор А.Нордман.

Другая такая пещера — в Нерубайском — почти полностью разрушена карьером. Значительный участок катакомб под улицей Косвенной, где находится крупнейший в Евразии Подземный палеонтологический заповедник, недавно засыпали песком.

Полностью уничтожена выработка Бродского на нынешнем проспекте Шевченко, где впервые было внедрено такое новшество как деревянные рельсы и вагонетки для откатки камня (предприимчивый владелец шахты проверял на рабочих и другое новомодное изобретение конца XIX века — консервы). Кроме того, пригородные

катакомбы превратились в объект для слива нечистот из окрестных сел.

Все это требует качественно иного отношения к катакомбам — как к памятнику истории. Разумеется, такой статус объекту придает не человек, а время. Подобная практика общепринята в западном мире. Можно до бесконечности перечислять различные подземные искусственные и природные полости, которые превращены в интереснейшие экскурсионные объекты. В Париже, например, за отдельную плату показывают даже местную канализацию.

Поэтому не удивительно, что идея эксплуатации подземных объектов в рекреационных целях, сегодня возникла и в Одессе. Не так давно была вскрыта небольшая выработка в Аркадии, которую предпочли превратить в экскурсионный объект, нежели засыпать песком. Дело в том, что эта шахта оказалась одной из самых интереснейших в городе (к слову, реестр одесских подземелий сегодня насчитывает 60 карстовых пещер и около полусотни локальных каменоломен).

Добыча камня в «аркадийской выработке» началась еще в конце XIX века, когда окрестные земли были заняты лишь дачными участками, и продолжалась с перерывами вплоть до 1949 года. Из всех каменоломен, которые оказались в черте города, эта действовала дольше остальных. Центральная штольня-выезд находилась в районе нынешней остановки трамвая № 5.

В самое сложное время обороны Одессы в аркадийской шахте прятались люди. Судя по количеству обустроенных спальных мест, здесь проживали не одна сотня горожан. Это уникальный случай столь массовых подземных стоянок гражданского населения в истории одесских катакомб. Из бутовых камней люди выкладывали нары, чтоб теплее спалось. На камнях выстилали тростник, поскольку он не впитывает влагу. Ос-

татки этих подстилок сохранились до сих пор. Кое-где в стены вбиты гвозди, служившие крючками для одежды. Видимо, жили в невероятной тесноте, раз уж над одним спальным местом кто-то оставил надпись красно-бурой краской: «Занято 10/8 1941 г.».

В другом тупике на стене у нар нарисовано дерево в кадке. Такие рисунки — не редкость на подземных стоянках времен войны. Видимо, они служили чем-то вроде обоев, создавая некоторый уют в мрачных подземельях. Из этих же соображений отдельные спальные помещения отгораживались от остальной системы лабиринтов бутовыми стенками.

Обжитая территория выработки находилась в 200 метрах от входа-штольни. Видимо, люди опасались заходить глубже (вряд ли кому-то из них было известно, что истинные размеры шахты не превышают и нескольких километров). Но главное — это своеобразное убежище времен войны оказалось напичканным весьма ценными находками. Видимо, владельцы не смогли вернуться за своим добром, покинув убежище неожиданно. Выход, надо полагать, был заблокирован румынскими войсками и засыпан в первые дни оккупации, что сохранило стоянки нетронутыми вплоть до наших дней.

Среди многочисленных находок выделяется целая коллекция советских довоенных монет разного номинала. Впрочем, есть и одна румынская монета. Также найдены десяток русских винтовочных гильз, обойма с патронами к винтовке системы Мосина, граната «РГ-33». С царских времен осталась бутылка с двуглавым орлом. Хорошо сохранился бронзовый подсвечник в виде фигурки человека, одетого в греческий хитон, который держит чашу для свечи, стоя на натуральной раковине тридакны. А вот найденный граммофон оказался сломанным. В одном из

тупики обнаружены фаянсовая фигурка — две собаки, а также пуговицы и женские гребешки. Найдены даже краски и огромный самовар.

Вновь каменоломни были вскрыты в 1949 году с целью дальнейшей разработки камня, которая, впрочем, велась недолго. Вскоре шахту закрыли из-за близости курортной зоны общегородского значения. Входы были снова засыпаны, и до недавнего времени в выработку можно было попасть только через коллекторный тоннель, следуя из города к устью Аркадийской балки, перерезав штреки. Тем не менее, уже в начале 1950-х годов эти заброшенные выработки посещали редкие группы отдыхающих. Подтверждением служат имена, даты и надписи, оставленные недалеко от нового входа. Например: «8. V. 55. нас было 5 ч-к. Соковый завод им. Ленина» или «Здесь была группа отдыхающих Д/О Финбанк»...

Тема катакомб является одной из составляющих одесской культуры, придавая ей шарм мифичности. Главный миф одесских катакомб состоит в том, что они простираются под всем городом. В соответствии с иным мифом, весь город скоро провалится под землю (прежде всего, почему-то, должен провалиться поселок Котовского!). Третья разновидность мифов, связана с протяженностью катакомб. Например, считается, что с Молдаванки, можно под землей легко пройти до самой Аркадии. Кроме того, в лабиринтах справляют свои культы сатанисты, не говоря уже о том, что все золото, которое не успели вывезти белогвардейцы, обязательно спрятано в какой-то заброшенной штольне.

В основе всех подобных жемчужин народного творчества, безусловно, находится своя песчинка, но разоблачениями заниматься бесполезно. Взять, хотя бы, один показательный пример. В 1941 году, при отступлении Красной Армии из

Одессы, в городские и пригородные катакомбы, по инициативе властей, было отправлено до десятка партизанских групп. Судьба большинства из них оказалась трагичной: оказалось, что многие каменоломни имеют всего один-два выхода, а их протяженность невелика. В таких локальных выработках отряды были легко блокированы румынскими войсками и уничтожены.

И вот, уже в конце 1980-х, после тридцати лет планомерной и официальной деятельности спелеоэкспедиции «Поиск» при Одесском горкоме партии и под пристальным присмотром КГБ, а также при наличии специалистов, отчетов и документации, в экспедицию поступил запрос из Комитета: действительно ли можно пройти по катакомбам от улицы Дальницкой до парка Шевченко? Причем, какой бы ответ в КГБ ни подать, все равно не поверят. Вот поисковцы и написали правду: «нет, нельзя». То есть, каждый выполняет свою работу. Довлатов был прав — во всем должна быть доля абсурда...

В настоящее время группой «Поиск» ведется работа по сплошному картированию и изучению двух самых обширных районов подземных лабиринтов Одессы — нерубайских и усатовских катакомб, общей протяженностью до 900 километров. Работы ведутся под научным руководством заведующего Подземным палеонтологическим заповедником при Одесском национальном университете, Константина Пронина.

За годы деятельности фронт работ значительно продвинулся вглубь шахтного массива. В полевой сезон 2006 года экспедиция побила свой прежний рекорд по автономному пребыванию в условиях подземелий. В общей сложности отряд находился под землей сто часов, ведя работы в труднодоступных районах «Гидромет» и «Мореходовский лабиринт», которые расположены на глубине более 20 метров под улицами сов-

ременного села. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные канализационные скважины, которые местные жители пробурили в катакомбы. Повсеместный сток нечистот под Усатово и Нерубайским приводит к загрязнению понтического водоносного горизонта, который питает собой не только родники, лиманы и речушки на огромной прилегающей территории, но и самих жителей, которые пользуются этой же водой из колодцев, прокопанных зачастую в непосредственной близости от района загрязнения.

К настоящему времени на карту нанесено уже 160 километров лабиринтов. Это дает право называть шахтные поля одесских предместий вторым по протяженности подземным лабиринтом Украины, который официально закартирован. Первым пока является пещера «Оптимистическая» (220 км.). На карту наносятся самые опасные и труднопроходимые участки. Разбираются даже боулки боковых ходов, с тем, чтобы составить максимально полную картину выработки. Параллельно ведется фиксация всех находок, происходит всестороннее изучение партизанских баз, заброшенных шахтерских стоянок, составляется детальное геологическое описание районов.

В ходе последней экспедиции удалось обнаружить карстовую пещеру, заполненную костями доисторических животных. Подобные находки – не редкость в одесских катакомбах. Так, крупнейший в Евразии Подземный палеонтологический заповедник (пещера «Заповедная»), где найдены десятки тысяч костей животных, обитавших здесь более трех миллионов лет тому назад, находится под Молдаванкой.

В 2003 году спелеоэкспедиция «Поиск» в нерубайских катакомбах вновь обнаружила знаменитую пещеру, открытую в начале XIX века профессором-палеонтологом А.Нордманом,

сведения о месте расположения которой ранее были утеряны. Она содержит кости животных возрастом более 25 тысяч лет. Возможно, здесь удастся найти и останки доисторических людей, либо их орудия, что стало бы сенсацией в области археологии и антропологии Причерноморья – датировки костей животных как раз соответствуют эпохе верхнего палеолита в первобытной истории человечества.

Подобные многодневные экспедиции в катакомбы, порой дают интересные результаты и в области изучения физиологии человека, а также позволяют собрать массу сведений культурно-антропологического характера. Подобная информация, наряду с имеющимися материалами, позволяют реконструировать историю некоторых партизанских отрядов, оставленных, на период оккупации, советской властью в катакомбах.

Так, блокированный в 1941-1942 годах на Молдаванке отряд Кузнецова-Калошина невольно побил мировой рекорд по автономному пребыванию людей в условиях подземелий – в общей сложности отряд находился там 13 месяцев. Около полугода в катакомбах под улицей Дальницкой пребывал отряд А.Ф.Солдатенко. Трагедия этой группы заключалась в том, что единственный доступный выход на поверхность оказался расположен на территории румынской военной части. В сложившейся, безнадежной ситуации, большая часть отряда погибла под землей. Другие партизаны пытались бежать, и попали в плен. Археологическая картина разыгравшихся в лагере Солдатенко событий, открылась первым поисковым отрядам, посетившим эту выработку спустя несколько десятилетий после войны.

И лишь единственная подпольная группа, действовавшая в одесских катакомбах в первый год фашистской оккупации, выжила. Речь идет

об отряде Пригородного райкома коммунистической партии, действовавшего в районе усатовских лабиринтов, где велись исследования в 2006 году. Недалеко от базы спелеологов, разбитой на месте бывшей партизанской стоянки, находился колодец, выкопанный во дворе чьей-то хаты, прорезая лабиринт. К этому колодцу ребята - „поисковики” часто бегали звонить родным по мобильникам. С поверхности через него доносился не только лай собак, но и проникали радиоволны передатчика оператора мобильной связи.

Зато в оккупационное время проблема связи решалась куда сложнее. Александр Иванович Щерба, который партизанил здесь в составе группы Пригородного райкома партии, рассказывал, как помогал радисту выходить на связь с Москвой в июле 1942-го. Радист был из соседнего, бадаевского отряда, с которым усатовская группа случайно встретилась под землей. Радист выбирался ночью на поверхность, через какой-то провал в степной балке. На дереве разворачивал антенну, а Щерба прятался с батареями в катакомбе, у выхода...

В нескольких сот метрах от базы находился колодец, вырубленный в дальнем тупике еще шахтерами. Неподалеку от него в потолке зияет старая воздухозаборная скважина диаметром более полуметра. Верхняя часть ствола давно забилась, но по нижней непрерывно течет вода. За многие десятилетия стенки скважины покрылись толстым кальцитовым наростом бурого цвета со сталактитовыми натеками. Вода растекается по ближайшим боковым коридорам, образуя озерцо изумрудной воды с бирюзовым оттенком. Дно усеяно пещерным жемчугом, а на поверхности плавают кальцитовая пленка. Зрелище – уникальное для одесских катакомб.

В ходе исследований выяснилось, что мощность слоев понтических известняков в этом районе местами достигает 6-7 метров. Это позволяло пилить камень на двух ярусах. Впрочем, в нерубайских лабиринтах известны районы катакомб и с тремя ярусами. Здесь же удалось открыть один любопытный ход, доступ в который был закрыт завалом на протяжении ста двадцати лет. На песке сохранились отпечатки сапог шахтеров и подков лошадей. Вдоль стен – следы колес биндюги. В подпилах на стенах – копоть от керосиновых ламп.

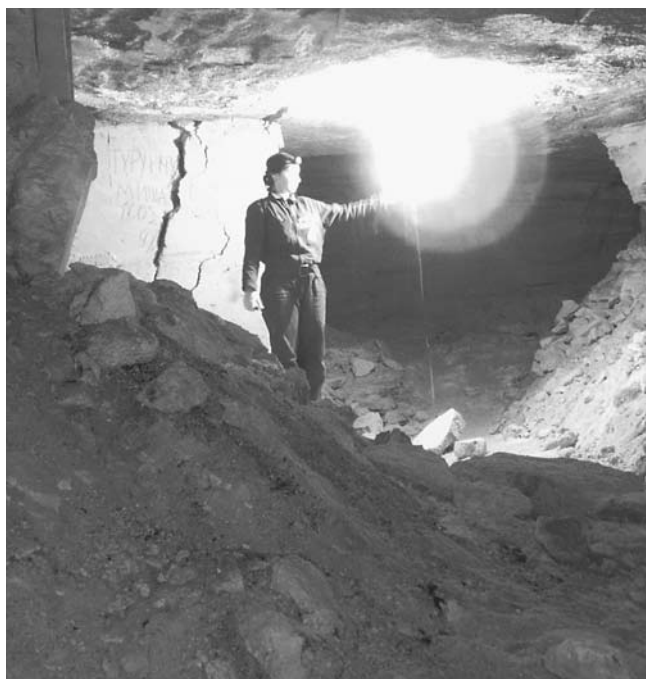
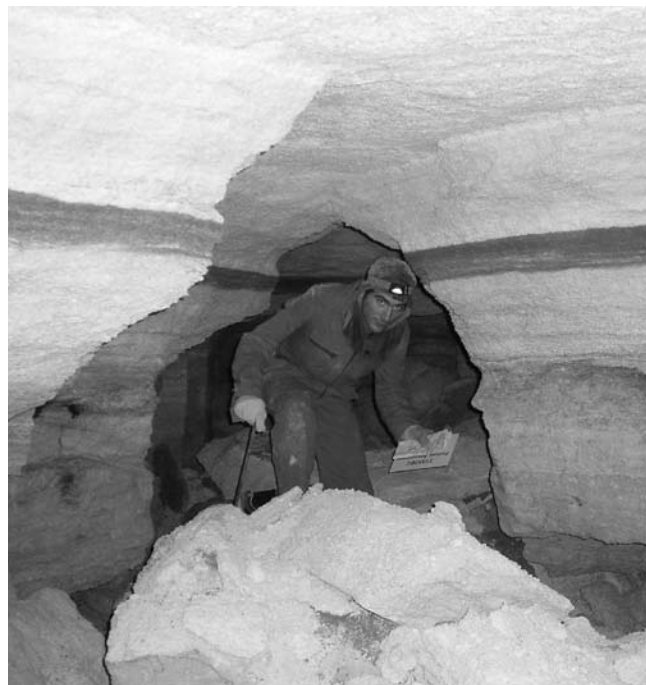
Но самое замечательное, что стены повсюду были украшены рисунками пароходов, фрегатов, парусных яхт и военных кораблей. Все эти суда и суденышки куда-то плыли, пыхтели трубами и спускали якоря. На палубах шикарных яхт, под знойным солнцем, принимали воздушные ванны респектабельные дамы в роскошных платьях и высоких прическах. Бравые матросы курили трубки, одной рукой касаясь явно преувеличенного штурвала, бравирюя своим бесстрашием... И на всю штольню имелась единственная надпись, как воплощение бескорыстных чувств и плод душевного порыва: «Хто построїв цей ход, той дурак!»...

Все это позволяет видеть в одесских катакомбах не только уникальный феномен мировой спелеостологии или палеонтологии, но, прежде всего, относится к ним как к культурному слою. То есть, слою, созданному в результате человеческой жизнедеятельности. Палеонтология, военные находки или материалы по истории промышленных горноразработок – составляют отдельные пласты этого культурного слоя. Но наиболее удивительным представляется эпиграфический блок подземного наследия Одессы.

Надписи, порой, более информативны, чем самые уникальные находки. Чего только сто-

ит надпись, датируемая тяжелейшим периодом обороны Одессы: «Сталин – ... (тут нецензурное слово), проиграл войну. Октябрь, 41». Или автограф горного инженера красной охрой: «Ростокрады, мошенники. Не улежит ни кусок верха» – о хищнических дорезках кровли, вопреки технологическим запретам. Надписи и рисунки представлены здесь в огромном количестве и разнообразии. Эти эпиграфические «мелочи» являются проявлением бытовой одесской культуры разных времен. Той культуры, которая в подобном виде не отражена ни в газетах, ни в документах или даже личных письмах. Она находит отражение в целом пласте «случайной» эпиграфики катакомб, который, несомненно, еще подлежит классификации и расшифровке.

Прежде подземные лабиринты Одессы традиционно рассматривались в контексте узких задач: как объект для поиска амуниции и оружия времен Второй мировой, либо палеонтологических остатков. Современное изучение одесских подземелий происходит в рамках всестороннего подхода, в «комплексной тотальности», по выражению Фернана Броделя. И если в археологии процесс исследования культурного слоя и тщательной фиксации означает его одновременное уничтожение, то катакомбы изучают задолго до их естественного разрушения (в чем видится несомненное преимущество). Но в обоих случаях исследователи имеют дело с остатками бывших культур. А коль скоро так, то копаются они в пыли или разбирают подземные завалы не праздного любопытства ради, а со значением.





**А.ДОБРОЛЮБСКИЙ
 А.КРАСНОЖОН,
 К.ПРОНИН**

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД ХАДЖИБЕЙСКОГО ЗАМКА

В подвале дворца графа М.С.Воронцова в Одессе находится небольшая комната, в которой некогда размещалась фотолаборатория. Старожилы говорят, что в советские времена юные пионеры-фотографы частенько в ужасе вылетали за двери, услышав зловещий звуки и стуки из-под пола. В растерянности сотрудники Дворца пионеров вызывали спелеологов, в надежде разобраться в причинах таинственного явления. Почему обращались именно к специалистам по искусственным подземным

полостям? Дело в том, что в дощатом полу фотолaborатории был обнаружен люк, который открывал доступ в тесное и темное помещение, заваленное мусором...

Сейчас лаборатория уже не работает, а ее комнаты превращены в кладовку. Через этот самый люк спелеоэкспедицией «Поиск» было совершено несколько выходов в графские под-земелья. Люк открывал доступ в небольшое помещение, где раньше, видимо, была обустроена деревянная лестница. Здесь начинается вход в подземную галерею дворца. Современная высота хода достигает 2,0 м, ширина 1,45 м. Он проложен на глубине от 4-х до 7-ми метров. Его сводчатые потолки и стены облицованы длинными, узкими блоками пыльного известняка. Кое-где встречаются необлицованные участки стен, вытесанные в монолитном слое ракушечника. На них четко видны следы затесов каким-то широким инструментом, из которых очевидно, что ход прокладывали от дворца.

В трех местах облицовка хода носит следы ремонта. Ремонт производился при помощи подручных материалов: в дело шли кирпичи, крупные обломки известняковых блоков и даже фрагменты мраморных плит. В двух местах, в отремонтированной облицовке пробиты отверстия – следы деятельности кладоискателей.

Первоначально ход имел иные габариты. По всей его длине находилось несколько больших боковых ниш, которые достигают глубины более 1,5 м. Другими словами, ширина галереи во время проходки достигала минимум 2,8 м. В кровле, над сводом кладки, также просматривается пустота, что увеличивает реальную высоту кровли хода до 3,5 м. Судя по всему, ход изначально имел неправильную форму, осложненную различными выступами и нишами (первый строительный период). Впоследствии ниши заложили камнем,

выступы стесали и спили, а ход облицовали известняковыми плитами, придав ему современный вид (второй строительный период).

Исследование одной из таких ниш позволило сделать совершенно неожиданное открытие. Размеры пробитого в закладке отверстия позволяли протиснуться в него даже человеку. В верхней части помещения образовался провал, который вел в небольшую естественную пещеру. Ее стены оказались довольно рыхлыми, высота свода составляла не более одного метра, ширина 0,7 м, а длина – целых 8 м. (к слову, «пещерой» в спелеологии считается любая природная подземная полость, длина которой достигает пяти метров, а габариты позволяют протиснуться человеку). Каверна оказалась большой трещиной, которая образовалась в результате смещения блоков известняка у склона Военной балки. Она свидетельствует о том, что крутой склон балки продолжает медленно, но уверенно оползать вниз, откалываясь от плато Приморского бульвара.

Так называемая «северная» ветка достигала длины 110 м, соединяясь почти у самого выхода на склон балки с «южной» веткой галереи, длиной 30 м. Из южного ответвления путь шел в просторный подвал соседнего здания бывших конюшен Воронцовского дворца. Эти две ветки отличаются по габаритам и в месте соединения разделены арочным проемом. Вполне вероятно, что это два одновременных сооружения. По-видимому, через подвалы здания нынешнего хореографического училища и проникали в фотолaborаторию хулиганы, пугавшие воем и грохотом из-под пола увлеченных работой пионеров.

Выход-штольня в балку, оборудованный арками, находится в пяти метрах от сбойки. Ныне он полностью засыпан, но еще в 1969 году экспедиция «Поиска» побывала в подземной галерее,

составив подробное описание выхода, поскольку доступ к нему тогда был открыт. Тогда же была сделана первая маркшейдерская съемка галереи.

Долгое время вопрос о происхождении этого подземного объекта, а также его функциях и назначении, оставался открытым. В надежде найти хоть какую-то зацепку, были тщательно изучены все стены – вдруг, какая-нибудь надпись оставлена создателями подземной галереи? Надписи действительно были найдены, однако, не те, которые ожидалось. Они представляли собой автографы людей, спускавшихся сюда уже в 50-х годах XX века. И лишь одна датировалась 24 июня 1941 года. Известно, что с началом войны и продвижением вражеских войск к Одессе, был дан приказ о «благоустройстве катакомб и подвалов» в целях их дальнейшего использования в качестве бомбоубежищ. Не исключено, что дворцовый ход был осмотрен из этих соображений в период, предшествующий обороне города.

Существует две основных версии по поводу происхождения подземного хода из дворца графа Воронцова в Одессе. Каждая аргументирована в разной степени, но ни одна из них не исключает другую.

Согласно первой версии, ход был построен вместе с дворцом и, таким образом, является одним из самых старых подземных объектов из всего реестра одесских подземелий, составленном спелеоэспедицией «Поиск». Остановимся на этой гипотезе подробнее.

На плане Одессы 1802 года на месте нынешнего Воронцовского дворца показаны какие-то мелкие постройки и казармы. В 1822 году, когда граф Воронцов подал прошение на покупку этого участка, его занимала усадьба помещика Куликовского. Само купеческое здание не отличалось монументальностью и было окружено различными второстепенными постройками хо-

зяйственно-бытового назначения.

Здание дворца Воронцова строилось в 1826 - 1829 годах. Согласно исторической записке института «Укрпроектреставрация», в подробных указаниях подрядчику на строительство, в пункте № 4 сказано: «Под всем строением землю рыть следующим порядком, – где по плану назначен погреб, там глубиною от горизонта земли 2 сажени (4,26 м.); где назначены службы – 5 аршин (3,55 м.); а где воздушные печки, там 3 сажени (6,39 м.). Для воздушной печки вырыть и построить мину с колонною, где и как сказано будет, шириною в свету – 3 аршина (2,13 м.), вышиною 3 аршина, а длиною не более 30 сажней (64 м.). Стены сей мины обкладывать 8-ми вершковыми (35,2 см.) на извести с песком камнем и сделать из такого же камня свод, используя сие, повырыть землю каждой сажени, дабы мина завалиться не могла». А в пункте № 5 идет речь вот о чем: «Для капитальных стен и простенков вырыть фундаменты 6-ти ...ми глубже, как показано с 4-го пункта для погреба, служб и воздушной печи. На фундаменте возвести стены из самого крепкого и прочного дикого камня на густом составе из извести и песка, составленного же по пропорции – 2/5 долей извести и 3/5 долей песка... а простенки из штукowego камня...».

Из этого описания не совсем ясно, что такое «воздушная печь». Возможно, имеется в виду нечто вроде калорифера. Пусть так, но зачем для нее рыть мину (то есть, подземный ход) длиной 64 м., шириной и высотой по 2,1 м., – непонятно. Единственная, сопоставимая по размерам, подземная полость под дворцом – это галерея, о которой шла речь выше. Однако в совокупности ее длина равняется 140 м., из которых одна только северная, основная ветка превышает сотню метров. Габариты хода по облицовке также не со-

ответствуют: максимальная ширина составляет 1,45 м., а высота 2 м.

В 1833 году по приказу графа М.С.Воронцова дом градоначальника на Приморском бульваре был сдан в наем под казино купцу Ц.Л.Оттону. В договоре есть пункт о том, что «исправление духовых печей», обогревающих все здание, остается на средства города. Некоторая информация о дворцовых подземельях содержится в описи для передачи дома Оттону, составленной архитектором Боффо: «Дом каменный, 3-х этажный, включая подвальный «погребной» этаж; покрыт черепицей, под ним погреб на сводах...». Но опять-таки не ясно, разные ли это сооружения – упомянутые мина и погреб? Невнятно также сообщения в документах времен строительства дворца об увеличении земляных (то бишь, горных) работ, которые требовалось оплатить. Значит ли это, что смету увеличили для проходки всей длины подземного хода? Впрочем, если ход задумывался, как тайный, то подобная маскировка в отчетной документации не представляется удивительной. Таким же образом объясняются и непомерно длинные мины к «воздушным печам» в строительной смете.

Следовательно, на подземный ход возлагались эвакуационные функции к склонам Военной балки. Либо же его строили для прогулок, или с целью наладить тайное сообщение с конюшнями на случай экстренной необходимости. Не ясно лишь, почему строители дворца не проложили ход напрямую к конюшням, что сэкономило бы и затраты на горные работы и время при эвакуации. Что касается прогулок подземными галереями, то их приятнее было бы осуществлять в сторону моря, на склоны в нижнем саду дворца (вспомните знаменитый «грот» во дворце Потоцкого), а не на задворки глубокой балки с пологими склонами. Наконец, и эвакуировать-

ся в случае опасности логичнее и быстрее напрямиком к склонам, либо же к причалам в порту, у подножья плато Приморского бульвара.

Неопределенность в деле трактовки скудных документальных материалов и более чем конкретные результаты спелеологических экспедиций, позволяют выдвинуть другую версию о происхождении подземного хода под графскими покоем.

Вторая гипотеза относит сооружение дворцового хода ко времени существования на месте Приморского бульвара крепости Хаджибей. Она возникла в контексте результатов археологических раскопок экспедиции Южноукраинского педагогического университета в районе современного Воронцовского дворца. Полученные материалы позволили, прежде всего, локализовать саму крепость. Не секрет, что до недавнего времени достоверное место расположения замка находилось под вопросом. Подобная ситуация определялась скудностью источниковедческой базы.

По существу, историкам Одессы первой половины XIX века не были известны какие-либо документы о точном расположении крепости, кроме двух инженерных планов. Одним из них является рисунок замка Chateau de Codjabey, составленный в 1784 году французским инженером на турецкой службе, Лафиттом-Клаве. Другой план, более обстоятельный, был составлен в 1789 году русским инженером Фрейганом. Оба чертежа практически совпадают и не имеют привязки к местности.

На основании этих планов одесский историк А.Скальковский в 1837 году разместил Гаджибейский замок примерно в районе Воронцовского дворца. Очевидно, более точная привязка к местности для него была невозможной, как не была она возможной и позднее, для К.Смолянинова,

ограничившегося в этом вопросе «рассказами очевидцев». Заметим, впрочем, что вряд ли таких очевидцев могло быть достаточно много к середине XIX в., если учесть, что все «гражданское» население Гаджибея в 1794 году, когда от развалин замка и следа не осталось (он был разрушен по приказу Г.А.Потемкина в 1789 г.), составляло лишь 28 душ.

Между тем, именно сообщения подобных «очевидцев» служили единственным источником для точной локализации крепости. Поэтому К.Смольянинов размещает его «на том самом месте, где теперь дома гг. Строганова и Маразли» (дома № 1,2 на Приморском бульваре), а Н.Мурзакевич честно ссылается на «древнее предание», согласно которому «замок стоял там, где теперь дом Одесских присутственных мест», т.е., также на бульваре, но там, где дом № 7.

Мемориальные соображения, связанные со 100-летием Одессы, надо полагать, побудили А.Маркевича в 1894 году снова рассмотреть этот вопрос. Ему пришлось еще больше расширить территориальную вероятность расположения Гаджибейского замка – между Приморским бульваром, Екатерининской площадью и Воронцовским переулком. Впрочем, вслед за К.Смольяниновым, он считал наиболее возможным размещение крепости на месте все тех же домов №1 и 2 по Приморскому бульвару.

После этого, вплоть до конца 1960-х годов, вопрос о локализации Хаджибея снова никого не занимал. Лишь в 1967 году одесский историк С.Я.Боровой издал найденным им вместе с Ф.Е.Петрунем «План специально новопостроенного на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея», который был составлен поручиком гусарского полка Иваном Исленьевым. На нем крепость расположена непосредственно у обрывов Военного спуска и левой половины Примор-

ского бульвара. С.Я.Боровой, издатель рисунка, Исленьева, указывает на многие несоответствия планов Исленьева и Лафитта-Клаве. Это заставило В.А.Чарнецкого усомниться в том, что его составлял умелый картограф.

В этом контексте представляет интерес версия одесского археолога И.В.Сапожникова. Он предположил, что на планах Лафитта-Клаве и Исленьева изображены два разных замка, поэтому и разнятся их габариты. На самом деле, в 1765 году турками был не заложен Хаджибей, как считалось ранее, а лишь реконструированы руины средневекового замка Коцюбиев (что и отразилось на рисунке Исленьева). Со временем укрепления были перестроены вторично, и это зафиксировал на своем чертеже французский военный инженер Лафитт-Клаве.

Но сколько-нибудь удовлетворительное решение о локализации Хаджибейского замка оставалось невозможным без обнаружения его археологических остатков. Именно их удалось найти экспедиции Южноукраинского педагогического университета, близ нынешнего Воронцовского дворца при раскопках в 1997-1998 годов. В сохранившемся виде они представляли собой кладку длиной около 3 м., радиального в плане помещения диаметром приблизительно 5 м.

Кладка представляла собой юго-восточный сегмент этой окружности. Она сложена из клиновидных, тесанных известняковых камней со следами известкового раствора, а также из тонкого красного кирпича и обломков черепицы (характерный признак архитектуры турецкого времени). При расчистке сооружения во множестве найдены глиняные курительные константинопольские трубки второй половины XVIII века, турецкая поливная керамика, кованые гвозди, куполодонные бутылки. Конструкция северной оконечности кладки представляла

собой часть порога, сооруженного над специальным «пяточным камнем» – прямоугольной плитой, в которой имелось квадратное углубление, служившее основанием для дверной оси. Порог указывал на место входа в округлое помещение, большая часть которого давно оползла в обрыв. К северо-западу от входа удалось обнаружить остатки каменной забутовки под фундамент прямой стены, которая также почти полностью уничтожена оползнями. С внутренней стороны к ней примыкал узкий ров с остатками деревянных конструкций.

Эти защищенные строительные остатки увязываются с планами Лафитта-Клаве и Фрейгана. Оказалось, что открытая часть кладки представляет собой сегмент правой (по геральдическому принципу описания) башни крепости и примыкающей к ней куртины фронтальной стены. Пяточный камень ясно маркирует вход в башню со стороны крепостного двора. Совпадает с планами и археологически реконструируемый диаметр фундамента башни. В этом контексте любопытна одна находка, сделанная у порога входа в башню, где, согласно рапорту де-Рибаса, прятался в момент штурма двухбунчужный Ахмет-паша со своим гаремом: железная пряжка от поясного солдатского ремня. Эта находка может свидетельствовать, что в момент захвата гарема участники штурма были возбуждены не только сражением.

Находки архитектурных конструкций позволяет уверенно говорить о том, что планы были составлены Лафиттом-Клаве и Фрейганом достаточно точно. Такую уверенность дополняют и сохранившиеся в вертикальном разрезе раскопа следы траншеи от фундамента примыкавшей к этой башне крепостной стены. Археологически очевидно, что камни из этого рва были полностью выбраны в свое время, видимо, после рас-

поряжения Потемкина о разрушении крепости. Также подтверждаются и более чем скромные размеры замка, равно как и материал, из которого он был построен – известняк, «из степи с речек и балок окольных».

Благодаря раскопкам появилась возможность привязать планы крепости к местности в масштабе, соотнеся их с расчищенными остатками фортификационных сооружений. В соответствии с такой реконструкцией, крепость находилась на том месте, которое ныне занимает Воронцовский дворец, а вход в дворцовую подземную галерею, снятую маркшейдерами и привязанную к местности, в аккурат приходится на ту часть замка, которая у Фрейгана отмечена как бастион на заднем дворе.

Скрытые эвакуационные подземные ходы – явление повсеместное в фортификационных сооружениях практически всех времен. Поэтому нет ничего удивительного в том, что подобное сооружение существовало и в Хаджибейском замке. Ход вполне мог сохраниться до начала XIX века, когда на месте крепости был построен дворец. Галерея могла быть вторично использована после реконструкции (облицовка стен, закладка ниш, подтека выступов). Вот почему она не отмечена в строительной смете. Вот причина, из-за которой ход имеет странное, по отношению к дворцу, направление. В соответствии с планом, этот ход должен был вести из крепостного бастиона в тыл замка, как можно дальше в степь.



МСТИСЛАВ ГОРБЕНКО

Заслуженный мастер спорта, директор альпклуба «Одесса»

Навстречу к высоким вершинам

Еще в XIX веке «продвинутые» одесситы дворянского рода не могли прожить без гор. Все в Одессе, как «в Греции» было, а вот в горы приходилось выезжать... Так, именно в Одессе было основано Крымское горное общество (Крымско-Кавказский Горный клуб), который положил начало развитию альпинизма и туризма в Украине. Но революции, гражданская война, заставили забыть о горных вершинах.

Только в 1936 году, по инициативе Александра Владимировича Блещунова (в будущем, создателя Музея личных коллекций) создается вновь одесская секция альпинизма.

Первыми вершинами одесских альпинистов стали легендарные Казбек и Ушба, памирские вершины. В послевоенные годы ведущими альпинистами становятся мастера спорта: Николай Дивари, Борис Британов, Виктор Лившиц, Рада Ставницер, Эдуард Вайсберг, Анатолий Попов. В 1955 году проведена одесская экспедиция на пик Ленина под руководством В.Лившица и В.Федченко, заложившая фундамент для дальнейших высотных восхождений одесситов. Девять золотых медалей чемпионатов Украины принесла команда Лившица Одессе!

В это время звание мастера спорта СССР по альпинизму присвоено Валентину Константиновичу Симоненко, который совершил свои лучшие спортивные восхождения на пики Энгельса и Сандал-Музджилга, Шхельды и Ушбы. В. Симоненко руководил первопрохождением на безымянный пик высотой 6007 м., которому дали имя знаменитого земляка – Бабеля.

В 1958 году организовывается секция альпинизма при ДСО под руководством почетного мастера спорта В.Я.Лившица. Одесская школа альпинизма становится известной не только в Украине, но и в Советском Союзе. Сборная команда Одессы становится многократным призером и чемпионом СССР по альпинизму.

В 1981-1982 годах одесситы под руководством мастера спорта Вадима Свириденко совершают классные восхождения на Тянь-Шанские ледовые гиганты пики Победа (А.Власенко, П.Старицкий, И.Оробей) и Хан-Тенгри.

В 1987 году наша команда под руководством Мстислава Горбенко прошла трудный маршрут шестой категории сложности по Северной стене

Хан-Тенгри и стала чемпионом страны в высотном классе.

Особо необходимо выделить освоение одесситами нового альпинистского района на Памире – Каравшин. Первовосхождения и первопрохождения на пики Асан-Усен и Одесса (4 810м.) открыли миру скальную мекку благодаря первым восходителям-энтузиастам: Мстиславу Горбенко, Михаилу Ситнику, Павлу Серенкову.

В 1975 году на базе альпсекции ДСО «Авангард» был открыт Альпинистский клуб «Одесса». Директором альпклуба «Одесса» с 1981 года работает заслуженный мастер спорта Мстислав Мстиславович Горбенко, а президентом общественной организации «Альпинистский клуб «Одесса» в 1995 году был избран заслуженный тренер Украины, мастер спорта, бывший мэтр Одессы Валентин Константинович Симоненко. Сейчас альпклуб обладает лучшей в Украине учебно-тренировочной базой «Скалодром». Достижения одесского альпклуба весьма значительны: 6 мастеров спорта международного класса, 56 мастеров спорта СССР и Украины, 12 «снежных барсов», 114 инструкторов альпинизма. Сборные команды Одессы становятся многократными чемпионами Украины и СССР по альпинизму, скалолазы одесского альпклуба выходят на международную арену, занимая призовые места на чемпионатах и кубках Мира, чемпионатах Европы.

С 1990 года для одесских альпинистов началась эра покорения высочайших вершин Мира. Тогда на Эверест (8 848м.) в составе международной экспедиции «Восхождение Мира» взшел первый одессит Мстислав Горбенко. В 1991 году по инициативе Вадима Свириденко было проведено несколько гималайских экспедиций. Первой стала украинско-индийская экспедиция на вершину Нанда-Деви. Десять альпинистов из

Одессы поднялись на вершину этой священной горы. В 1992 году успешный штурм пика Победы.

В 1993 году одесская экспедиция успешно штурмовала третью вершину мира – Канченджанга (8 586м.), в 1994 году произошел штурм Чогори – второй вершины мира (8 611м.), а в 1995 году – восхождение на Брод Пик (8 047м.).

Вдохновителем и руководителем новой волны гималайских экспедиций одесских альпинистов в 1996 - 2006 г.г. становится Президент одесской областной и украинской Федерации альпинизма и скалолазания заслуженный тренер Украины Валентин Константинович Симоненко. С 1996 года одесситы ежегодно делают восхождения на семи - восьмитысячники – вершины: Аннапурна, Чо-Ойю, Пумори, Амадаблам. В 1999 году была проведена первая украинская национальная экспедиция на вершину Эверест, в которой приняли участие одесситы: В.Симоненко – руководитель, М.Горбенко – главный тренер, В.Лебеденко – врач, В.Терзыул, В.Копытко, Р.Коваль и В.Леонтъев. В 2001 году Валентином Симоненко и Мстиславом Горбенко была организована и проведена украинская национальная экспедиция «Украина-Гималаи», которая была посвящена 10 - летию независимости Украины. Эта экспедиция была успешно завершена восхождением на восьмитысячник Манаслу (новый украинский путь) и на пик Украина.

В 2000 – 2003 годы одесским альпинистам запомнились восхождениями на вершины Шиша-Пангма (8 013м.), Чо-Ойю (8 201 м.), Манаслу (8 156 м.), Лхоцзе (8 516 м.), Дхаулагири (8 156 м.).

Первую позицию в списке высотников стран СНГ занял Владислав Терзыул, который взойшел на 14 восьмитысячников. Впервые все восьмитысячники покорили в 1986 году австри-

ец Р.Месснер и чех Е.Кукучка, за что они были удостоены золотых олимпийских медалей, хотя альпинизм и не является олимпийским видом спорта.

Однако судьба лидера сборной команды Украины 50 -летнего Владислава Терзыула, покорителя всех 14 -ти восьмитысячников мира, сложилась трагически. В июне 2004 года он погиб покорив свою 14-ю вершину Макалу в Гималаях (8 463м.). Все свои восхождения Владислав совершал без применения кислорода ! На восьмом Московском международном фестивале горных и приключенческих фильмов «Вертикаль» был показан фильм «Человек и горы» посвященный В.Терзыулу. Владислав Терзыул – полный кавалер орденов «За мужество».

В 2005 - 2006 годах были проведены конкурсы на лучшее восхождение года, чемпионаты Украины по скалолазанию посвященные памяти заслуженного мастера спорта Владислава Терзыула.

Имена известных одесских альпинистов - высотников - залуженного мастера спорта СССР Мстислава Горбенко, мастера спорта Вадима Леонтъева, мастера спорта международного класса Василия Копытко и заслуженного мастера спорта Владислава Терзыула – первого альпиниста в Украине и СНГ, совершившего восхождения на все 14 восьмитысячников мира, по праву вошли в золотой фонд украинского спорта.

В технически сложных восхождениях сборная альпклуба «Одесса» в составе: А. Жилин, В. Дубровин, А. Лавриненко, В. Чебан, Т. Цушко, В. Альперин под руководством своего капитана мастера спорта международного класса В. Могилы становилась многократным чемпионом и призером Украины и СНГ в классе больших и малых гор, совершая степенные восхождения на Кавказе (Мижирги, Крумкол, Шхельда Ц.

зимой), Памире (Асан, Парандас), в Гималаях (Транго Тауэр), В Крыму (Морчека, Шан-Кая), в Альпах (Пти Дрю, Гранд Жорас).

В скалолазании первые весомые успехи Одессе принес мастер спорта международного класса Евгений Кривошейцев, который неоднократно становился победителем и призером этапов кубка мира, бронзовым и серебряным призером чемпионата мира, чемпионом Украины. С 2002 года Евгений становится трижды чемпионом мира в новом виде спорта – ледолазании. Ольга Шалагина – мастер спорта международного класса, многократная чемпионка Украины в 2005 году первой в Украине и СНГ завоевала титул чемпионки мира в технически сложном виде – болдеринге. Необходимо отметить успехи мастера спорта Петра Маркевича – чемпиона Украины, призера чемпионатов в болдеринге; молодых перспективных спортсменов – чемпионов мира среди юниоров Александра Лахина и Сергея Побережца; многократную победительницу первенств Украины по скалолазанию Александру Буд-Гусаим; выполнившего норму мастера спорта Павла Фойгеля, призера чемпионата Украины 2005 года, который прошел в Одессе.

В боевом строю ветераны альпинизма, мастера спорта, инструкторы по альпинизму Борис Британов, Эдуард Вайсберг, Павел Серенков, Валентина Семенюк, Анатолий Попов, Тамара Сушко, Владимир Гвоздилов, Александр Власенко, Владимир Лебеденко, Владимир Федченко, Римма Ромашка, Анатолий Королев, Николай Ческидов, которые активно участвуют в учебно-спортивной жизни альпклуба, помогают в подготовке инструкторского состава и начинающих альпинистов.

В этом году отмечается 70 лет одесскому альпинизму. Молодежь и опытные альпинисты



В. Симоненко и М Горбенко

разъехались по всему миру в поисках приключений и для совершения серьезных восхождений в честь юбилея в горах Кавказа, Памира и Каракарума.

Впереди у альпинистского клуба «Одесса» много славных дел – окончание строительства учебно-спортивной базы «Скалодром», с перспективой проведения первого в Украине этапа кубка мира по скалолазанию, освоение альпинистами новых горных районов в Гималаях и Южной Америки, проведение социально полезной работы с подрастающим поколением, воспитание физически развитой, духовно богатой, достойной молодежи, умеющей чтить многолетние традиции одесского альпинизма.

ЛИТЕРА

ОДЕССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ

Явление одесского литературного постмодернизма, к сожалению, до сих пор мало изучено и недостаточно известно читателю. В то время как в Москве и Киеве пишутся диссертации и литературные исследования по „местному” постмодернизму, в Одессе, пока, постмодернистами делаются только робкие попытки выбиться из арт - божьего круга к своему читателю. Хотя в 2001 г. в Одесском университете прошел научный семинар „Литературный постмодернизм”, но тогда разбирались авторы нездешние. В прошлом году в Киеве вышла книга Т.Гундоровой „Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодерн”, но и внеи не оказалось ничего „за Одессу”.

Со второй половине 90-х гг. можно говорить о появлении постмодернистской литературы в Одессе. Именно тогда в Одессу, из Москвы и Амстердама очередной раз вернулись, знаковые для посмодернизма художники: Ануфриев, Войцехов, Чацкин, Бондаренко. Литературный постмодернизм по-началу стали „проповедовать” в довольно многочисленной в Одессе арт - группе, что была связана с „Центром современного искусства”.

В конце 90-х годов в Одессе сформировалось несколько постмодернистских литературных „тусовок” в которых лицедействовали не безизвестные в городе люди: Вадим Бондаренко, Димид Покальчук, Игорь Гусев, Евгений Баль, Виктор „Мбо”, Дмитрий Карабанов - „Легейрос”.

Одесский литературный постмодерн охотно играет с символикой, знаками и стилями различных культур, стремясь к переосмыслению сакрального. Во всех произведениях одесских авторов присутствует ироническое отношение к героике модерна и соцреализма, поиск новой реальности в мифотворчестве, деонтологизация и деидеологизация, утверждение множественности истины. Одесский постмодерн акцентуирует двойное кодирование: апеллируя одновременно к массе и к эстетам - профессионалам. В творчестве одесситов часто встречается практика языковых игр, карнавальная эстетика, операции с симулякрами. „Прикол” и „стеб” становятся не бунтом, а культурным кодом поколения „пост - рассерженных”.

Постмодернисты рассматривают время как абстрактную категорию. Прошое, настоящее, будущее - не воспринимаются ими как данность в ситуации постмодерна. Почерк одесситов отличается цитатностью, погруженностью в отечественную культуру и буддированием историческими раздрожителями. Бурлеск и фантастика стают черноземом для новых литературных форм и антиформ, в которых космос мутирует в хаос. Жак Деррида утверждал: „мир – это текст”, а „текст – единственно возможная модель реальности”. Мир через текст рассматривается в виде неупорядоченных фрагментов, игры в пазлы или игры в бисер. Хотя западные культурологи утверждали, что „постмодернизм социологически ограничен главным образом университетской аудиторией”, книги русских посмодернистов стали современными бестселлерами (Сорокин, Пелевин, Макс Фрай).

Альманах представляет двух одесских авторов постмодерна В.Бондаренко и Е.Баля, и „отца всеукраинского постмодерна” Ю.Покальчука - большого друга Одессы.



ВАДИМ БОНДАРЕНКО

Художник и литератор. Активный участник культурной жизни Одессы и Амстердама. Является автором проекта “Grey pease”. Основоположник „Индустриального буддизма”. Рассказы автора печатались в одесском альманахе „Южный город”. В Киеве и Одессе, в последние годы, с неизменным успехом, прошли персональные выставки живописи и инсталляций В.Бондаренко: „Восстание боксеров”, „Глобальное потепление”, „Битва цивилизаций”.

Революция шороха

Повесть

Глава 1 „Лыжник”

Выудив из кармана кусочки непонятно откуда взявшейся там рыбы, Володя двинул к пролеску. Внутренне он думал о рыболовстве, и отчаянно собирая в голове все сведения об этой деятельности человека, он незаметно для себя углубился в чащу. Так незаметно он размышлял о своей причастности к лесу, к траве, к камням и деревьям, и вдруг наткнулся на большой заварной чайник в горошек.

«Откуда бы он здесь взялся?» – подумал лыжник, и, воровато озираясь, приподнял крышечку и заглянул вовнутрь. На дне сосуда сидел хомяк и, прожевывая семечки, сплевывал кожуру в основание носика.

Володя вдруг живо представил себя палящим над лесом орлом, готовым стремглав кинуться на эту нехитрую добычу. Отмахиваясь от навязчивых мыслей, он достал из глубины подкладки флягу и, отхлебнув, присел на пенек, слегка подернутый мхом. Вместе с глотком алкоголя в небо влился какой-то мутноватый поток прозрения, ему показалось, что и хомяк, и чайник, и лес проносятся перед ним в каком-то равнозначном ощущении внутреннего конвейера и вращаются вокруг пищевода.

Володя безмятежно уснул под убаюкивающий шорох леса и увидел, что он находится в каком-то санатории, с привязанным к спине кислородным баллоном, и ищет возможность осознать смысл ветра. Из-за террасы к нему подошел человек, одетый по-военному, но как-то потрепанно и неряшливо, и спросил сигарету.

- Так ты чё, с баллоном-то ? Небось, врачи прописали свежее дыхание или прогулки с грузом ? – поинтересовался незнакомец, как-то налегая на гласные.

- Да я тут так, мимоходом. Дай, думаю, посижу, может, танцы будут ? Я ведь в детстве мечтал стать массовиком - затейником, веселить отдыхающих, разгадывать шарады, а сейчас – эх...

- Знаешь, может ты и обидишься, но мне кажется, что тебе надо больше думать, размышлять, что ли.

- Да о чем размышлять-то ?

- Ну, о смысле жизни и всяком таком.

Володе почему-то вспомнилось, как он,

когда учился в гимназии, любил шебуршать под партой карандашами, тетрадами, и на замечания классных дам, реагировал хитро прищурясь и воровато озираясь, а потом тихо улыбался в кулачок.

Незнакомец откуда-то из рукава вытащил маленького медвежонка, и, пожуриив его легонько по затылку, тихо, но назидательно проговорил:

- Вот и ты так, живешь, ждешь очередной спячки и не знаешь, какие дела тебя ждут.

- Что-то ты загадками говоришь, мил человек, а я даже не знаю, как тебя зовут.

- Это не важно, но можешь называть меня Бонч-Бруевич. Я ведь раньше был шахматистом, потом – ихтиологом: изучал рыбу, малька.



- А что это я должен делать, о чем сам не знаю?-

растерянно спросил лыжник.

- Да то, милоч, что перевернет всю черню, с ног на голову поставит.

Ты сделаешь то, о чем мечтают самые просвещенные люди планеты, мечтают рабочие и крестьяне, а именно – пролетарскую

революцию, едрить тебя через коромысло, а это

тебе не хухры-мухры.

Глава 2 «Подземный хоккей»

Где-то далеко в степи люди играли в хоккей, но никто об этом не знал. Это была засекреченная подземная площадка с вентиляционным устройством и со смазанным конским жиром катком. Когда-то давно здесь поселились люди, они неплохо прижились, завели хозяйство. Постороннему могло показаться странным, что вещи после стирки сушились на воротах, а еда – готовилась в центре поля, у линии вбрасывания шайбы. Эти люди коротали время в игре. Счет иногда доходил до тысячи, потому что игра не прекращалась неделями, а иногда месяцами.

Хоккейное поле было почти как настоящее, только на всей его протяженности была выжжена карта мира с полюсами, с эквато-

ром, континентами и странами. Площадка для игры представляла собой мраморный настил с большим слоем жира. Хоккейная разметка проходила по линиям меридианов и параллелей, а на полюсах стояли ворота. Эти люди были вершителями судеб. Это был тайный центр. Отсюда шло руководство всеми мало-мальски значимыми земными делами. Обычно прогнозирование будущего находилось в руках капитанов команд, но иногда, в зависимости от сложности задач, привлекались и остальные игроки. Для осуществления связи с внешним миром использовались защитники.

Еду готовили по очереди, но в основном – кашеварил вратарь команды красных - Ворошилов. Каждый день в пятиминутках между периодами шло жаркое обсуждение международного положения. Для этого брались клюшки, шлемы, коньки, вратарские латы, маски.

Вся эта амуниция раскладывалась в центре площадки, и игрок, забивший последний гол, подходил и резким ударом клюшки разбрасывал эти предметы наподобие разбивания шаров в бильярде. В зависимости от расположения объектов делались долгосрочные прогнозы на будущее, обдумывались различные действия повседневной жизни, которые видоизменяли причинно-следственную связь происходящих событий природы вещей и приводили их в другую гармонию по сценарию последней игры. Все в подземном городке было тихо-мирно, любовно, можно сказать.

Здесь Бонч-Бруевич сделал паузу, многозначительно повел бровью и, достав из старого кисета махорку, засунул в обе ноздри. Ожидаемого эффекта, однако, это не произвело.

- Может чай или морские водоросли ? – попытался предположить Володя.

-А кто его знает ? Наверное. Может быть защитник белых подшутил – любит он розыгрыши, шельма. Эх, Врангель, Врангель, чтоб ты был здоров.

-Он что, небось, из другой команды ?

-Ну, да, помню, однажды мы проигрывали крупно, ну, я от злобы и съездил клюшкой по ягодицам, а он, видать, обиду затаил, мстит помаленьку.

-Да, странно все это. Так ты что, тоже из Центра, будешь штоль ?

-А сам не догадался ?

-Откуда же мне знать ? Рассказываешь байки какие-то, почему я верить-то всему должен ?

-Эх, ты, Ульянушка, сам все увидишь, а если уж неверчивый такой, на, погляди.

И Бонч-Бруевич, ловко достав из штанов мокрого хомяка, положил его на ладонь гимназиста. Лыжник от неожиданности отпрянул, но рук не убрал, вдруг хомяк засветился, зарделся, зарумянился люминесцентным огнем, весь расхухрыжился, и на его шкурке отразилось детство Володи.

Вот он маленький с кудрявой головой катается по ледяной горке, вот - рисует бобренка, грызущего деревья, вот – получает хорошие отметки в гимназии. Володя, прикрыв

ресницы, умиленно наблюдал за хомяком, но тут отражения закончились, и шкурка засеребрилась на солнце и вдруг померкла. «А ведь я чуть не съел его в мыслях, - подумал Ульянов, представляя как его мозги, переваривают диковинного зверька.

- Не ожидал я такого.

На, возьми его. – проговорил скороговоркой лыжник».

- Вот те и на. Этого хомяка я тебе дарю вместе с чайником.

Только корми его, не забывай. А чайник всегда с собой носи,

не теряй. Хомяк завсегда тебе поможет и словом

и делом в трудную минуту. Береги его. В штанах держи.

Не успел Володя засунуть чайник в брюки,

как Бонч-Бруевич повернулся и быстрыми шажками

зашаркал в сторону горизонта.

Глава 3 «Зимний»

Ульянов шагал по опушке и рассматривал деревья. Осень была влажной, гимназист был весь облеплен какими-то окатышами, листьями и мхом, и резво брел вперед. Неожиданно он зацепился за корягу и упал в ров. Глубоко вырытый ров, наполненный чем-то мелким и шуршащим. Оказалось, что

это был склад желудей, очевидно, сделанный каким-то запасливым кабаном. Володя размышлял о встрече с Бонч-Бруевичем, и ему казалось близким то, о чем они говорили. Революция. Хоккей. Ему казалось, что жизнь, до этой встречи была какой-то ненастоящей, даже не естественной. Ему казались сейчас смешными мысли о карьере юриста, о скромной комнатке в Симбирске, о лыжных состязаниях, в которых он иногда участвовал, потому что любил зимний спорт.

- ЗИМНИЙ. – Володя вдруг резко встал, и, приложив руки к губам, громко крикнул,
- ЗИМНИЙ СПОРТ, ЗИМНИЙ.

Птицы, спрятавшиеся в кронах, пробудились от этого крика, встрепнулись, полетели, закаркали, а ему было теперь так хорошо, хорошо как никогда. Ведь он понял цель своей жизни: «РЕВОЛЮЦИЯ. ЗИМНИЙ».

Глава 4 «Ленин»

Володя продолжал кричать, потом от бессилия откинулся. Ему представлялся лед, иней, какие-то шалаши в снегу, изморозь. В забытии он бродил по просеке, наслаждаясь искрящимся на морозе снегом, и, сладостно зажмуриваясь, нежился под пробивающимися сквозь крону лучами солнца. Он задумался над природой воды, снега, льда, и понял, что он, Володя Ульянов, поочередно в жизни проходил все эти этапы, но они



были известны ему под другими названиями – детство, отрочество, юность. Володя вдруг живо представил, что это все и есть последовательность жизненных этапов. Затвердевший характер человека, любящего природу и философию.

-Лед, иней, зимний, - бурчал про себя Ильич, и, вдруг, постепенно эти слова слились в некую причудливую аббревиатуру, которая как бы звонко динькала в хрустале снега.

– ЛЕНИН. ЛЕНИН.

Володе показалось, что он должен представляться именно этим именем, ведь он сейчас себя чувствовал льдом, кристаллом, снежинкой; а это слово, каким-то непонятно чудесным образом охватывало все эти понятия. Теперь Ильичу стало ясно, почему он так любил лыжи, лыжный спорт, он очень расположился к Бруевичу из-за того, что тот играл в хоккей, и, судя по всему, неплохо играл. Ленин попытался вылезти из рва наружу, на свет, он карабкался по отлогому спуску, но руки скользили, поверхность

была отвесная, и как будто отполированная мастикой. Лыжник откинулся навзничь, и желуди впились ему в спину, своей замысловатой незапоминающейся формой. Вся поверхность, лопатки, поясница, ягодицы покрылись какими-то впадинами, и Ильичу представилось, что он превратился в огромную пельменницу без крышки, что на его спине можно раскатывать тесто, класть туда небольшие кусочки мяса, придавливая мучным коржом сверху. При этом он, почему-то, почувствовал явственный запах настоящих пельменей, настолько отчетливо, что, вскочив, стал озираться по сторонам, потом нагнулся, и, чтобы перебить доносящийся знакомый дымок, схватил пригоршню желудей, и с остервенением набил ими рот до отказа. Володя пытался прожевать еду, но это оказалось чрезвычайно сложно. Он безнадежно потрогал свои вздутые щеки, и вдруг вспомнил про хомяка. Пошарив в штанах, Ильич извлек оттуда улыбающегося хомяка, и попытался как-то объяснить сложившееся положение. Со стороны это выглядело несколько комично: хомяк с раздутыми от семечек щеками пытается помочь человеку, жующему желуди. От натуги Ильич сильно вспотел, жидкость так и текла с него тонким мутноватым потоком, собирая в себя пыль, остатки желудей, лесную грязь. Хомяк как-то подбоченился, нахухрыжился и совсем по-свойски спросил: «Что устал, бедняга? Потерпи, сейчас помогу». Зверек поднатужился и громко выпустил газы прямо в лицо Володе. От неожиданности и негодования

одновременно Ленин раздулся, сглотнул желуди, взял еще горсть, опять сглотнул. Так продолжалось до тех пор, пока он не съел все находящееся в яме. Потом он присел, вытер потный лоб, и провел горячей рукой по поверхности склона. Наледь слегка уменьшилась. Володя раз за разом повторял манипуляции и уже через час любовался на свою работу. Он думал о поверхности над ямой, о бесконечном горизонте, о Зимнем, о партийной кличке Ленин. Вдруг хомяк сладостно зевнул и сказал:

-Ну, что, не ожидал, что так тяжело? Да, брат, без труда не вытащишь рыбу из пруда. Вот такая вот ихтиология.

Володя опешил, хомяк говорил словами защитника красных Бонч-Бруевича, ведь тот тоже про рыбу что-то втирал, про мальков.

-Так ты и есть Бонч-Бруевич?

-В каком-то смысле да, хотя это довольно таки смелое предположение с твоей стороны. Просто я постоянно находился с Бруевичем, прижился к нему, перенял некоторые привычки и обороты речи, чуть ли не сросся с ним. Ведь он подобрал меня в степи совсем маленьким, выходил, выкормил, носил всегда при себе, даже во время этих бесконечных игр.

-Так, а что им, больше делать нечего как играть? А как же другие занятия, работа? - недоуменно спросил Ильич, вытирая почему-то нахлынувшую слезу.

-Ты не совсем представляешь, хоккей – это и есть и работа, и досуг, и время провождения. В общем, игра и есть жизнь, и наобо-

рот, как тебе угодно, - философски заметил хомяк.

-А что, они вообще не вылазят из-под земли, а как же загар, вечерние прогулки?

-Ну, не совсем чтобы так. Они, конечно, иногда выходят, но очень этого не любят, это бывает, обычно, после чемпионатов. Если ты внимательно читаешь заметки в газетах, то от тебя, скорее всего, не ускользнула такая повторяющаяся из года в год «утка» о том, что кто-то ночью бежал вверх по пирамиде или жарил мясо на вершине Южноамериканских склонов. Первое место это всегда египетские пирамиды, второе – южноамериканские терракоты, ну, а третье – это бурятская степь. Ты, наверно, понял, что речь идет о высоте пьедестала и его значение в жизни, выходящей за пределы пятого знака световой волны. Кубок победителя, обычно находится на вершине, туда и отправляются за наградой.

-А почему же ночью?- как-то неуверенно спросил Ленин.

-А когда же? Под покровом ночи всегда и происходят главные события, а награждение как раз одно из них.

-А кто еще участвует в соревнованиях, если не секрет?

-Вообще-то это закрытая информация. Но так как тебя выбрал Бонч-Бруевич, так уж и быть расскажу.

Тут хомяк как-то подмигнул, сладко зевнул и прыгнул прямо на лицо вождя. Зверек вцепился своими передними лапами в нос Володи, а брюшком надавил на зубы. Воло-

дя стал задыхаться, но потом сник, обмяк и рухнул в забытьи на землю.

Глава 5 «Небесные шахматы»

Где-то высоко в ноосфере, в той зоне, которая называется «выше облаков», обитали некие создания, по виду они напоминали прозрачных людей, словно, высеченных из жидкого льда, это была вторая команда, вернее, одна из двух команд, посвятившая себя решению судеб мира. Игровой зал представлял собой обычно кусок дерна из травы и меха наложенного на какую-то гибкую, но прочную основу, это было футбольное поле. Оно крепилось с четырех сторон канатами, которые уходили в высоту, в космос и терялись там, вызывая тем самым повод для бесконечных шуток, версий, предположений, относительно кронштейна, на котором все держалось. Один гроссмейстер даже высказал предположение, что это дядя Бронштейна (Троцкого, нападающего из хоккейной команды красных) разместил тросы и кронштейн, таким образом, что эта конструкция вызывала какие-то ассоциации с его фамилией и партийной кличкой племянника (тросы – Троцкий, кронштейн – Бронштейн), хотя эту версию никто серьезно не воспринимал. Территория была чем-то средним между шахматной доской и футбольным полем. Мех и трава постоянно взаимопроникали

друг в друга, и иногда даже не возможно было определить – где же кончается трава? Где начинается мех? В левом крайнем углу располагалась мастерская по ремонту шахматных фигур.

Турниры проводились с завидной регулярностью, фигуры были очень громоздкими, их приходилось переставлять вручную с мехового поля на травяное. Со стороны игра в эти шахматы напоминала вечерние соревнования на больших полях пенсионеров из Анапы. Играли обычно и шахматисты и футболисты одновременно по всему полю. Они выработали особую тактику, позволяющую меньше соприкасаться друг с другом и с фигурами, но так как футбол более динамичная и спонтанная игра – не обходилось без эксцессов. Футболисты (игроки) постоянно сталкивались с огромными в человеческий рост фигурами, ломали их. При штрафных ударах, аутах и пенальти травматизм достигал невероятно высокого уровня. Казалось, что избежать столкновения невозможно, хотя, обычно, матчи и турниры заканчивались относительно благополучно – две-три сломанные фигуры, разодранные коленки и шишки на лбу. Но в мастерской все быстро приводилось в порядок старшим гроссмейстером.

Володя сквозь пелену бреда мысленно пытался выяснить счет матча или поединка гроссмейстера и кандидата в мастера спорта, но это ему никак не удавалось. Ему казалось, что можно прикинуться одним из игроков или лучше шахматной фигурой, он даже

пытался имитировать штангу ворот, но все тщетно. Игра шла с каким-то ускользающим счетом, футболисты вдруг начинали играть в шахматы, а гроссмейстеры назначать пенальти, вдруг раздавался финальный свисток, Володе этот звук напомнил о его цели, о его новой мечте. Сирена была пронзительной, как рев слона в зоопарке. Ленин попытался привстать, отряхнуться от навязчивого бреда и, с трудом приподнявшись на локтях, вдруг увидел в глубине леса небольшого слоненка, мирно прогуливающегося между стволами чащобы. Вождь обратил внимание, что череп слона удивительнейшим образом напоминает его, Володин, профиль за исключением, разве что, лысого затылка и хобота. Ильич слегка огорчился. Тут он поддался минутному порыву, и, чтобы придать себе подобие этого красивейшего очертания, он трясущимися руками пошарил в карманах френча, достал отсыревшие спички, и с невероятным рвением поджег волосы на макушке. Лысына проявилась быстро, но стало как-то непривычно холодно. Володя попытался потрогать свою голову, но быстро убрал руку, видимо, он обжег чуть-чуть кожу макушки, и до нее сейчас было лучше не прикасаться. Хомяк одобрительно фыркнул.

-Че щеришься? – как-то подавлено и в тоже время равнодушно спросил Владимир.

-Да пошел ты, - огрызнулся хомяк.- Это было несколько опрометчиво с твоей стороны оголяться, ведь так, неровен час, и головы можно лишиться, в следующий раз спрашивай, что ли.

-Это почему же так?

-Эх, ты. Такой большой, а не знаешь. Дело в равновесии миров, - заумно произнес хомяк.

-А что это?

-Как бы тебе объяснить. Это эквивалентность подобий. Каждое действие может с большой долей вероятности повториться, но в другой интерпретации в сакральной гиперболе развития метафизического движения.

-Эк, ты загнул.

-Одно действие может привести в дисгармонию некие силы баланса мира и вызвать последующие. Так как ты начал срезать волосы на макушке, то следующим ответом космоса, скорей всего, будет компенсаторное удаление головы (по формальному признаку резания).

-Че ж теперь делать?

-Че-че? Буй тебе в плечо? Сам знаешь.

-Да не знаю я не фига. Сложно все это. Вот если бы задача стояла о неравенстве классов в нашем обществе или о неграмотности крестьян, тогда другое дело. А тут сам говоришь метафизика...

-Ладно, так уж и быть. Для того, чтобы сбривание волос не вызвало каких-то негативных движений, то тебе лучше всего воспользоваться компенсаторным способом.

-А как это? – Володя недоуменно слушал и даже открыл рот от переполнявших его противоречивых чувств.

-Компенсаторный способ – это дополнение недостающего элемента во взаимопричинной конструкции, подобным элементом

или каким-то другим его заменяющим. В крайнем случае, при отсутствии тождественных заменителей, утраченный элемент можно имитировать с помощью, несложных манипуляций кистью.

-И что же мне делать? – вождь отчаянно схватился за голову и стал раскачиваться в разные стороны, как огромный маховик динамо-машины.

-В твоём случае ответ простой: нужно измерить площадь головы, утерявшую базисный элемент (волосы) и в зависимости от площади возместить это усами и бородой, или какими-то другими волосами.

-Может быть актерский грим?

-Это крайний способ. По этой теории, если у тебя есть естественный эквивалент, нельзя пользоваться заменителем или имитацией, париком, например. Вот если бы ты был женщиной, тогда совсем другое дело.

Володя крепко задумался, он не хотел отпускать усы, а тем более бороду. Сколько он видел этих бородатых извозчиков на пашне, и они не вызывали у него никакого эстетического удовольствия. «А что, если эспаньолка?» В мыслях Володя представил себя Дон-Кихотом с небольшой бородкой, рыцарскими доспехами, конем. Образ ему понравился, и он объявил хомяку: «Отращиваю усы сейчас же». Зверек одобрительно кивнул, и ребята двинулись в путь. Вскоре они вышли на индустриальные окраины какого-то города. «А ведь, это мой город, - многозначительно проговорил Ленин, и пошел по улицам Санкт-Петербурга.



Глава 6 «Партячейка. Петроград»

Ленин шел, напряженно думая, его мысли сбивались, наслаивались, одна перескакивала на другую. Он думал о метаморфозах, происходящих с его внутренним миром и внешним обликом, размышлял об изменениях с точки зрения этих изменений. Он представлял себя переходным процессом между сбриванием волос и отращиванием бороды, между бытием лыжника и бытностью вождя. Эти разрозненные и в то же время замечательные мысли изнутри ласкали его мозг, череп, извилины, он чувствовал перетекание каких-то субстанций в голове. Володя понимал, что, скорее всего, каждая его мысль имеет свою неповторимую форму и цвет.

Свою черепную коробку он представлял холодильником, а основной поток мыслей имел форму разных продуктов: картошки, яиц, свежей моркови, баклажанов.

Возле мусорного бака стоял кем-то выброшенный холодильник, заглянув вовнутрь, Володя увидел там свои мыслепродукты. «Какой беспорядок внутри»- подумал он, ласково поглаживая помидор. Ленин вытащил все из холодильного шкафа, и почувствовал, как в голове стало тихо, просторно и уютно. Он бесцельно бросил взгляд на красную развивающуюся на ветру ленточку, каким-то образом зацепленную за арматуру.

Вдруг к нему подошел человек в бескозырке и отдал честь. Володя несколько опешил, но не подавая виду, вопросительно взглянул на матроса. Тот кивком показал на какое-то питейное заведение, примостившееся между бакалейной лавкой и магазином «Подковы, хомуты» («Коневодство»). Матрос плечом подтолкнул дверь. Она раскрылась без скрипа, но как-то медленно. В кафе было пустынно. Ленин смотрел в окно, и радовался отсутствию деревьев. Половой принес водки, два соленых огурца, и две маленькие граненые стопки. Матрос почему-то тут же схватил их и приставил к глазам наподобие бинокля, повертел, налил водки.

-Ну, что, за знакомство, - вежливо предложил служивый (незнакомец).

-Давай, штоль. За кумовство, – попытался пошутить Ильич.

-Ты вот все шутикуешь, Володя, а мы и вправду чуть ли не родственники. Но это не

суть важно. Я – Луначарский, нападающий, - шепотом представился незнакомцу, и почему-то показал на фуражку. На околыше золотистыми буквами, новенькими и аккуратными, было написано слово «АВРОРА».

-Имя что ли?

-Имя, но не мое. Тебя я знаю, Бруевич рассказывал.

-Ты имеешь ввиду лыжи, акваланг?

-Да, но не только это. Он говорил о твоей вере в рабочий класс, в справедливость, мир во всем мире. Но не это сейчас главное. Ты знаешь, что мы каста хоккеистов, вершим всеми событиями, так вот, расскажу тебе все по порядку. Около полугода назад мы с приятелями играли, а я забыл вынуть из кармана большую бутылку томатного сока, я всегда им опохмеляюсь. Так вот, вышли мы играть, я разогнался, перехватил шайбу, и на всей скорости мчался с левого фланга к центру поля. Тут на меня, со всей дури, наваливается защитник белых – Деникин, и я, не сдержав равновесия, свалился на лед. Холодный лед хоккейной площадки. Томат разлился по той части катка, где была обозначена разметкой карта России. Наши соперники по игре – команда белых – считали это поле как бы своим, идентифицируя белизну льда с цветом своей спортивной формы, а тут карта России стала красной. Томат быстро впитался в лед, и отмыть его было практически невозможным. Я думал, что меня удалят с поля, но Бруевич, Буй по-нашему, встал на мою сторону и объявил, что с этого момента, карта России будет похожа на красную форму на-

шей команды. Более того, он решил, что это знак свыше, и во время перерыва, между вторым и третьим периодом, выдвинул вместе с Троцким программу о необходимости удержания идентичности цвета. Как говорится, кому кострище, а кому – пепелище. С тех пор все и закрутилось. Буй стал постоянно забивать шайбы, но к игре чуть охладел. А сам занимался придумыванием стратегии на закрепление территории. Он предложил, так называемую, красную атаку. Она заключалась в том, что Троцкий, Каменев и Зиновьев, сразу после вбрасывания шайбы, занимали позицию на площадке, помеченную томатным соком. Так как цвет нашей формы, и красного куса на карте площадки совпадали, то нас почти не было заметно, соперники стали проигрывать, и подчас применять запрещенные приемы. Иногда им это удавалось. Но сам самим трудно было различить друг друга на катке.

И Троцкий предложил всем нашим отрастить усы и бородки, чтобы знать, куда переправлять пас. Потом мы решили, что сидеть, сложа руки, нельзя, что красный томатный сок на импровизированной карте, это символ, побуждающий к действию, к революции. Мы провели много работы, созвонились с красными хоккеистами Швейцарии, Германии, Англии. Они нас поддержали. На тебя мы вышли через эгрегор завуалированной лысины. Ты подходишь идеально – герой, лыжник с кислородным баллоном, имеешь блестящее образование, знаешь языки.

Тут Луначарский прервал рассказ, и, за-

казав еще водки, замолчал. Ильич ошарашено сидел, выпучив глаза, и не мог прийти в себя от раздирающего его чувства обратного потока мыслей в цикле клубка.

-Так что же мне делать? – с кротостью в голосе произнес он.

-Революцию, Володенька, революцию.

Друзья попрощались и вышли из кафе. Володя задумчиво брел по городу, зашел в зоопарк, цветочный магазин, покормил канареек. Вдруг к нему подбежал низенький и плохонького вида старичок. И, нежно прикинув к вождю животом, прослезился:

-Наконец-то я нашел тебя, мой герой.

-Кто ты, парень?

-Меня послали найти тебя и передать кое-что.

Володя воровато оглянулся, и почувствовал прикосновение чего-то холодного, квадратного. Он понял, что это какой-то жесткий предмет, привязанный к животу старикашки.

-Не тяни, говори на чистоту.

-Я тебе должен был передать вот это.

Старичок отклеил скотч и вытащил из-за пазухи продолговатый предмет, и бережно протянул его Ильичу. Это был красный кирпич. Самый обыкновенный. Володя взял объект, и присмотрелся к нему повнимательней, на торце была обычная заводская маркировка:

Кирпич красный

Вес нетто 1 кг.

Годен до 25 октября 1917 года

-Что бы это значило? Где ты взял его?

– недоуменно пожимая уголками губ, спросил Володя.

-Это длинная история. Я с детства испытывал вожделение к домам, строениям, зданиям. В молодости я любил прогуливаться по городу, и испытывал невероятное наслаждение от архитектурных ансамблей. Постепенно это зашло очень далеко. Я бросил работу, друзей, бесконечно изучал архитектурные стили, стал бесцельно слоняться по улицам. Всякий раз, во время прогулки, испытывая сладострастное ощущение бытия. Потом я заходил в подъезд и изливал семя на изящные каменные стены, мраморные полы, бордюры. Особенно мне нравились здания в стиле позднего ампира и псевдоготики. Иногда я пытался совместить название улицы с вывеской магазина, и, таким образом, конструировал замысловатые аббревиатуры. Например, из названия улицы «Лесная» и магазина «Нитки. Наперстки» я составил слово Ленин. Это слово стало моим знаменем, моим фетишем на долгие годы. С этим именем я сладко засыпал и сладострастно просыпался. Аппетитно ел, мылся, стирал белье. Однажды ко мне на улице подошел какой-то незнакомец в очках, с усами и бородкой, и сказал, что знает о моей эстетической стороне жизни, о моих архитектурных поисках смысла, и предложил найти человека с таким именем, и передать ему этот кирпич. Назначение этого предмета я не знаю. Троцкий (так представился этот парень) сказал, что нужно передать объект вам, и вы сами догадаетесь, что с ним делать. Я очень люблю

цемент, строительные кирпичи, шпаклевку и поэтому тут же согласился. Правда, грешен, один раз не выдержал, и вождедел объект, но так или иначе он не поврежден.

Тут связник неожиданно замолчал.

(Сноска: баофилия - нем. bauw. – здание, строение, лат. filia – желание)

-Ну, спасибо тебе, спасибо, мил человек. Правда, я не имею ни малейшего представления о том, что все это значит. Тут написано – красный кирпич. Скорее всего, это посылка от Бонч-Бруевича (кирпич – Бруевич), далее – вес нетто 1 кг., скорей всего значит, что мне нужно обратиться за помощью к товарищу Нетто, человеку и пароходу, а что такое – 25 октября 1917 года? Непонятно.

Глава 7 «Стачка»

На дороге появился левый эсер. Он шел прихрамывая и цеплялся за ветки деревьев, растущих вдоль дороги. Тишина и безмерная пустота вокруг, у заставы все было спокойно. Этот военный, полковник, скорей всего, принял Ленина за какого-то офицера.

-Вы помните, Владимир, что я вам сказал?

-Я обязан помнить, - смекнув что к чему, отчеканил Ленин.

Гудок ревел. Для Владимира пора увлеченный миновала, и он знал это. Наивные мечты и идеалы неискушенного юноши исчезли без

следа. Ему хотелось женской близости, но он все меньше был склонен поступать ради этого своей свободой, своими идеями. Полковник бесцеремонно прервал его мысли:

-Владимир, скажите, чтобы из заставы позвонили в штаб, и все, кто там есть, послать к заводу. Видно Дзержинский не смог справиться, приходится самому заниматься этим. Я то уж заткну ему глотку.

Вояка отдал знак коннице. Люди бросались во дворы, едва заведя мчавшихся всадников, не успевшие спрятаться, жались к стенкам. Постепенно толпа стала заполнять все подходы к заставе. Здесь было несколько тысяч человек. При виде этого огромного собрания, Ленин растерялся, он не ожидал такого размаха. Ильич увидел, что один из рабочих держит в руках надувную резиновую лодку. Быстро подойдя к нему, Володя не мешкая, вырвал ялик из рук ничего не понимающего человека, и ринулся в толпу. Расталкивая всех локтями, он пробрался в цех, и встал у основания трубы. Струи теплого дыма подняли его внутрь туннеля, потому что лодка срабатывала, как парус. Она несла его все выше и выше, выталкивая из трубы. Ильич взмыл над площадью, толпа стала восторженно что-то кричать, а Владимир, сделав жест правой рукой вперед, заговорил нежным, картавым голосом. Он призывал к вооруженной борьбе, что-то говорил о справедливости, о равенстве. Народ внизу ликовал.

Владимир, закончив свою импровизированную речь, отпустил лодку, и спустился с

обратной стороны трубы по ступеням. Он быстро дошел до вокзала, по пути размышляя о системе магнитной гравитации, об эффекте поршня, о земном притяжении. Связник заказал места заранее, чтобы подойти к самому отходу поезда.

Друзья уселись в купе Руссо-Балтского экспресса, и Ленина охватило чувство величайшего удовлетворения. Жизнь предстала перед ним в самом розовом свете - он добился всего, чего хотел, хорошо, если бы всегда так удавалось. Поезд тронулся. Володя стал задумчиво смотреть в окно. За окном потянулись бесконечные поля, мокрые и побуревшие под холодным дождем, словно головастики, выброшенные на бетон. Экспресс проносился мимо крохотных деревушек, это были просто кучи белых, серых, бурых лагун. Неожиданно он увидел между домами женщину, половшую грядки садового участка. Она была в купальнике ярко-красного цвета, и необычайно хороша собой. Владимир вскользь заметил, что в бюсгалтер, женщин собирает сушеную рыбу, и складывает ее наподобие любовных писем между бугорками груди. Необычайное волнение охватило Володю, у него защемило под ложечкой, он весь скукожился. Неодолимое желание остановить поезд и сойти, познакомиться с этой женщиной – не давало ему покоя. Связник мерно посапывал на второй полке. Володя резко его растормошил. Оглянувшись по сторонам, он дернул рычаг стоп-крана, и поезд медленно остановился. Друзья стремглав выбежали. Познакомившись с Надень-

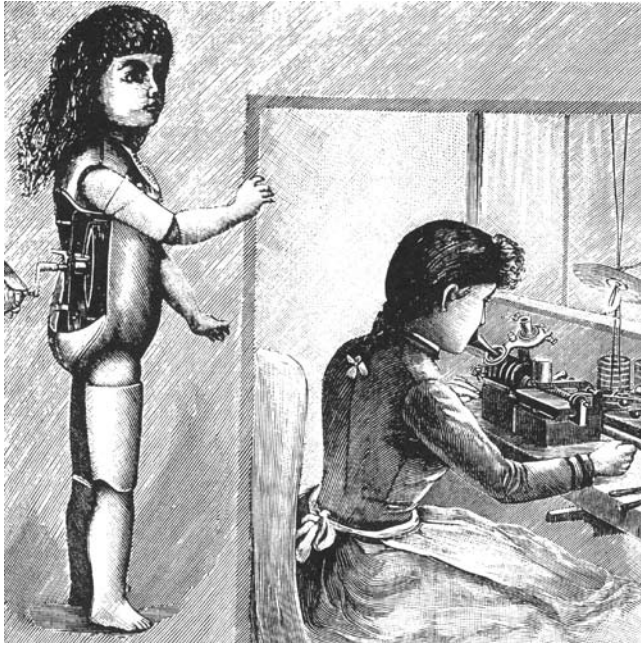
кой, все втроем вернулись в вагон. Никто ничего не заметил.

Наденька оказалась тихой, застенчивой девушкой. В некоторых кругах ее бы даже назвали синим чулком. Но из короткой беседы стало понятно – она единомышленник, читала Гегеля, гимназистка, любит носить красные платья, с материнской нежностью относится к рыбе. Так они все втроем мчались навстречу великим свершениям истории.

Глава 8

«Формы и содержание»

Троцкий, Каменев, Зиновьев – идеологи новой волны разработали теорию красного цвета, спектрального анализа луча. Троцкий в детстве увлекался геотектоникой, астрономией, биомеханикой, и постепенно пришел к выводу, что глобальные перемены всегда случаются во время отклонения Земли от своей орбиты, бомбардировке ее вселенскими метеоритами либо при смещении ее оси. Так ледниковый период, всемирный потоп, восстание боксеров – все проходило, именно, таким образом. Троцкий решил сместить ось Земли, и, согласно его теории, создать предпосылки этим действиям для осуществления революции. Каменев и Зиновьев настаивали на версии «Квадратной Земли», а именно, программы «Grey pease», они даже написали манифест.



«Grey pease» ПРОГРАММА

I этап «Базис» (3 года) Выкачка всей пресной воды. Добыча всех ресурсов Земли и закачивание их в резервуары и контейнеры. Вырубка всего леса и складирование его в поленицы под открытым небом.

II этап «Надстройка» (3 года) Изготовление бульдозеров и обучение людей работе с ними. Бульдозеры служат для выравнивания гор, холмов, возвышенностей и формируют рельеф Земли по заданному плану.

III этап «Grey pease» (3-3,5 года) Это придание планете Земля с помощью бульдозеров идеально квадратной формы. Закатка суши в асфальт. Разделение населения по половому признаку и расселение его на гранях квадратной Земли.

Квадрат – это более устойчивая форма, нежели шар, тем более, что эта фигура очень сильно перекликается с иконой XX века, небезызвестной картиной Малевича «Красный квадрат». Земля будет обустроиваться по новому образцу, более гуманному и человечному. Унифицируются все избыточные понятия, жизнь станет более безопасной и предсказуемой.

Погода. Осуществление процесса управления погодой. Это так называемый этап борьбы с горизонтом. Управлять погодой можно по принципу вытеснения клина клином. Один из способов - борьба со снегом. Это общественно-индивидуальная борьба каждого человека во время снегопадов. К холодильнику человек должен подключить переднюю часть пылесоса и выхлопной шланг направить в сторону снега, выбрасывая горы льда в небо. Если эти действия синхронно выполнят все жители планеты, снегопад остановится автоматически.

Спорт усредненных понятий. Город разделяется по секторам, в одном из секторов размещены шахматисты, в другом - хоккеисты. Они устраивают между собой соревнования. Дома и микрорайоны проводят чемпионаты и олимпиады. Списки победителей вывешиваются в подъездах, а проигравшие собирают гербарии.

Коммуникации. Все люди будут жить на гранях, их сгруппируют согласно половому и возрастному признаку: мужчины – на одной грани, женщины – на другой, старики – на третьей, дети тоже будут отдельно. Каждый

на своей грани. Общение будет происходить в четко разграниченных по возрасту группах.

Репродукция человека. Размножение осуществляется через спермопровод. Этот агрегат является подобием канализации с выходом на гениталии резиновых кукол, установленных либо в санузлах, либо в спальнях квартир. Манекены или куклы должны быть противоположного к обитателю квартиры пола. С 22.00 до 23.00 мужчина припадает к своей кукле, и отправляет семя в общий терминал, в котором образуется Вселенская сперма. Оттуда ее при помощи насосов перекачивают на противоположную грань, и она попадает в квартиру женщины через кран.

Транспорт. Транспорт - общественно-индивидуальный. Представляет собой подземную лыжню, размещенную в канализационных коммуникациях города, бывшем метрополитене, катакомбах. Внутри подземной лыжни наращивается лед, образуется гладкая поверхность, и люди передвигаются на собственных лыжах с огромной скоростью по этим коммуникациям.

Административная система. Идентификационные моменты осуществляются при помощи одного органа - задницы. Паспорт, личный номер человека, его фотография, прописка обозначаются на штрих коде, расположенном между двумя ягодицами. Таким образом, появляется такое понятие как паспорт-задница, которое является всеобъемлющим ресурсом осуществления всей административной деятельности человека. Этим универсальным документом можно пользо-

ваться во всех случаях жизни. Голосование должно проводиться через унитаз. Предварительно, партии, которые являются кандидатами в «Grey rease», угощают электорат едой с лакмусовым индикатором внутри. При его потреблении фекалии окрашиваются в определенный цвет. При их попадании в общий сток, происходит голосование по цветовому признаку, определяющее победителя.

Праздники. Создание одного всемирного праздника жителей Земли, дата определяется произвольно, например, день основания нового мира - праздник «Grey rease». Этот день включает в себя элементы всех праздников, начиная от Нового года и заканчивая 8 Марта и 23 февраля.

Культура и искусство. Основной доминантой культуры и искусства будет кино, не как развлечение, а как побуждение на некие действия. Специально снятые фильмы демонстрируют физические упражнения, конвейерный процесс, работу по конструированию объектов. Кино - трудовой подвиг. Киноленты будут транслироваться в кинотеатрах, на заводах и фабриках, где через подключенные датчики специальные роботы будут перенимать все виртуальные действия актеров, побуждающие роботов через копирование действий внутри фильма, осуществлять их в реальности. Например, если фильм про сборку телевизоров, то роботам будет легко скопировать действия персонажей и собрать телевизор. Вся индустрия в этом случае может базироваться на такого рода «вдохновении» искусством.

Религия. Религия будет сведена в некую новую унифицированную конфессию под названием «Индустриальный буддизм». Главный постулат и принцип этой религии заключается в обретении счастья, добродетели и просветления индустриальным способом.

Но исходя из всех за и против, как основную, пока, одобрили стратегию Троцкого о смещении оси. Хотя не исключалась возможность запустить проект „Grey rease” уже после революции. Бонч-Бруевич тоже поддержал Троцкого. Ему удалось склонить на свою сторону Молотова и Луначарского. А Каменева и Зиновьева, за глаза, вы шутку стали называть левыми эсерами, меньшевиками и прочими именами. Буй занимался разработкой визуального ряда революции. Ему пришла идея за основные символы флага взять серп и молот. На обсуждении он аргументировал свой выбор тем, что серп является отображением буквы «С» от слова «серп», а молот – это корень фамилии правого полузащитника Молотова, который и поддержал Бруевича в теории смещения оси. Кроме того, молот – это символ рабочего класса, символ индустрии, промышленности, это прорыв через замах и удар. Герб он предложил в виде пшеничных колосьев вокруг земного шара, сзади которого вставало утреннее солнце. Каменев и Зиновьев настаивали, чтобы Землю изобразили квадратной, но Бонч-Бруевич призвал к реализму и дебаты сошли на нет. Колосья, он объяснял, как знак степной авиации. Земной шар – подземная хоккейная площадка. А

солнце – это яркая лампа в раздевалке, которая всем слепила глаза, но, по какой-то непонятной привязанности к традиции, никто ее не хотел менять. Цветом флага был выбран красный, как символ томатного сока, окрасившего территорию России на карте. Троцкий предложил поместить в герб хоккейную клюшку, но никто его не поддержал. На этом дискуссия завершилась.

Глава 9 «Самара-товарная»

Володя, Наденька и связник, тем временем, подъезжали к какой-то станции, и Володя решил выйти за кипятком для чая. Подойдя к колонке, на которой была известью сделана надпись «КИПЯТОК», он на ходу открыл чайник, и струя пара слегка обожгла кончики пальцев, и проникла внутрь чайника. Вдруг оттуда стремглав выскочил хомяк, и вцепился в желваки вождя.

-Ты что, меня ошпарить хотел? Стгноить? А ведь я считал тебя своим другом, советы давал, помогал в беде.

Володя, от неловкости за свою оплошность, пытался промямлить извинения, но у него это получилось очень неуклюже.

-Что бурчишь? На игривую жопу ботву не кладут.

-Извини. Забыл, что ты в чайнике. Думал, дай выйду, кипятку наберу. Наденьку чайком побалую.

-Смотри, как бы тебя кто маузером между глаз не побаловал. Слежка за вами. Царская охранка что-то пронюхала. Уходить надо.

Володя в этот раз без излишних пререканий бегом возвратился в вагон, и, наспех поторопив попутчиков, быстро собрал весь нехитрый скарб. Через две минуты компания стояла на перроне провинциального городка.

-Если мне не изменяет память, то надпись на табличке гласила «Самара-товарная», значит город где-то недалеко, - задумчиво сказал связник.

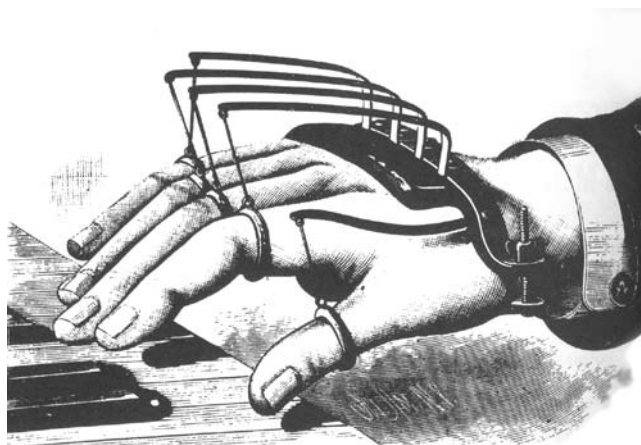
«Нетте, Нетте, Нетте, - бубнил про себя скороговоркой Ильич, и ему вторило эхо – Тенет, Тенет, Тенет».

«Паутина, - озарила его догадка. – Нужно искать Нетте в районе самарских оврагов, ведь вся паутина там. Ее даже добывают кустарным способом для каких-то целей, кажется, делают самарскую пеньку». Тут его размышления прервал связник:

-Мне кажется, Володя, исходя из моих архитектурных знаний, я бы мог предложить вам помощь. В бытность мою чиновником, я, по долгу службы, бывал в Самаре, и долго бродил по городу. Я обошел его вдоль и поперек, слева направо, туда и назад. И хочу вам доложить свою версию, если вы не против.

-Валяйте, - отмахнулся Ильич.

-Так вот, в Самаре есть улица Немецкая, а на углу расположился магазин «Ткани. Термосы». Так вот, если составить аббревиатуру из трех слов, получается искомое имя «Нет-



те» (Немец, Ткани, Термос). Мне кажется, там и стоит искать.

- Версия более чем странная. И в другом случае я бы даже и не останавливался на ней, но сейчас нужно отработать любые варианты, тем более, что других зацепок у нас нет.

Глава 10 «Товарищ Нетте»

Наденьку на время решили отправить на конспиративную квартиру. А Владимир и связник продолжали путь. Они медленно брели по городу и добрались до Немецкой улицы, тут же располагался искомый магазин. Друзья решительно вошли и остановились в центре. На полках там и сям был разложен товар. И девушка, одетая в шведский национальный костюм, вежливо предложила купить китайский термос с цаплями. Ре-

бятя галантно отказались и стали задавать наводящие вопросы об интересующем их товарище.

-Так это же наш снабженец. Сейчас он занимается приемкой ткани в подсобном помещении, – радостно воскликнула девушка готовая хоть чем-то услужить клиентам.

Ильич и связник неуверенно подошли к двери с надписью «Подсобка», и, постучав для приличия, вошли.

-Итак? - вскинул высоко брови товарищ Нетте, сидящий на двух подушечках, положенных на табурет.

-Как мы догадались, вы – товарищ Нетте.

-Да, это я.

-Меня зовут Володя Ульянов, а это – мой связник. Мы к вам вот с этим.

И Ильич заговорчески достал из-под брюк шероховатый предмет и протянул его снабженцу. Пока тот читал маркировку, Володя успел рассмотреть помещение. Это был полуподвал с казенной тусклой лампой на потолке, на столе лежали дырокол, чернильница, приходские бумаги, сбоку, рядом, стояла корзина для мусора, в которой среди обрывков бумаги лежали старые кеды и модель парохода, собранная из листьев в технике папье-маше. Несмотря на беспорядок, помещение производило очень приятное впечатление. Здесь было уютно, тепло. Володе замечталось, что, когда он отойдет от дел, то приедет сюда, в Самару, снимет тихую комнату подальше от центра, будет коротать долгие зимние вечера у печки, пить можжевеловый чай, а днем – собирать рас-

тения для своего фамильного гербария. Тут его прервал товарищ Нетте:

-Вы хотя бы предполагаете, товарищ Ленин, что вам предстоит сделать?

-Приблизительно. Я должен совершить революцию, которая перевернет мир, которая даст свободу угнетенным. Землю – крестьянам, фабрики – рабочим.

-В принципе, то это правильно, но это, так сказать, общее направление. Без рычага вам не поднять камень царизма с плеч трудящихся. Не изменить режим.

-Где же этот рычаг? Где точка опоры?

-Чуть больше терпения, Володенька, чуть больше. Взгляните.

Товарищ Нетте протянул Владимиру Ильичу цветную фотографию с изображением белорусского лося и красивой надписью снизу, сделанной готическим шрифтом (Беловежская пуца). В левом верхнем углу примостилась украшенная вензелями буква «Л», которая напоминала покосившийся домик, после которой стояла небольшая запятая.

-Я не мог решить этой задачи, но вам, думаю, она окажется по зубам, - тут товарищ Нетте заговорщически подмигнул, озираясь по сторонам, и, сбавив голос, шепотом пробурчал. – Мне говорили, что вы хорошо решаете шарады, кроссворды, загадки.

-Да, вы осведомлены правильно, отчасти это так. Кстати, я уже решил этот ребус. «Лось», изображенный на фотографии, означает ось, буква «Л» выделена как бы за скобки, а надпись снизу – место встречи для

дальнейшего обсуждения стратегии.

-Да вы, батенька, просто гений, решительно, гений! Вот так, с бухты-барухты, отгадать головоломку, цена которой будущее развитие народов России.

Друзья шли по обледенелым улицам Самары, холодным и безлюдным, капал нестерпимый, до мозга костей пробирающий дождь. Остаться на улице было невыносимо. Они находились на окраине, питейных заведений или хотя бы библиотек, чтобы переждать дождь не было и в помине. Связник весь промок до нитки, напоминая выжатую половую тряпку. С него стекала грязная жидкость. На Ленине еще оставались сухие пятна, видимо, нечаянно капнувший, жир, защищал костюм. Мокрые пятна перемежались с сухими, напоминая раскраску жирафа. Начались какие-то ухабы, рытвины, рабочие кварталы. Ребята неожиданно и как-то одновременно поскользнулись на жиже, и помчались вниз по уклону. Дождь хлестал со всех сторон, не было сил ни подняться, ни остановиться. Внезапно они въехали в какое-то помещение, и, проелозив по полу еще несколько метров, уперлись лбами в деревянную завалинку. Видимо, это был сарай или бывшая баня. Везде, там и сям, валялись кадушки, шайки, старые веники, колеса от телег, в углу висел хомут, но почему-то очень маленький, казалось, что он был предназначен для бобра или выдры. Владимир услышал приглушенный шорох из соседней комнаты, кто-то шелестел бумагой, скрипел стульями, вдруг, раздался зычный бас:

-А шо, понимаешь, может быть, ты отдельно, я отдельно, и он тоже отдельно, каждый на своей полке.

-Но это же развал Союза.

-То, что написано пером, не вырубишь топором.

-Борис, ты не прав.

Володя решил прервать диалог, и, со скрипом открыв дверь, сейчас же перешел к делу.

-Надеюсь, мне не надо вам представляться, - картавя произнес вождь. – Вы сами знаете, зачем я здесь.

-Да, голубчик, только вас здесь и не хватало, ну, да ладно, раз пришли, садитесь.

Пока на повестке другой вопрос. Мы здесь обсуждаем развал того, что вам предстоит еще создать, но не суть важно, мы все творим историю, а она, как известно, прощает ошибки, но не прощает упущенных возможностей. Сейчас я вам зачитаю доклад Института Всемирной Революции, и вы все поймете.

Доклад революционной комиссии

С точки зрения геотектоники наша планета представляет собой массу постоянно видоизменяющегося вещества. Циклы природных метаморфоз влекут за собой передислокацию в социальном, культурном и астрономическом поле. В данном контексте комиссию интересует последняя фаза. Как вы знаете, до 2000 года должна длиться эпоха Рыб, а за тем придет эпоха Водолея. Нас, Ре-

волюционную комиссию, такая ситуация не устраивает (изменения нам не нужны). Мы хотим стабильности, и ждем от всех такого же понимания и осмысления ситуации, однако, изменения неизбежны, время идет своим чередом, поэтому комиссия предлагает концепцию теории «Видоизменения тектоники в промежутке отстающего времени, отстающего на несколько десятков лет назад». При естественном ходе событий отрицательные метаморфозы при смене астрологических фаз должны наступить через несколько лет в будущем. Мы предлагаем этот временной отрезок сместить в прошлое и таким образом избежать негативных последствий надвигающихся перемен. Для осуществления этой задачи мы нашли в прошлом промежуточное временное окно, в которое могли бы вписаться эти видоизменения. Окно наиболее активно между шестым и восьмым ноября 1917 года. Самый оптимальный день – 7 ноября или 25 октября по старому стилю. Чтобы осуществить предлагаемый проект нужно создать в прошлом времени предпосылки для смещения оси Земли на любой возможный для этого промежуток коридора времени угол. Мы настоятельно рекомендуем связаться с людьми, способными передвигаться во времени, и обеспечить им в распоряжение всю имеющуюся современную технику для выполнения этой задачи. Из произвольно выбранных фамилий, зарегистрированных в церковно-приходской книге Российской империи, мы выделяем три фамилии – это гимназист Симбирского лица некто Улья-

нов В.И., студент-философ Троцкий Лев Давыдович (Лейба Бронштейн), и депутат Госдумы первого созыва Керенский. Каждый из них способен на этот подвиг, остается только выбрать кандидатуру. Преимущество должно отдаваться первому оказавшемуся в поле зрения нашей цивилизации.

Август 1991 год

-Я понял, я понял, почему Бруевич тер про рыбу, мальков, ихтиологию, он хотел намекнуть про эпоху Рыб. Опять же Наденька, прячущая сушеную воблу в лифчик, а Водолей – это матрос Луначарский, ведь это он разлил красный томатный сок на карту хоккейной площадки. Мне кажется, что слово



«Ленин» произошло от этимологического слияния составляющих понятий «Рыб» и «Водолея». Рыбы живут в воде, и если взять большие реки, моря, океаны, то так и выходит: Лещ, Енисей, Лена, подлещик, леска, Ледовитый океан, Индийский океан – это и есть процесс переходного периода.

Лещ, Ниагара, Наденька.

Значит, я должен осуществить спайку времен, стать недостающим звеном в этой цепи.

Глава 11 «Ссылка»

Тем временем царская охранка не дремала, и по пятам следовала за революционерами. Поняв, что следы могут затеряться в любой момент, она приступила к более решительным действиям. Несколько раз на конспиративных квартирах была облава. За ними часто следили на улице шпики, и, наконец, однажды, путешествуя в конке, друзья чудом избежали ареста, совершив героический прыжок с трамвая на ходу. Нужно было что-то решать.

-Придется проконсультроваться с небесными шахматистами, - задумчиво произнес вождь, сплевывая лужгу на землю.

-Да, уж, видимо, не отвертеться, - в унисон вторил связник.

Ребята резко вошли в комнату недалеко от промрынка. Где-то здесь должен был быть штаб небесников.

-Эй, есть кто-нибудь? – выкрикнул Ильич.

-Проходи, мил человек, гостем будешь, - отвечивал незнакомец, сидящий где-то в углу, в неосвещенном углу горницы.

Их взору предстал засаленный дед, в валенках, телогрейке, давно не стриженный и небритый.

-Вы кто? – хором поинтересовались друзья.

-Я-то? Главный гроссмейстер небесных шахмат. А у вас, я вижу, дело ко мне.

-Знаете, мы боимся показаться навязчивыми, но некоторые внешние обстоятельства вынуждают нас пренебречь условностями этикета, - резко отчеканил заранее подготовленную тираду Володя. – У нас небольшие сложности с передвижением по городу, за нами по пятам ходит охранка. Шпики повсюду. Иногда я даже думаю, что, открыв дверь туалета, буду арестован. Подскажите, что делать, к кому обратиться?

-Вы пришли правильно, ребята, ваши опасения не беспочвенны, даже наоборот, но сложившееся положение вещей не позволяет центру напрямую вмешиваться, чтобы не сдвинуть промежуточное окно, но я позволю себе один совет: сдавайтесь, сдавайтесь этим волкам. Они отправят вас на пол года в ссылку – в Шушенское. Это в Сибири. Мы вам доставим всю необходимую литературу для подготовки восстания. Отдохнете, потренируетесь. Силы вам нужны. Гантели могу дать сейчас. А главное, вы сможете адаптироваться к северным условиям, ведь вам придется

сдвигать ось на Северном полюсе. А для такого дела нужна закалка, и еще какая закалка. Эхма, будь я помоложе – сам бы пошел.

Гроссмейстер хитро улыбнулся, прокашлялся, и, открыв табакерку, сделал жест, который друзья расценили, как знак конца аудиенции.

«Музей снов»

Где-то вдалеке, на пустоши, окруженной живой изгородью, располагался старый заброшенный колодец, в нем жил ни о чем не думая тихий парень, что собирает сны. Музей, как его он сам называл, был очень просторным и уютным. Анфилады бесконечных арок и сводов украшали его стены и потолок, и, если бы здание было на поверхности, свет озарял бы его причудливыми отблесками. Хранитель, он же директор музея, некто Маркс, содержал экспонаты в образцовом порядке. На полочках размещались прозрачные колбы, банки, аквариумы, закрытые кастрюльной крышкой, и хранящие в себе содержание снов. Снов о революции. Это были сны, виденные или те, которые еще предстоит увидеть людям, и они наподобие маленьких облачков светящегося газа зависали внутри прозрачных сосудов в разных конфигурациях. Снизу располагались небольшие бирки с названием, а иногда и содержанием сна: «Робот и чучело рыбы», «Индустриальный буддизм», «Владыка чуланов», «Лукавый ботаник» и так далее. Сны были волшебные и какие-то сияющие.

Они то возникали внутри сосудов, как некий кинофильм, то исчезали, оставляя в пустоте силуэт чего-то мягкого и тихого.

Хранитель тщательно отбирал их по тематике, по годам и складывал в определенном, только ему известном порядке, на полочках этажерок. Здесь были даже разделы: «Сны о залпе Авроры», «Сны о Ленине», очень интересный сон про Свердлова в разделе левые эсеры. Сам директор иногда от скуки просматривал некоторые. Особенно ему нравился сон «Взятие Зимнего». Он устраивался в кресле, накрывал ноги пледом, и, закуривая трубку, погружался в медленную фантазмагорию, которая сверкала, мерцала, нежно обволакивала его, и он тихо засыпал в кресле, бормоча про себя какую-то мелодию, кажется Интернационал.

А Ленин и связник, последовав совету гроссмейстера, отправились в ссылку. Они устроились в утлой плохо отапливаемой сторожке неподалеку от села Шушенское. Связник сразу облюбывал место на печке и стал проявлять недюжинный интерес к печному делу. Раздобыв где-то книгу «Английские каминные. Руководство по постройке и эксплуатации», он целыми днями переобустраивал печурку, добавлял новые элементы, потом убирал их, красил специальным составом, и снова устанавливал. Однажды Ильич не выдержал:

-Слышь, паря, ты уже зашел слишком далеко, в начале я думал, что это так, забава, шалость, но теперь вижу, что ты просто фанатик какой-то. Может быть, тебя стоит

называть печником вместо связника.

-Не обижайтесь, Володя, я же вам рассказывал о своей страсти к архитектуре, но дома и здания, как я понял, строить мне не по зубам, а вот печурку смастерить – совсем другое дело.

В этот момент калитка открылась, и вошел человек в заснеженной шинели, шапке и валенках на босу ногу.

-Свердлов – моя фамилия, принес вам гостинцы: книжки, пряники, а вам, Владимир Ильич, письмоцо от Наденьки, так что пляшите, пока не передумал.

Ильич с остервенением заработал ногами, а руки оставались занятыми двумя поленьями с завалинки. Свердлов снисходительно протянул письмо связнику и грузно сел на табуретку с вырезанным сердечком по середине. Он задумался об этом отверстии, то ли это какая-то странная задничная вентиляция, то ли проявление вселенской любви. Яков стал вынимать из вещмешка припасы и складывать на стол, это была литература и еда, причем в равной весовой пропорции: на 400 гр. книг приходилось, например, 400 гр. снеди. Ильич вопросительно сдвинул брови, предвзяв этим жестом вопрос.

-Товарищ Свердлов, а почему литература равна по весу с едой?

-Э, батенька, тут вся и загадка. Вот вы, например, хорошо подкованы идейно, а от зарядки отлыниваете. В проруби опосля баньки не купаетесь, а эта пропорция должна вам показать, что все в человеке должно быть гармонично, и мысли, и лицо, и одежда. Как

вы думаете, почему я вам принес из еды одни только клубни и корешки? Да потому, что они и означают подземное бытие, подземный хоккей, а литература, книги – это всегда небесность, а нашем случае – небесные шахматы, и только при взаимодействии двух этих величин и происходят выдающиеся события на Земле, в коих вам, я надеюсь, придется принять непосредственное участие.

-Так как же мне использовать это все? – недоуменно спросил вождь.

-О, это особая наука. Вы должны приготавливать корни да клубни за несколько минут до чтения, а затем, взяв книгу, питаться едой по мере наполнения прочитанным содержанием головы. Таким образом, вы выработаете новые качества гармонии между внешним и внутренним, и будете достаточно сильны для того, чтобы увидеть сон, который станет стратегией нашей борьбы, стратегией революции.

-Мудрено все это. А сколько же его еще ждать?

-Недолго, батенька, недолго.

Глава 12 «Союз»

-Уважаемые товарищи, - открыл доклад Бонч-Бруевич, - сегодня мы собрались здесь, в подземной раздевалке, чтобы подвести итоги нашей работы, итоги народной борьбы. Предыдущий этап прошел превосходно,

и нам нужно подумать о дальнейших мероприятиях. Как вы знаете, выбранная нами кандидатура легко прошла утверждение в области небесных шахмат. Сейчас Владимир Ильич работает в ссылке, в Шушенском. Мы со своей стороны тоже не должны сидеть без дела. Какие будут предложения, товарищи? Поднимайте руки. Слово предоставляется защитнику команды красных товарищу Троцкому.

(Троцкий) – Товарищи, все мы видим, какая опасность развернулась над нашей родиной. Враги лелеют мечту и дальше издеваться над рабочим классом и крестьянами. Что же мы должны сделать, товарищи? Сидеть, сложа руки? Нет, товарищи, мы должны действовать, и действовать грамотно. Для того, чтобы бороться с врагами, я предлагаю объединиться с союзниками, это самая простая стратегия. Вопрос в том, захотят ли они поддержать нас, и в каком виде будет происходить сближение взглядов?

(Реплика из зала) -Позвольте вас перебить, товарищ Троцкий, а нужно ли вообще это сближение, и в чем его целесообразность?

-Как вы знаете, основой всякого вещества является цельность, если мы будем выступать, как отдельный элемент, это будет выглядеть, как банка без крышки, носик без чайника, телега без колес и так далее. Но в нашем случае, не обязательно объединение, мы могли бы создать общую эманулирующую проекцию как на территорию России в целом, так и на Ленина, как персонажа в час-

тности. Это заключалось бы в том, что мы всю территорию разбили бы на шахматные квадраты, но играли бы на ней по правилам хоккея, или наоборот, если угодно. Посложней дело обстоит с самим объектом, транслируемой проекцией, то есть Лениным, он человек постоянно передвигающийся, нервный, издерганный. Поэтому с нашими средствами, действующими в основном в статичном поле, было бы трудно рассчитывать на успех, но в данном случае мы можем воспользоваться правилом двух ягодиц или сидения на двух стульях. Для этого достаточно просто пометить Владимира, в целях коррекции и контроля. С нашей стороны мы можем предложить ему шайбу, а небесная область – может отделаться шахматной доской или пригоршней фигур, это и будут метки. Таким образом, мишень проекции будет обозначена явно. И эманации с нашей стороны будут проецироваться через шайбу, а гроссмейстерские – через доски и фигуры.



Глава 13

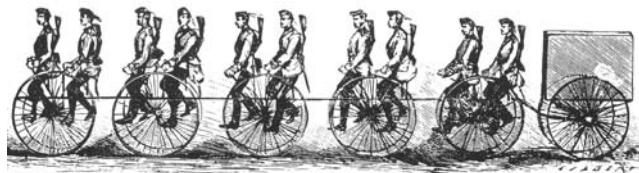
«Стратегия революции»

Владимир Ильич поставил на печку чайник, предварительно согнав оттуда связника, но как-то вяло и сонно. Ему показались безразличными стремления, ожидания, страсти. Володя отрешенно подошел к кровати и заснул тихим сном революционера.

Сон В.И. Ленина

Где-то далеко, за снежной Лапландией, за полосой отчуждения, расположился Северный полюс. Кругом лежит лед, но не холодно. Володя ходит по ледяным горкам, склонам, он трогает свои руки как чужие. Проплывающий в небольшом гладком озерце, айсберг кажется причудливой декорацией. Володя, ступая по белой псевдозаснеженной поверхности, слышит почему-то звук крошащегося пенопласта, везде гулко и одиноко. Он хочет подойти к айсбергу, но маленький пушистый пудель вдруг отгоняет Володю от картонного льда, ему почему-то кажется, что на нем вместо одежды кожура зеленого болгарского перца, он куда-то бежит, падает, встает, опять бежит, и совершенно неожиданно натывается на столб, уходящий в высь, в небо. Его верхушку не видно из-за облаков, столб вертится с невероятной скоростью, словно ось коленвала, какого-то гигантского механизма. Володя пытается дотронуться до оси, но пальцы соскальзывают, и он повторяет безуспешные попытки вновь и вновь. Тут Володя вспоминает сквозь сон, что ему надо

сдвинуть какую-то ось. И он понимает, что для этого придется приложить нечеловеческие усилия. Усилия, которые, может быть, выжмут всю его энергию, всю активную философию жизни, а, может, и саму жизнь. Но Володя решил не отступать ни за что и выполнить задание. Вдруг невдалеке он увидел лося, запряженного в нарты, в один миг, созрел план действий. Володя быстро подошел к упряжке, отвязал животное, взобрался ему на спину, предварительно подложив кепку под ягодицы, схватился за рога, и зычным криком пришпорив ничего не понимающего лося помчался в сторону оси. Рога Володя использовал как своеобразный руль, и, будучи несколько знакомым с основами навигации, вывел парня на прямую дистанцию. До оси оставалось несколько метров, и Ильич чуть не передумал в последний момент, но какая-то невидимая сила, удерживала его в импровизированном седле. Раздался хруст рогов, Володя вылетел из седла, и, чуть задев скулой о столб, упал лицом прямо на снег, белый пенопластовый снег. Проснувшись, он нащупал голову, и обнаружил большую шишку на лбу. Рядом валялась швабра и ведро.





ЕВГЕНИЙ БАЛЬ

*Поэт и вокалист одесского грандж-фанк ансамбля „Трын-трава”.
Ведущий актер Одесского театрального лицея. Активный участник
одесской art - тусовки. В последнее время отличился как фотограф,
о чем свидетельствуют публикации в журналах и многократные выставки.*

Сорока

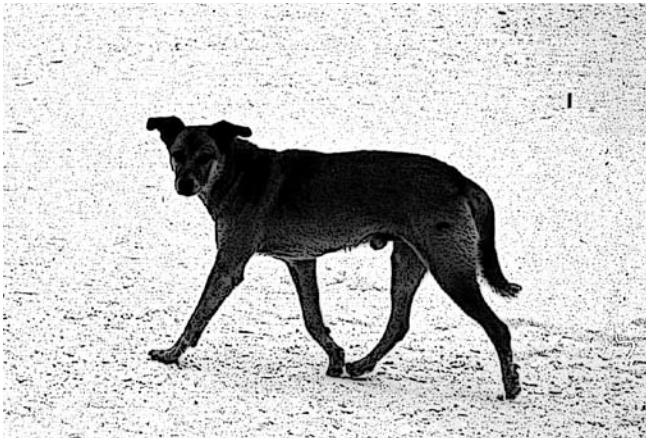
(цепь рассказов, спутавшихся в повесть)

*«Невозможное исполняем тотчас,
чуда отнимают у нас некоторое время»
(надпись на одной из дверей в общежитии)
«В эту ночь любить и могила могла...»
Велимир Хлебников*

Сорока гораздо более серьезная птица, чем кажется. «Сорока-воровка, кашку варила, деток кормила, этому дала, этому дала, этому дала, а этому не дала...», - первое, что пришло мне в голову рассказать заплаканному дитятке в поликлинике, и в этом я не могу себя обвинить, не зачем ему было с Елизаветой Антоновной выскакивать из-за двери.

«ОБЪЕЗД»

Голубь считается символом мира, наверное, оттого, что именно голубь принес Ною масличный лист в своем клюве, в то время как ворона только отлетала от ковчега и сразу возвращалась назад. О сороке там ничего нет, такая она умница, даже тогда вышла сухой из воды. Сорока-невеста, сорока-лас-



точка, одна весны не делает, а две всегда, а то и по трое в разговорах. Сорока в небесах неуловимая.

Воробей вылетит – не поймаешь, аисты приносят детей, цыплят по осени считают, лебеди оставляют свои озера, о журавле с синицей вы сами знаете, жаворонок с утра, сова ночью, а сорока выбросит своих сорочат из гнезда, чтоб летать научились, и была такова, оставив всех в недоумении.

А аисты, говорят, вовсе и не едят жаб.

Вначале о главном, конец - в конце, а важное - впереди.

Из-за реставрации прямо нельзя, только в объезд.

Искусственно или естественно мы расшифровали сорочинный полет, поющий давнюю песню о любви, прочли между сосен мелькающие черно-белые знаки о смерти, подслушали шепот ее перьев: «воздух, друг, держи!» Мы не замечаем, как крадет она наши блестящие дни, словно гвозди у плотника, мелькнет лишь нефтью и снегом, протретит трещоткой: «чли-чи-чи-чи-ыч-ыч-ыч-ыч», - и нет ее. Но плотник, занятый реставрацией, не досчитается редкой формы гвоздя и заподозрит, а потом и разоблачит. А разоблаченная, она уже несется к нам с веточкой плохо лежавшей правды. Правда эта и показана в опере. Она восходит из моря и сыплется на нас серебристыми конфетти с люстры театра, - это соль слез будущих зрителей, любезная интерпретация присыпанных пылью событий. Белоснежные кристаллы уносятся в партер, чихающий, он подымает клубы морского тумана до самой галерки, и уже с первых триумфальных аккордов прелюдии помутневшие глаза публики подергиваются влагой, едва различая скудные, неприхотливые декорации, знакомые завсегдатаям по другим спектаклям.

На сцене висят фанерные небеса, а на заднике - огоньки кораблей на рейде. Сцена представляет собой пляж, разбросаны топчаны и лодки. Доносятся звуки волн и музыка прибрежных заведений. На середине сцены, почти у самого задника, сложены одна на одну лодки, в высоту нескольких человечес-

ких ростов. Справа от лодок, почти у самой авансцены, стоит снежная баба, обычный детский снеговик, разве что в несколько раз больше обычного.

Вкратце опишу либретто. Есть одна собака, ничего не известно о ней, ее можно слышать только через окно и занавеску. Собака любит гавкать и, судя по лаю, собака небольшого размера, но и не маленькая. Начиная с самого утра, собака лает и лает. И лает так до самого вечера. Каждый день. Неизвестно также, прекращает ли собака гавкать оттого, что ее хозяева приходят с работы, или оттого, что собака устает и выбивается из сил. Очень тяжело представить, что хозяева в это время находятся дома и всё слышат. И также трудно вообразить, что эта собака могла устать гавкать. Она делала и делает это бесконечно и решительно без остановок на протяжении всего времени. Сбиваясь с ритма, подхватывая и перехватывая, заливаясь и закашливаясь... И только внезапно услышавший ее мог бы подумать, что еще два-три раза гав-гав и она перестанет, нет-нет, вот-вот ее последний гав, еще один разок и все прекратится, это не может больше продолжаться, это невыносимое гавканье и лай. Но этому не было конца и вправду.

Итак, на сцене появляется герольд в греческой тоге и шутовском колпаке, и читает эпиграф: «Вначале было Слово, Его принесла сорока в своем хвосте, она же Его и стащила». Он удаляется в левую кулису, которая является дверью как бы лодочной станции. Сразу после исчезновения герольда на сцене

появляются немец-шарманщик, седой человек с тачкой возит свои кукольные истории, и еврей-булочник, уважаемый отец одной дочери. Это главные герои оперы. Еврей-булочник поет: «Ах, чем могу служить? (в сторону) Шарманщики тоже люди, у них тоже есть деньги». Шарманщик поет: (в сторону) «Пошел, сука, вон, жидовская морда! (ему) Вы распяли Христа, так что дай мне бесплатно две булки!». Булочник поет: «Христос умер сам, так Господь захотел». Они расходятся. Из правой кулисы на сцену спокойно выбегает дворняжка черно-белой масти, и все жадно обнюхивает. Через небольшой промежуток времени на сцене появляется еще одна дворняжка, только рыжая, затем еще одна и еще несколько, а затем еще и еще, так что вся сцена заполняется дворнягами всех размеров, цветов и возрастов. Все они ведут себя естественно, как дворцовые собаки, лежат, обнюхивают друг друга и прочее.

За ними приятно наблюдать в течение минут десяти, потом в зале начинаются выкрики, отдельные люди выходят, через двадцать пять минут зал заливаются свистом, в течение еще получаса половина зрителей, а то и больше, расходится кто куда. И только примерно через час на высоте, на самой верхней лодке появляется в дорогой меховой шубе ангельского лика хозяйка белоснежной суки, размером с кошку, неопределенной породы, но сразу видно, что Породы, что придает любой породе известный, всегда модный, шарм новизны. Внизу все замечают появление породистой сучки, но реагирует каждый

по-своему, но общий итог жалок – несколько облизываний и два-три зевка. Хозяйка уже собиралась уходить, но зацепилась авоськой за вёсельное крепление, там лежит, завернутый в пропитавшую кровь бумагу, большой саламат. Желая отцепиться, она дергает авоську, чем разрывает бумажный пакет, и из него вниз полетели несколько капель. Практически все собаки, повставали со своих мест, раздаётся отдельный лай. В этот момент музыка достигает своего апогея. Хозяйка дергает сильнее, тревожные аккорды замирают, и практически сразу, после небольшой, но пронзительной паузы, зал слышит треск рвущихся канатиков и из авоськи вылетает, довшенный в виде похода, шматик грамм в пятьдесят. Затеваётся сварка, только немногие остаются на своих местах или отходят в сторону, но один, самый ловкий, черно-белый, тот самый, что выбежал первый, захватил махом весь кусок и поспешил. Все стихло. Двое других дворняг двинулись было к нему, но в это время, шлепаясь об лодки и разбрызгивая во все стороны красными капками, полетел вниз и весь кусок мяса. Что тут началось. Мы видим, как из двери-окна рука еврея-булочника вышвыривает шарманку, а затем и самого шарманщика, затем вытряхивает весь его скарб из более ни менее нового мешка, а мешок оставляет себе. Немец-шарманщик, пытается спасти вещи, но налетают разъяренные псы и ему еле-еле удается, обороняясь клюкой, дойти до одной из перевернутых лодок и скрыться под ней невредимым, правда, конечно, без своего жалкого

скарба, который он видит, но достать не может. Здесь для усиления кульминационного эффекта раздается удар тарелки, а затем удар колокола, и хозяйка выбрасывает ненавистную авоську вниз, случайно выбрасывая и свою белую сучку. В тот же миг громогласный финальный аккорд снова повергает зал в состояние шока. Когда белая сука долетает до середины этой пирамиды из лодок, свет резко гаснет во всем театре, а затем тишину нарушает ее пронзительный визг и вопль. Вся гамма собачьих криков от повизгиваний и поскуливаний до клочущего рычания, переходящего в хрип, представлена ничего не видящему в темноте зрителю, струнная секция оркестра усиливает эффект, а стоны хозяйки, виртуозно исполненные самой актрисой, перекликаются «очумевшей флейтой». Через какое-то время слышится голос немца-шарманщика. Голос поет: «Красавица, я спасу твою собачку, несмотря на то, что ты дочь булочника!», а затем треск и грохот падающей пирамиды лодок, на которой стояла девушка, агонический вой нескольких собак, неразборчивые оры шарманщика и хозяйки...

Рассвет не был виден из-за туч. Но тучи убираются в поднебесную колосников, и светом контражурных софитов на заднике сцены вздымается золотомедным шаром, тяжелым, как скорбь матери по пропавшему на чужой войне сыну, вселенская ярь пробуждения. Включается и боковой, и нижний, и верхний свет. Под лучами тысячасвечных «юпитеров» снеговик на глазах у подошед-



шего к финалу почти полного зала, буквально, сгорает от обезвоживания, словно от ледника отколовшиеся айсберг раскромсан ледоколами тепла, что открывает ужасающее зрелище замерзшей насмерть актрисы в костюме русалки из совершенно другого спектакля, непонятным роком оказавшейся внутри снеговика. И правда эта была такой лютой и свирепой, что даже волки повыбежали из своих лесов посмотреть на нее.

РЕСТАВРАЦИЯ

Сентябрьским вечером, таким теплым и влажным, как слезы радости, за окнами какого-то японского автомобиля ехали две подруги. Обе актрисы Русского драматического театра. Елизавета Антоновна, помоложе, сидела слева от старшей подруги-водительницы, и рассказывала:

--И он тогда мне говорит: рубить будешь голову и всё, я говорю, не буду рубить, а он мне, - что за капризы, что вы, говорит, за актриса, если не можете петуху голову отрубить. А я, ты знаешь, я так взбесилась, думала, щас как вцеплюсь в него, но сдержалась, и подхожу к нему и так тихо, сквозь зубы, чтоб только он слышал, говорю: что это за режиссер, если из классики делает триллер.

--Не может быть, а он?! – спросила подруга, не отрывая внимания от проносящихся мимо авто, и то ли отраженное солнце, то ли еще что, в глазах ее сверкнули дальновидные недвусмысленные драгоценные украшения.

--Посмотрел зло, челюсть у него как-то даже дернулась, вышел и дверью хлопнул, и потом даже в мою сторону не смотрел, а в конце смены, представляешь, отводит меня, говорит, что хотел бы принести извинения, говорит, что я-таки права, там что-то не так, он все равно бы это отменил, но ему было нужно посмотреть, и смотрит на тебя, а глаза как у ребенка, что у Андрюши моего, ну как его не простить.

--Да ты б могла из него веревки вить. – Сказала равнодушно, вытягивая шею в поиске места для парковки. – Голубушка, я не могу тебя здесь высадить, до угла все забито.

--Что я не пройдусь?!

Они прижались щеками на прощанье и Елизавета Антоновна, эта молодая, привлекательная женщина, деликатно обошла машину вокруг и с заднего сидения взяла две тяжелые сумки. В те времена у театра были

трудные времена, у нее особенно. Шло восстановление старого спектакля, в который она вошла вторым составом случайно, выручая, так сказать, положение, на невыгодную маленькую, но ответственную роль Русалочки. Конечно, она в полной мере исполняла поставленные на нее художественные задачи. С маленькой сумочкой на плече и с двумя большими в руках она направлялась к своей парадной, от двери ее отделяло всего каких-нибудь семь-восемь окон. В обеденный перерыв они обычно ездили на Новый рынок и покупали всякой еды. На вид ей лет 27, хотя на самом деле 34, высокая и стройная, в облегающих брюках и в элегантной сиреневой блузке с деревянными пуговицами. Выходя из машины, она сразу заметила возле мусорного контейнера большой белый плафон, круглый, как полная луна. Она оглядела его своим хозяйственным взглядом и тут же примерила себе на кухню. На кухне он бы висел, как зимнее солнце, озаряя ровным белым светом ее скромные владения, он бы подошел к обоям и к холодильнику, и к газовой плите. Она, осмотрелась, и когда убедилась, что плафон ничей, подошла прощупать его, ни треснут ли, ни надщерблен ли. Плафон был цел, немного припудренный будто складской пылью, будто и не использовался никогда. Она переложила обе сумки в правую руку и взяла плафон в освободившуюся левую.

Не пройдя и десяти метров, она поймала на себе взгляд молодого человека. Он сидел на парапете подвальчика мобильных услуг, и, улавливая лучи неоновой вывески, что-то

писал в тетради на коленях. Возможно из-за близорукости, возможно из-за стыда, ей его взгляд показался ехидным и насмешливым, ей подумалось, что он видел, как она подцепила с мусорника этот плафон и теперь смеется над ней, ей даже представилось, что это именно он выбросил его и поджидал увидеть кто возьмет. Есть женщины, которых это никак бы не смутило, и у них дома на кухнях висели бы изящные белые плафоны, но Елизавета Антоновна была не из их числа, она смутилась так, что краска хлынула на ее добрые щеки. Внутри она затрепетала, но, как опытная актриса, не подала виду и сделала следующий шаг, отвернувшись от незнакомого и совсем ей чужого молодого человека. Только в этот момент она почувствовала тяжесть килограммов картошки, буряка, лука, брынзы и прочего, лежащего в ее сумках. Правая рука стала отекать и словно вытягиваться под грузом, волей-неволей разжимались ее пальцы. Чтобы удержать сумки, она стала перехватывать их невесомой левой рукой, и в этой неразберихе роняет плафон прямо на серый пыльный асфальт. Плафон разлетелся на бесконечное число осколков и походил уже на скорлупу вареного яйца гигантской курицы, брошенную на пол плацкартного вагона.

Молодой человек подбежал, как молния быстро с фотоаппаратом в руках и, не обращая внимания на Елизавету Антоновну, стал снимать это художественное чудо опавших белых лепестков, сверкая вспышкой в залог своей молниеносности. Елизавета Антонов-

на ополоумев от развернувшихся событий, делает несколько несуразных движений, от которых у нее сводит дыхание и сковывает все члены, она не выдерживает неожиданной, внезапной слабости, оступается и падает грудью вперед. Миг! в руках сумки и она больно бьется головой об асфальт и теряет сознание.

Ей казалось, что она теряет сознание, так как было совсем не больно от довольно сильного удара. Но в последний момент она замечает, как из ее упавших сумок выкатывается картошка, яблоки и все ее базарное, что могло катиться, и медленно, подсакивая на кочках и ямках неровного тротуара, замирая на долгие секунды в полете, сбегает вниз по улице Жуковского. А ее собственная голова громадной капустной кочерыжкой катится среди этого всего парада. От падения шея - пополам, и голова под тяжестью центробежных сил поскакала вприпрыжку, ударяясь то копной крашенных волос, то лбом, то носом. Освоившись с полквартала, она начинает уже самостоятельно скакать на остатках шеи и, как дядька Черномор, предводительствовать всему движению. Ей удается даже обманным сальто испугать растерявшегося ротвейлера; и он и хозяин его только рты разинули, а овощи-фрукты целы. Докатившись до улицы Пушкинской, не останавливаясь перед бесконечным потоком машин, этот натюрморт пересекает мостовую без единой потери. Сама ловко юркает под днищами проезжающих автомобилей, в последние секунды успевая вынырнуть из-под колес. Пересекая проезжую часть, как качка с

утятами, Елизавета Антоновна не выпускает из виду ни одной горошины. Затем они дисциплинированно повернули налево по тротуару, и врассыпную покатались по направлению к бульвару, а у гостиницы "Красная" остановились перевести дух. И тут к ней подкатывает одна здоровенная картофелина и говорит: «мы играем фальшиво, зато поем не в ритм, филармония валит откат». Голова Елизаветы Антоновны в отчаянии забывается легким бредом и перед помутневшим взором появляется будто экран телевизора и там крупным планом ухо с телефонной трубкой, рука и спинка кресла, и крик в трубку: "Всё сжечь! Устроить пожар и всё сжечь, а потом сказать, что всё сгорело! Нет, нас не подслушивают, сукин сын!"; а потом вроде как обрывок газеты с заголовком: "В результате пожара угорели две сторожевые собаки"; а потом уже будто она Первого сентября сидит в актовом зале школы, а ее сын читает со сцены какие-то неприличные стишки, а завуч говорит: «Пожар! Пожар! Уши горят!» и весь зал разбегается, а сын ее один на сцене остается, и тут это уже не ее сын, а котенок полосатый, зелененький с буковкой «М» на лбу, но он говорит ей, как ее сын, а со словами у него изо рта вылетают рыбки и разлетаются по залу, он даже будто напевает: «Мама, мамочка, плыви!», и одна рыбехина долетает до нее и, - хлясть по щекам...

В одну секунду мощнейшим вихрем, вертолетным рамбле вскочила Елизавета Антоновна в беспощадную реальность, но обрадовалась этому. Молодой человек взвол-

нованно тянулся руками и помогал встать. Она ладонью несколько раз зло оттолкнула его в шею, в грудь, и в плечо. Очнувшись после такого фантастического путешествия, Елизавета Антоновна подняла свои веки и увидела уже успевших собраться нескольких прохожих. Молодой человек все-таки помог ей подняться, обхватив ее под мышки. При падении молодая пышная грудь выскочила из бюстгальтера под блузкой, одним одергиванием она освободила руки молодого человека и поправила ее, в чем была очаровательна.

Она заговорила более чем резко:

--Хам! Хам! Лучше бы сразу его в контейнер бросили! Еще и фотографирует! Хам! Хам!

Видимо, чтоб отвлечься, а может, ей тяжело было сразу встать и, чтобы занять себя, Елизавета Антоновна начинает собирать осколки. Молодой человек опер сумки о дерево и они оба на корточках собрали все стекла на четыре руки, и так и держа их согнутыми в локтях руками на уровне груди, они проходят рядом эти несколько метров до баков. Они идут медленно и почти синхронно. Молодой человек говорит:

--Я вас не фотографировал, у меня даже фотоаппарата нет.

Они останавливаются и разворачиваются друг к другу лицом, руки их на опасном расстоянии, и можно по одним только их жестам видеть со стороны, что она с удовольствием раскромсала бы ему лицо, а он тянется обнять ее.

Тут она резко меняется.

--Смотришь так, будто только что голову потерял, дружок.

Они выбросили всё, и она говорит ему, чтоб ждал, а сама тут же зашла в магазин и купила бутылку Каберне. Она сказала: «погоди здесь», и без недоверия перешла на другую сторону улицы в магазин, оставив его с сумками. Попросила его донести и пригласила к себе, он согласился. Познакомила с мужем Володей и сыном Андрюшей, предложила выпить втроем за ее переживания. Муж сказал, что она беременная и что ей нельзя, но чуть-чуть можно, Андрюша сказал, что мама третьим его имела в виду, и отец налил в четвертый фужер столько же, сколько жене в третий бокал. Она выпила с полглотка, усмехнулась и рассказала, что видела без сознания, рассказала и про режиссера, говорит, у них злые языки как всегда представят всё не так, как есть. Дальше разболтались, она хохотала и даже спела под конец несколько романсов. Уже пройдя пол дороги к себе молодой человек вспомнил, что забыл там свой дневник. Подумал, ничего, будет повод зайти, неплохая вроде семья.

Ел. Ант. наткнулась на блокнот и прочла с первой страницы всё. Дочитав рукописи, сняла серьги, наслюнила мочки ушей и улеглась.

Молодой человек пришел домой и переоделся во все белое.

Молодой человек пришел домой и переоделся во все белое.



ПОЕЗДКА ЗА ГОРОД

Золотой зал музея. Выставка. Голова из фруктов, голова из овощей. Золоченая арфа с многометровым хвостом черных волос, а место струн занимают маты мяса. Далее какой-то псевдоинтеллектуальный эротизм, с трудностью метаний между извращением и классицизмом. И вот, ваш взгляд прикован к полотну, от которого веет невероятным теплом и уютom, которое поистине отвлекает вас от страстей и забот о хлебе насущном, и поглощает все ваше внимание. На этой незамысловатой картине изображен знакомый нам молодой человек, полуголый, встающий с незаправленного дивана, с выражением изумления на лице от прихода своего, как видно, друга. Друг приходит к нему майским солнечным утором в стоптанных ботинках и в руках с табличкой достаточно

большого размера, приблизительно сантиметров тридцать на полтора метра. На ней аккуратным плакатным шрифтом выведено: ВЕЛОСИПЕД. Молодой человек одевается, они с другом выходят, садятся на пятнадцатый трамвай. И едут по книжной Слободке с булыжником, проступающим из-под прохуdivшегося асфальтишка; местами тротуар еще сложен из дикаря до февраля и октября. На коньках здесь ни ездят. Это по-своему прекрасный район! Одно-двухэтажные мещанские домики и тишина, пыль и тишина, тюль и цветы. Она спит со времен революций, нэп - последний поворот на другой бок, вздох, зев и забытье. Здесь встретишь резной карниз или дубовые ворота в сто слоёв краски, в трещинах и буграх, в солнце, в загибах, как носки восточного человека, висящие на петлях, сделанных руками кузнеца. Здесь еще встретишь, что уже редко где встретишь, здесь еще искренне набожного человека встретишь. Слободка растресканная, Слободка с шиком, Слободка расхрыстанная лезет на вас из каждой щелочки фигурной кладки кирпича, из каждой подворотни, где притаился ржавый остов послевоенного «Москвича» или «Победы», из каждой цыганки, из каждого молдаванина. Казалось, она висит, и висит в истории.

Где-то там они сходят, и его друг Саша Маленко руками и жестами танцует и указывает ему на висящие тут и там поперек улиц транспаранты: “Всеm по велосипеду”, “Каждому свой”, “Маме, сестре, брату и папе” и т. п... Надписи ненавязчивые и вписываются в

общий пейзаж, не нарушая тишины и покоя полуденной Слободки. Текст на них кажется странным молодому человеку, но Саша ликует и говорит: «да все будет охуена».

Дойдя до слободского кладбища, они решают срезать угол и проходят внутрь под кирпичной аркой ворот. Там у них завязывается спор на тему, где похоронен Бенья Крик. Саша утверждает, что здесь, а молодой человек, сомневаясь, говорит, что скорее всего тело его на уже исчезнувшем Первом еврейском кладбище, что напротив Второго Православного, которое собственно и описывает Бабель. Спор заходит так далеко, что Саша даже толкает молодого человека и тот, цепляясь за ограду, рвет синюю нейлоновую куртку треугольной бархатистой дырой. Продолжая свое неуклонное продвижения вперед к цели, они долго ругаются в разных выражениях, пока не замечают в конце аллеи белое полотно между двух деревьев. Подходя ближе, они читают буквы уже знакомого типографского шрифта: “Бенцион Крик лежит на Ваганьковском кладбище в Москве”. Тут они еще больше раскудакчиваются. Абсурд, что Бенья лежит в Москве. Молодой человек забывает о куртке, Саша убеждает его, что Бенья Крик - миф. На выходе с кладбища они натываются на очередную белую ткань: “Бенья хоронится в Париже, Сен-Женевьев де Пре Цвынтарь”. Тут Саша воеет, а молодой человек вне себя защищается: «Не может быть... После Гоголя Бабель лучший в мире, и кому-кому, а ни ему бздеть, Бенья - сорок сюжетов, Бенья бывают, но редки, как

знаки царствия человеческого, он - король и это - правда, бляха-муха...» Таким образом, нарушается пунктуация дискурса, и сегмент приоткрывает поле анализа.

И они идут дальше улицами, ведущими на пустырь. И через пустырь попадают, наконец, на городскую свалку, где их встречает новый плакат: “Не бойтесь чаек, бойтесь пропустить”. Чаек там, правда, море, столько и у моря не увидеть. Но они сами боятся людей и взлетают от них большими группами, и летят силуэтами дырявых рыбацких сетей. Друзья продвигаются вглубь свалки, и чайки послушно освобождают им дорогу. Где-то далеко лают и завывают бездомные собаки, сливаясь с чайками в общий хор.

Желание добыть велосипед, настойчиво подогреваемое текстами транспарантов, переходит в иступление от вида разворачивающейся картины. Кажется, здесь есть все, кроме велосипедов. Они натываются несколько раз на механические останки, но, к сожалению, не велосипедные. Покойно лежащий мусор, кое-где перебираемый легким ветром, поглощает их внимание полностью. Они даже перестают замечать тухлую жирную вонь, буквально висящую в воздухе этого царства мертвого. Возвышающиеся в метрах трехстах по левую руку элеваторы цементного завода, никак не привлекают их своей индустриальной выразительностью. Они ищут велосипед, уже хотя бы один на двоих.

Свалка похожа на огромный луг, замусоренный, что ни былинки не видать. Кое-

где попадаются огромные ямы, что-то вроде котлованов, с местами пологими, а местами обрывистыми краями. Сам по себе мусор, не смотря на пестроту отдельных мелких частей, выглядит достаточно однородно. Такая серо-коричневая перловая каша с морковкой и зеленью кое-где. Будь это не мусор, а, например, шерсть, - от свитера глаз бы не отводить. Саша не теряет надежды и подбадривает молодого человека, а молодой человек, вытирая пот со лба, ноет. Вдруг справа, из одной из таких ям, пугая их до остолбенения, выскакивает мужчина одетый, не смотря на жару, в длинное черное грязное и оборванное пальто и такую же шапку-ушанку. В руках у него огромная фанера с текстом: "Мусор всегда такой разный. Мусор всегда такой одинаковый. Это признак благородства". Они бросаются наутек, но с противоположной стороны на них уже несется точно такой же человек с плакатом: "Мусор - это красиво! Берегите мусор!". От страха молодой человек хватается Сашу за руку и они бегут через очередной котлован, спотыкаясь и падая, увязая при этом по локоть в грязи, в остатках еды, в стеклах. В одно из падений молодой человек угадывает рукой прямо в черный, просящий каши, ботинок. Он не может высвободиться и поднимает руку вместе с ботинком. В этот момент раздается щелчок, от ботинка далеко вперед натягиваются две мощные резинки и они вмиг переносят ребят на несколько сот метров, почти к самому забору. Цепляясь друг за друга, запускаясь над свалкой, они летят как сиамские

близнецы и мягко приземляются на лоснящийся продавленный диван с несколькими торчащими пружинами и кусками горелой ваты. От него пахнет кошачьей мочой. Целы. Приходя в себя, они поднимаются и отряхиваются. Прямо перед ними одиноко лежат два новеньких спортивных велосипеда, абсолютно одинаковые даже по цвету. Из названия следует, что заграничные. Не веря своим глазам и не скрывая радости и даже некоторого счастья, они хлопают друг друга ладонями и обниматься. Саша сходится юлой от гордости и между ними происходит следующий разговор:

--Ну что?! Видишь, видишь, вот видишь! Фома Неверующий, тетеря!

--Та ладна тебе, ты утром пришел с этой табличкой, я подумал у тебя не все дома.

В этот момент через всю свалку с противоположной стороны начинает катиться ветер. Вначале это простой далекий хлопок и от земли отрывается одинокий прозрачный пакет. Затем ветер поднимает в воздух десятки, сотни, а может быть и тысячи полиэтиленовых кульков, и несет их прямо на них.

--Тикаем отсюда.

Саша вскакивает на бетонный забор и принимает велосипеды. Как только он опускает за колесо первый велосипед по ту сторону забора, черная низкая туча наезжает на солнце и закрывает его. Резко темнеет и день уже походит на сумерки. Молодой человек быстро передает Саше второй велосипед, а сам буквально перелетает через забор. Они упираются спинами и смотрят, как над ними

проносится бесконечный целлофановый поток. Кульки хрустят и переливаются всеми оттенками серого, будто лед, выброшенный на берег Антарктиды волной цунами, и застревают сучьями палисадника, вилами роци.

Прямо через дорогу располагается большой участок сада. Разобрать род деревьев невозможно, так как и стволы, и ветки увешаны кулками. Ветер проходит, и очередные кулки застревают в этих граблях. Это продолжается секунд около десяти-тридцати, а ветер далеко еще носит серое облако. Минутная паника удаляется, словно рукой отца, успевающей выхватить своих чад из бурного потока. Ребята не скрывают восторга. Столько достоинства, сколько прелести в их железных друзьях. Новых друзьях. Находка выглядит случайной, но заслуженной. Они замолкают, все слова сказаны, мысли уходят, оставляя в голове лишь гордые фантазии.

Из-за угла выворачивает автобус «Усатово – Одесса», они тормозят его и вскакивают в заднюю дверь с великами под мышкой. Двери закрываются и молодой человек видит, что автобус полон людей и каждый в невероятных изворотливостях держит по такому же велосипеду.

ГОРОД КУЛЬКОВ

Вадик и Владик в один из солнечных субботних дней выбрались на велосипедную прогулку, благо удалось раздобыть велосипеды и погода была самая подходящая,

чтобы вспомнить подростковые свои целодневные бесцельные катания. Но на этот раз они решили не ехать ни в парк Шевченка, ни на 16-ю станцию Большого фонтана, а прокатиться совсем, как говорится, куда глаза глядят, куда-нибудь за город. Они долго колесили, выбирая самые незнакомые места, так что оказались на окраине у городской свалки. Из-за забора доносились непривлекательные ароматы, и они крутили педали, как можно быстрее, как вдруг Вадик окликнул: «стой!», Владик тотчас остановился, не преминув зажать пальцами нос. По другую сторону от дороги открывался бесконечно огромный, невиданный, совершенно безлистный полиэтиленовый сад, химическо-волшебный, словно из какого-то японского мультфильма. В глубь его уходила аккуратная дорожка, сбитая из дощечек, она заманчиво терялась за поворотами непроглядной чащи и была достаточно широка, чтобы ехать по ней вдвоем. Они переглянулись и медленно вкатились на деревянную тропинку. Доски ласково поскрипывали под колесами, солнце подсвечивало полупрозрачный целлофан, и деревья сияли, как застывшие солевые кристаллы. Они ехали медленно, как только возможно.

Нужно сказать несколько слов о том фантастическом месте, в котором они оказались. Это было необыкновенное место, и по всей своей безупречности могло спорить с каким угодно произведением архитектурного искусства. И переспорило бы, потому как, видать, что человеком сработано, а вид

такой, словно и духу человеческого там не было. Безлюдность. Даже в воздухе, даже в ветре, как в центре пустыни или в открытом море, только небо казалось, несло признаки жизни. Все деревья словно нарочно кем-то окутаны многослойной рваной полимерной массой, но аккуратно, как если бы это делали усердные мастера. Ни один зеленый листик не нарушал этого стройного серо-голубого монумента, только лишь непокрытые стволы и кое-где вырывавшиеся наружу тонкие ветки указывали на органику начала этого «явления природы». Его можно бы сравнить, ну, с замком Снежной королевы, только без самой королевы, - замком, появившимся от удара об лед ее волшебным посохом. Но все-таки там росла живая, радующая глаз и сердце зеленая трава, летали птицы. И было в этом нечто, в самом пространстве, наивыразительнейшим образом городское: быстрое, сжимающее, координатно-направленное, невидимыми силами связанное и удерживаемое; ветер, как опытный музыкант, вытягивал из полиэтилена этих не очень высоких двухэтажных деревьев такие магистрали и небоскребы, что рощица эта припоминала скорее междудворовую посадку. Место это казалось настолько безлюдным и безжизненным, что Вадик и Владик там ощущали себя единственными людьми за последние сто, двести, триста лет, а, может быть, и всегда. Но это только миг; на лицо ухоженная дощатая дорожка, а под деревьями сплошным ковром трава, будто бы и подстриженная, такая ровная и аккуратная. На траве не ле-

жало ни одного кулька, и вообще никакого другого мусора, даже окурка ни одного. Необыкновенный, удивительный... изумительный контраст искусственного и естественного: человека, близкого, родного, здесь только что... и уже пустоты, будто и не являлся никто, разве пролетал высоко в небе или пробирался глубоко под землей.

“Кто мог устроить за городом, возле свалки такую то ли красоту, то ли чисто эстетское убожество, - спорили они, - лаборатория или кино собрались снимать? Гротеск? Ну нет же, никаких людей здесь не было! Не инопланетян же этот Город Кульков”, - так они назвали этот сад. - “В самом деле, все знают, что во Франции выпал дождь из лягушек, но никто не знает, что под Одессой есть Город Кульков!”

И Вадик достал сигарету и спички, собираясь закурить, но Владик перебил его:

--Слушай, Вадик, я недавно нашел в кладовке свою доску, помнишь, белую широкую.

--Конечно, мы на ней лежа катались.

--Да-да, вот та здоровенная. Так вот вспомнил, а много лет и не вспоминал даже, история и не секретная, но я о ней никогда никому не рассказывал, и теперь не знаю, как начать...

--Говори, говори и расскажется.

--Короче, я эту доску украл. Украл у одного пацана. Ну как, мне было тогда лет четырнадцать, а ему лет девять-десять, ну мальчик. Даже имени его не помню, а вот как было, вспомнил четко. Я до этого ездил на «Вираже», красный такой, овальный с ро-

зой ветров, помнишь, ездил на нем где только можно целыми днями...

--Типа мы с тобой не ездили кататься в «парк Шевченка»?!

--Ну да. Вот. И тут как-то замечаю на Ленина пацанов, несколько бегут, а один на этой доске. Я просто пришел вне себя от одного ее вида, широченная, я такую до этого только по телевизору видел. И я знакомлюсь с пацанами, говорю, блин, какая доска, можно посмотреть? Смотрю, а у нее передок сантиметров десять до самой подвески отломан уже и висит на какой-то несуразной алюминиевой, типа пластинке. У меня аж екнуло, будто сам порезался, да ещё и колесо одно слетело с подшипника и застряло, а он так и ездит. Сел жопой и ногой отталкивается. А там внизу наклейка, доска блестит, ну а главное - размер. Я сразу прикидываю, что даже если отпилить этот отломанный кусок и просто перенести подвеску, то все равно, она будет вообще! А он, знаешь, такой, еврейский мальчик, и одет круто, и жвачка, и из таких вялых; ему эта доска ну ни в пять, ни в десять, сразу видно, чисто понты. Я говорю, чувак, давай меняться, что хочешь дам. А я на тот момент уже не собирал вкладыши, но у меня еще осталась целая куча, несколько целых серий, штук 200-300. А он как бы меняться не против, и из разговора как бы понимаю, что он вообще скоро уезжает в Израиль, но носом ворочает. Я с ним дошел до его дома на Пушкинской и никакого результата, а у меня аж скулы сводит, как я ее хочу, эту доску, и я уже как бы сразу уверен, что она

моя, ну правильно, ему она не нужна, а мне, ой как нужна. Я договариваюсь с ним через пятнадцать минут, лечу домой, приношу ему все вкладыши, машинки, что-то там еще, в общем, кучу. А он все смотрит и улыбается, и только так лениво в разные стороны вертится и пальчиком штукатурку колупает, и говорит, что он должен спросить у бабушки, а папа приедет через неделю и т. д. Я ему предлагаю деньги, не много, ну может быть рублей двадцать, для меня это были огромные деньги, но все таки ради такой вещи, подумал, что выпрошу хоть сколько у мамы, ну там бутылки сдам, как-нибудь, в общем, собираю, ну и плюс вкладыши. А он называет какие-то суммы, за сколько его ему купили в Америке и что он стоит не меньше... ну я не помню там всех цифр, но называет сумасшедшую цифру. Ну потом говорит, что, мол если все вкладыши, и машинки, и деньги, и мой «вираж» в придачу, то типа он спросит у мамы и может быть поменяет мне его. Ну это было сильно круто, там было столько всего, сколько я играл, выменивал, что-то покупал, чтоб все это собрать, а сколько мне придется сделать, чтоб собрать деньги, и за что, собственно, за кусок доски, поломанной, она была хорошо не новая, и колеса особенно передние поистерлись, и всё-таки у меня был мой почти новый «вираж», я предлагал отдать ему «вираж», плюс вкладыши и машинки, он не соглашается и говорит, зачем ему моя доска, если он скоро уезжает, а эту тем более он обещал оставить брату... Я ушел взвинченный, просто кулаки сжимал. А на

следующий день вечером подождал, чтоб никого, пришел к нему на веранду, а он, представь отношение, бросал его так за какой-то ящик на общем таком крыльце открытом, я вытащил его, в куртку и дёру. Потом чуть переделал, перекрасил, наждачку наклеил, а всем говорил, что мне его кто-то подарил.

Молча. Вадик всё ёще не закурил, а идет с незажженной сигаретой в руке.

--Ты о доске вспомнил, потому что теперь велосипед украл?

--Как украл?!

--Тебе никто же не сказал, - бери.

--Оказия была, я и взял, ведь ничей. Украсть, теперь никогда не украл бы, а вот так, взял и взял.

Деревянная тропинка обрывалась на солнечной, воздушной поляне с небольшой даже заводью вдалеке. Все сияло зеленью и слепило своей чистотой и расположительностью. Вадик уступил место Владиду, потому что тропинка сужалась, и они уже могли ехать только друг за другом. И ребята покатали к воде. То ли озеро, то ли ставок, не очень большой, но достаточно большой. С правого краю бесполезно висел деревянный мосток над сухой, потрескавшейся глиной и кидал тень на желтый камыш, ожидая паводков. Отложили велосипеды к дереву и уселись в сочную траву, смотреть на воду. Вадик спросил:

--Послушай, а помнишь в школе, был такой момент, когда единственным сношением с девочками – это было проводить их домой и портфель поднести? И всегда ходили по

несколько девчонок и несколько пацанов, кому по дороге, а кому и совсем не по дороге, только вдвоем было не принято.

--Да, было дело.

--Почему-то и стыдно и гордо. Стыдно, сам не помню почему, перед пацанами что ли, что портфель девчонке носишь, начнут обзывать, шутить, а девки начнут сплетничать, хоть и тем и другим этого больше всего хочется. А гордо, тоже сам не знаю..., когда она дает портфель тебе в руки, значит, согласна, чтоб ты ее провожал, значит, она уже как бы твоя, сразу все меняется и в тебе и вокруг тебя. Что это за безвременное заблуждение водит человека за нос, уж не стыд ли всему виной?

Вадик бросил камень в воду, и круги взволновали гладь, Владик продолжал:

-- Князь Мышкин бесстыден, но чист, а если кто не чист и не придавлен стыдом, тот нагл обычно. А как сразу гордо, ведь ни какой-нибудь Сорочинской портфель несущей Орловой.

--Тебе нравилась Орлова!?

--А что, тебе не нравилась.

--Нет. Она всем нравилась, но мне почему-то она не нравилась.

--А кто тебе нравился?

--Ну...мне нравилась Голубева.

--Не-ет. Мне нравилась Орлова. Слушай, я вот смотрю на воду и хочу искупаться.

--Не зная броду, не лезь в воду.

--Да ладно, здесь чистенько и труб никаких вроде.

--Не-а, мне что-то не очень.

А Владик сразу разделся и полез в воду. Дно было илистым и вода в озере была непрозрачной, мутной. Он осторожно зашел по пояс и лягушонком тихо отплыл на середину. Там он развернулся и стал кричать Вадику:

--Водичка просто кальф, не будь дураком!

Он начал смеяться, галдеть, крутиться и хлопать руками, – резвиться, как человек с севера на юге.

--Ты что лягушек испугался, как маленький себя ведешь.

Вадик смотрел на веселую живую точку, создающую так много шума, улыбался и отвечал:

--Сам ты как маленький... - но осекся, от резкого выкрика в горле у него что-то запнулось, и голос сорвался на фальцет. Вадик хотел исправить неприятный эффект и поддал хрипотцы, но вместо этого голос его совсем не послушался, и конец фразы прозвучал вообще в детских нотках:

--В этой воде может быть что угодно...

Вадик сделал вид, что закашлялся, потому что у него и вправду запершило в горле и так, кашля, поплелся в высокую траву в тень молодой березы. Он сел с головой укрытый стройными стеблями, оперевшись спиной о тонкий ствол. Стрекоза зависла в воздухе перед его носом, что только руку протяни, но он не шевелился, упоенный загородной негой, вдыхая запах, запахи, различая муравьишек между муравьей, отдаваясь небу, как морю, а редким легким облакам, как попутной волне. Доброе солнце грело ветерок и

пело песню о рубашке, сшитой для нищего из нитки мировой, что сохнет белоснежная на веревке, протянутой через весь двор.

Нагло сердце его заметалось, в ушах запищали скрипочки, и будто бы легкий всполох прошелся по высокой траве, а вдали послышался не то хлопок, не то гудок. Словно коварное предчувствие всколыхнуло его грудь. Все началось с удивления, не дававшего ему покоя с самого начала, как они въехали на поляну, - «не может быть, чтобы здесь не было ни одного человека, а что если сейчас сюда завалиться компания местных...». Воображение живо рисовало задиранья, придирки, драку или, еще хуже, розочку разбитой бутылки и в самом конце у него перед глазами возник топор в руках детины с бешеными глазами и кадры криминальной хроники, где милиция по разбросанным останкам устанавливает личность. Все члены его сковала паника, сердце застучало еще сильнее, во что бы то ни стало, захотелось немедленно покинуть это место, он потянулся встать, но понял, что это всего лишь минутное навяждение. Приступ страха отпустил его, и он вздохнул и поднял брови, дивясь сам себе. В это время в нескольких метрах послышался шелест шагов и перед ним появился мальчик лет одиннадцати-двенадцати в синих плавках с мокрыми волосами. Мальчик смотрел пораженным и поражающим взглядом. Вадик снова затрепетал, казалось, сердце его сейчас выскочит и накинется на этого мальчонку, такой снова он почувствовал нервный трепет в каждой жилке и со страху выкрикнул:

--Чё смотришь, - но голос его снова не послушался, и он снова дал петуха. Вадик почувствовал прилив краски на лице, что испугался какого-то мальчишку, да еще и не крикнул, а крякнул так по-дурацки. Но мальчуган вдруг улыбнулся ему и говорит:

--Ой, Вадька, Вадька, это же ты, смотри, смотри, что с тобой!

В одну секунду Вадик узнал в напугавшем его мальчонке своего школьного друга Владика, только сбросившего враз с десяток лет.

--Ты тоже маленький! Господи, какой же ты маленький!

--Что это, это невероятно, это невозможно, вот это да, маленькие!?

--Мы маленькие и, по-моему, мы в четвертом классе!

Вадик и Владик остановились, смотрели друг на друга, смеялись, хлопали по плечам и хохотали.

--Вот это да! Вот мы теперь заучимся, да мы теперь отличниками по всем предметам будем!

--Вот мы теперь всем девчонкам проходу не дадим!

Новоиспеченные мальчишки ликовали от такого превращения, не верили глазам своим, но это была чистая правда. Они сбросили половину возраста, и им было по одиннадцать, а вместе с ними и их одежда заменилась на школьные форменные костюмчики. У Владика в кармане синего пиджака оказалась пачка вкладышей, тех самых, он вспомнил, и та самая коллекционная моделька "Чайки" без

передней дверцы. А у Вадика была коричневая форма, а в кармане - столовская булочка с сахаром, совсем свежая. К тому же сигарета, так и не закуренная и брошенная им в траву, никуда не исчезла. Они рассмотрели вкладыши, удивляясь, как они могли предавать такое значение этим бумажкам, съели булку и снова искупались, теперь уже вдвоем. Потом они поехали наперегонки уже с двойным усердием, велосипеды их не уменьшились и ноги едва доставали до педалей.

Не было в этой их вторичной мальчужности и ни одной взрослой мысли. Они трезво осознавали, что с ними произошло и, боясь, что это может вот-вот прекратиться, радовались своему приюнению, что называется, на полную катушку. Ясно, что о таком мечтают все, но на их памяти такого еще ни с кем не происходило, поэтому они были особенно счастливы. Они поклялись друг другу верной клятвой, чтоб об этом никогда никому не рассказывать. И пока было позволено, они соревновались друг с другом в чем только можно: кто быстрее оденется; на руках; сломали ветки и на мечях... Давно они не чувствовали такого азарта, да и чем им, студентам-третьекурсникам было соревноваться, - кто быстрее напишет курсовик, что ли? Теперь они смотрели на свои безволосые письки и катались от смеха, держась за животы.

Наигравшись вдоволь, они расселись в тени кустов и закурили сигаретку. Вадик закашлялся, будто первый раз, а Владик лег на траву и сказал:

--А помнишь, как мы ездили специально на 411-ю батарею, залазили на бронепоезд, чтоб незаметно покурить первые сигареты. Я плыву сейчас, как тогда от «ТУ-134». Жизнь моя, иль ты приснилась мне!?

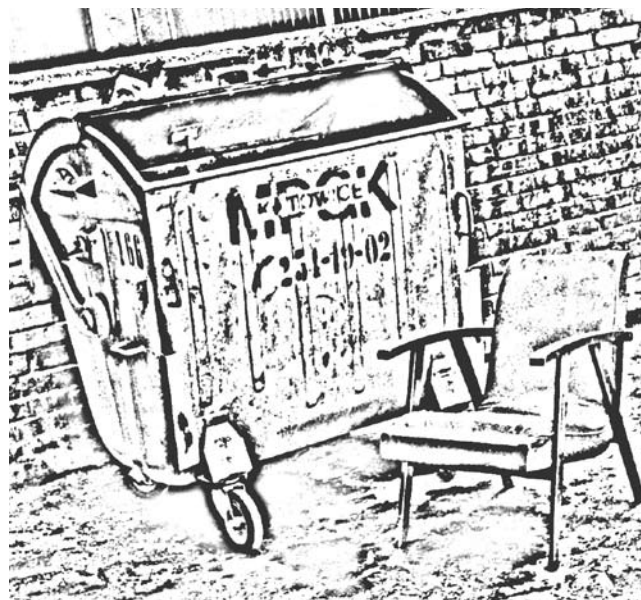
--Я тоже. Как маленькому мало надо!

-- Когда я первый раз сам купался, - продолжал Владик, - решил измерить глубину, но там оказалось слишком глубоко и, чем ниже я опускался, тем становилось холодней и закладывало уши, и еще становилось страшно, что не хватит воздуха, чтоб добраться до поверхности, и вдруг уже на пределе, я подумал, что если какой-нибудь трехсоткилограммовый сом теперь схватит меня за ногу, то у меня будет разрыв сердца. И так страшно стало, будто и вправду кто схватил, и я как ужаленный выскочил на берег.

Они решили ехать назад. Владик не хотел уезжать и уговаривал Вадика еще хоть немного побыть детьми, ведь неизвестно, повторится ли это с ними еще раз. А Вадик утверждал, что, скорее всего, эта дорожка работает всегда, они точно запомнят, где она и смогут приезжать сюда, когда захотят, благо у них теперь есть велосипеды. Город Кульков блестел алмазной точкой на пригорке в лучах уходящего солнца.

Когда они выехали на трассу, с которой начинали свой путь, они, вопреки своим ожиданиям, не стали взрослыми. Они вернулись назад к ставку и назад на трассу и так несколько раз до белого каления, но не вернулись в свой прежний возраст. Делать было нечего, и уже затемно Вадик и Владик доб-

рались по домам в свой 1988 год, и никто ничего не заметил. Только мамы выругали их за то, что целый день не были дома и ничего не ели, да еще папа Владика спросил, откуда у него новый велосипед.



МЕХОВОЕ ФУТУРО (ДИПТИХ)

1-й ворот

Темнота не была темнотой, не было глаза, чтоб ей слепить. Тишина ли, когда нет ни одной чашечки уха зачерпнуть ее? И когда Бог открыл Свою клетку и заплаканные звезды выпорхнули, как истосковавшиеся по небу птицы, всеобщее сияние и пение не знало разницы между «что» и «как», зло и добро шли своими дорогами и не встречались. Небо было твердью, крепче камня, и

грудь его несла молоко ароматными потоками, каждый мог насладиться вкусом его и насытиться им.

Долго Земля, любимица Бога, нежилась на раменах Его, льнула к щекам, пока не выпустил ее пушистым зверьком на радость Солнцу ему в окружение. И планета вскочила на задних лапках, втянула в ноздри запах солнечных просторов и задремала, свернувшись клубком, посреди ярких белых звезд, рассыпавшихся сладкими зернами по миске Вселенной.

И никто на Земле не знал холода и голода. Ни птица, ни зверь, ни рыба, ни человек. Звонкой песней несся день, и ночь убаюкивала своими небесными картинами. Иногда лишь печальные лебеди простонают в вышине или тоскливые орлы распустят свои острые крылья. И тогда, словно сыплю на щеках младенца, покрываются берега рек землянками одних, другие же ходят по белу свету, не зная родного места. И копь падает человек подкошенный жизнью в родной земле, как семечко пускает он корни, и поднимается ввысь на живодейной столбоносной жерди, и раскачивается на стволе таком с ветром за одно; а упадет в чужую - высыхает в крупинку соли, тогда прибегает волчица и слизывает, чтоб потом поведать Луне-матери о детях ее.

2-й ворот

В марте днем сидя у дома, большого гиганта в четыре этажа, Времирей не мог вскопить. Минута ждала его, и все остановилось.

Он закурил, остановившись сидя. Он курил и смотрел как миг за мигом все стоит, только дым всегда другой; смущенный ли, злой ли, огонек сигареты краснеет перед носом Времирея, как маяк, подавая сигналы его губам пристать к фильтру. И птицы летят, словно в ритм всеобщему замиранию. Он сделал запись в звукокниге голосом жаждущего в пустыне: "прошла одна секунда". И вот ведром - звук. Прекрасный звук, острый как нож, прохладный, как Снежной королевы голос, был ледяным с надтрещиной. Трезвость. И жизнь. Апрель, как осень - нектар лучше дурмана...

В нескольких шагах молодая женщина, только-только распустившийся цветок, в траурном плащике на фоне чистого снега, застегнутая на одну только верхнюю пуговицу, что видно белую же блузу и живот, уронила что-то. Темный низ а под сапожками на асфальте черном, потому что с дорожек убрали снег, - картонный фиолетовый пакет и что-то черно-красное течет из него. Внутри все погубло. В глазах, в волшебных зеленых глазах мгновенной влагой подернулся ужас. Не отрываясь, моляще, она удерживалась за его взгляд, но качнулась и, вскинув помутневшие очи, потеряла сознание. И была она невинней младенца, открытая всему миру душой молодая девушка, ясная, как мудрая птица, что не бывает хищной. Пока звукокнига выпадала из рук у парашюта, а он молнией успевал подхватить ее голову у самой твердой земли, самые необыкновенные чувствования и самые романтические меч-

ты взнежили сердце Времирея. Он один у ее головы и больше всего на свете Времирею хочется поцеловать красавицу, но достаточно нежного касания ладонью руки и затем щеки, глаза уже открылись, и встрепенулось тело в руках его.

Она говорит ему твердо:

--Как вам не стыдно было меня фотографировать, что вам от меня нужно?!

Стаи, стаи мыслей Времирея.

--Нет, это всего лишь книгофон, - и он поднял его из снега.

Но злая девочка нахально ухмыльнулась и тут же резко подобрела.

--Книгофон со вспышкой... Впрочем, да, почему нельзя, делайте, что хотите. Я вижу, что вы добрый, вы не злой и не станете обижаться, я учусь на театральном и репетировала этюд обморока, целый день думала о ком-то и тут вы, бухнулась и вы поверили, но это все подстроено и бутылки для правдоподобия, это очень действует, я нарочно подложила.

Он подал ей гляцевый фиолетовый пакет и тот тут же со вздохом был опущен в зеленый мусорный бак. У второго такого бака стоял с клюкой старый человек с вязанками картонок. Шинелька его и волосы были цвета росы на листьях осени, к спине приделана коробайка, а клюкой ворошит мирское чьих-то будней, чтоб не руками.

Девушка снова покачнулась, но Времирей уже тут как тут.

--Хорошо, что неправда, и для меня как раз так, хорошо вышло. Вы меня обудили.

Позвольте помочь, все-таки на вас лица нет, а я не фотограф.

--Тише, умоляю, что вы несете, нас могут услышать. У вас добрые глаза и я позволю вам помочь мне. По мне будто тысяча крыс пробежались и сбили с ног, это крысы все время, расшаркиваются, двашаркиваются, тришаркиваются... О, раны. Мочи нет. Раньше время бежало белкой и сободем, так нежно касаясь щек мне. А теперь вот крысы, и нос свой везде просунут, и хвосты, хвосты, нет безобразнее их хвоста...

--Тише, нас и вправду могут услышать.

--У баков редко ставят микрофоны, - и она обратилась к старичку, уже отходящему, - будьте люмпезны, оторвите голову от мусора и хоть вы-то ответьте, правда ли, что покойники прорастали?

Времирей опешил ее легкомыслию. Старичок поднял очи горе, три пальца зерном – небу, и широко безбоязненно перекрестился, даже не оглянувшись по сторонам, и тех двое были поражены невиданной его смелости. Старик сказал:

--Я так вам ничего не скажу, не видел, но мой дед рассказывал, что его отец в ту-рецкую компанию отстал с раненым товарищем от своих и в лесу набрел на проросшего и сам преобразился, думал, что конец ему в той войне будет, ан нет, выжил и, слава богу, прожил до старости и всю жизнь за счастье и милость великую почитал, что видел проросшего, а раненый излечился, так что никто и не верил, что тот после такого ранения выжил, и они потом снова искали его, про-

росшего, а не нашли. А было это в Болгарии лет сто пятьдесят назад, ну, может и меньше – сто тридцать.

--А крысы, скажите, их всегда так много было?

--Так много нет, но и людей побольше ведь стало, но странно мне вот что, - старичок погладил белую бороду, - я в лавки не хожу, не знаю, вот они мои лавки, - и он указал на два оскалившихся зеленых мусорных бака, - где мусор, там и крысы, это ясно, но крысы в жизни не притронуться, если что после покойника выбросят, какие бы голодные не были, покойником бы верно не побрезговали, а вот мусор его обойдут. И за пээмжэсовцами не подбирают. Сейчас за границу не выпускают, а когда можно было, и хлынула их целая армия, так на мусор было любодорого смотреть, много хороших вещей, что увезти не могли, и крупы там были и всякое, но крысы нет, не ели.

Люмп приподнимает фиолетовый пакет и вытягивает оттуда уцелевшую бутылку с красным вином:

--А одна-то не битая, вот где наоборот: две, да хоть и десять битых за одну небитую, - он ловко содрал обертку, втокнул пробку внутрь и протянул ей, - сделайте глоток, румянца вам не хватает.

Она приложилась раз:

--Ох, и спасибо вам, - два, - вся жизнь в одном глотке, - три, - допейте за мое здоровье, а вы помогите мне дойти, - и потянула руку Времирею и накрест руку с бутылкой люмпу.

Люмп сделал глоток и прервал их продолжением разговора:

--Один русский философ сказал о своей смерти: “нужно, чтобы этот сор был выметен из мира. И вот, когда настанет это “нужно” - я умру”. Не зря же в урнах хоронят, не зря же “мир праху” говорят. Вдруг приходит прах, и надо же избавиться от тела, и его свозят на кладбище и там закопают в земельку с уважением, ведь человек не пачка из-под молока. Может, оттого крысы не едят их мусор, что не будет больше мусора от этих людей...

«Это было с безумием. Слушать такое небезопасно для жизни. Микрофоны могут быть где угодно, жучки везде, а говорить можно не о всем, в любой момент может появиться патруль. Что за геройство?!» - думал молодой человек, но молча пошел за ней.

Они спустились один квартал и стояли уже на самом углу потоков транспорта; нет микрофона услышать их. Она увлекает Времирея. Щеки ее порозовели, плащ застегнут, волосы белые - птица. Когда прохожих поблизости не стало, он говорит:

--Что такое прижать собаку или кошку, знакомое дело, а вот представьте, мне бы хотелось обнять птицу, но так чтоб не боялась, расправила крылья у меня в руках, прижать к груди, как что-то теплое и трепетное, как само сердце, очень бы хотел обняться с филином или с орлом, представляете, ещё с сорокой, какая она, нет птицы краше и кротче. Вы знаете, что одну фрейлину за кражу перстня хозяйского приговорили к смерти, к казни, она была невинна и оправдывалась,

ей не верили, а никто не мог подумать, что смелая птица сорока опустилась на подоконник дворца и унесла забытую принцессой блестяшку. Ей не верили, хоть была верна. Выходит, правды нет. Сорока скромница, никогда не подпустит близко, чтоб глаза ее рассмотреть, а на вас смотрю, вы просто птичка, такая прекрасная, такая близкая, такая смелая...

--Вы смотрите в озеро, обнять нельзя, нельзя, незнакомый друг мой, дайте руку.

С глазами большими от слез и мольбы она заговорила очень тихо и слабо даже шевеля губами, но быстро:

--Мне необходимо быть дома, а тебе туда пока лучше не надо, я вам соврала, я не актриса, так училась в драматическом и на хореографии, но это я на самом деле в обморок упала и мне так стыдно, что я выдумала про этюд. Времирей, ты знаешь, в какое время мы живем, я сама очень всего боюсь, и бухнулась на самом деле от страха. Меня зовут Люся и большего не могу тебе сказать, я в опасности и завтра решится судьба моя, в такой момент обратиться к кому-то - запятнать, кинуть тень, но не бойся, вы можете спасти мне жизнь, это не трудно, я тебе все расскажу завтра, приходите к восьми утра у католических ворот на Втором кладбище.

И ушла. Тревожное в запахе и судорожное в воздухе, когда в стране люди исчезают из своих домов, как гаснут свечи. И на улице до судорог из-за микрофонов. Есть ли на кладбище микрофоны?! Могут быть, на Студенческой ведь появились откуда-то.

Вечер волнуется аз, вечер волнуется бу, вечер волнуется ка.

Утро было первым солнечным в марте и безмятежно сияло, Времирей не ложился заинтригованный, а на улице изо всех сил старался быть неподозрительным, а дома ещё штор не поднял, биноклями теперь не брезговали в корыстных целях, в любой момент могли приехать, а неспящие по ночам подозрительны.

Цветов не возьмешь же на кладбище нечетное число, а четное не подаришь женщине. С пустыми руками он прошелся у назначенных ворот и смотрел через дорогу на здание тюрьмы, вспоминая исчезнувших близких. "Идемте", - подозвала Люся, она ждала его внутри с бордовыми розами, и в букете их было так много, что и не сосчитать. Она была вся в черном и в синем пестром платке, строго затянутом, что одно лицо, и заплакана. Тепло пожала его руку и попросила понести букет. Тяжелый вздох и речь ласково-отчаянная:

--Сегодня хороший день. Здесь так спокойно.

--Мы идем на могилу моего мужа, - продолжала она, - то, что я вам скажу, может быть опасным для вас...

--Я приехал сюда, и я боюсь, но я слушаю вас.

--Спасибо, сделаете, как сочтете нужным, но хоть выслушайте меня. Мой муж работал в отделе Невинности. Недавно им удалось открыть способ или что-то, не знаю и не нужно нам знать, очень важное, весь отдел

премировали и высоко наградили. Какими-то заклинаниями или заговорами, или газом каким-то действовали они, что человек переставал лгать, чистым делался с душой, как перья ангела или дыханье младенца... Не пугайтесь этих слов, вижу, вижу вас, все знаю и верю вам, все-таки есть что-то в людях сильнее, вижу, что добр вы, будь вы даже младший следователь. Слушайте. Недавно скончался их сотрудник, отравился без записки, не вынес сам или не темнил там, где надо. На девятый день приходит семья, друзья на могилу, а потом появляются четыре с венком, поправляют и холмик рассматривают, а потом исчезли, а те сами присмотрелись, видят цветок прет из земли, такой, что и глаз не оторвать, что “аленький” только белый. На другое утро, ночью их увезли всех до единого, сама знаю от подруги, что была там, встретила ее вечером случайно, а на следующий день она исчезла. Понимаете, пророс, об этом только в стародавних летописях упоминается, я думаю, что тот люмп вчера соврал нам или верит в ложь, уже тысячу лет назад это было редкостью. Моего мужа вызвали после этого, через четыре часа он возвращается, сел на стул и умер, слова не успел сказать, нашему сыну в тот день сорок дней исполнилось. А муж последнюю неделю сам такой чистый стал, нежный, словно два младенца у меня было. Они в отделе, видимо, сами попробовали или им передалось, и они озарились духом каким-то, муж мой плакал по ночам и святился, как фосфор. Сегодня многих знакомых не будет, я всем сказала,

что это архаизм - ходить на девять дней, но некоторые все-таки будут тайно, может быть слежка, поэтому мы приехали раньше и если что - вы вырвете цветок и спасете нас и двух наших детушек, Володю и Андрюшу.

Могила была между других могил возле узенькой тропинки. Свежий холмик словно выскочил между покосившихся плит и оградок, пышные пожухлые венки от каждого отдела, цементная табличка были присыпаны легким снежком.

--Здесь мало хоронят, только если место есть, у мужа здесь мать лежит, а можно сверху положить после двадцати пяти лет, - сказала Люся и взяла цветы, поднесла и осторожно осматривалась.

Вокруг никого. Она раздвигает венки и оттуда появляется цветок.

Никогда бы Времирей не дал бы сорвать этого цветка. Простой белый бутончик сиял безмолвием и такой благодатью, что удивленные души их открылись и поднялись, и оба заплакали. Люся целовала и прижимала его к груди, он же бухнулся на колени рядом, моля о ином выходе для цветка.

Через около треть часа Люся собралась и сказала первое внятное слово:

--Я не смогу, Времирей, я любила его, сделайте это и бегите, бегите, ради Бога.

--До чего же я вам благодарен, что вы все же таки увидели что-то во мне, и до чего же я сам себе отвратителен, простите меня, Люся, Люсенька. – Времирей рыдал. – Я изнемогаю уже от страха, со всех сторон, меня два раза вызывали, а один раз забрали из дома, а

там говорят, рассмешишь - уйдешь, нет - по всем этапам, как миленький. Стыд. Стыд! Вначале я испугался, подумал, зачем вы меня впутываете, а теперь, и как же я счастлив, я ничего не боюсь, но Люся, я тоже не смогу сорвать цветка, лучше сгинуть в лагере, это как младенца придушить.

Люся затряслась, зашипела, сложила молитвенно ладони и посмотрела в небо, затем достала из своей сумочки бутылку водки и хрустальную рюмку, и выпив, потянулась дрожащими руками к стеблю. Времерей вспискнул: “нет!”, и успел. Он поднялся. Через тропинку, тоже около акации, был такой же свежий холм, только с цветами и венками гораздо более скромными. Им удастся осмотрительно и аккуратно поменять венки и таблички, и вдова заметила, что муж никак не собрался матери памятник поставить, и теперь это спасает их. Как только они скорбно опустили головы над могилой незнакомого человека, появилась сестра мужа, положила цветочки и сказала:

--Это ж надо, столько лет маме памятника не поставили, чтобы теперь один на двоих ставить.

В полчаса пришло с десять человек, и двое с венком тоже так невзначай осмотрели холмик и удалились, Лиза всем наливала в хрустальную рюмку. Нанесли много цветов, говорили и разошлись. Человек под землей не мог быть против, чтоб над его могилой выпили, пусть и не его память.

На обратном пути Люся утянула Времира на боковую аллею и там стала благода-

рить, что так удачно всё получилось:

--Спасибо, спасибо тебе, Времиреюшка, Господи, Боже мой, мы спасены. Мы живы. Точно знаю, жива, потому что родила второго ребенка. У женщин есть верный способ выживать – рожать детей. Жить, только жить, во что бы то не стало, Времирей, береги себя, умоляю... Не идем с ними со всеми, выйдем через центральный вход.

Люся сказала, что знает короткий путь и они заблудились. Пробираясь местами в узких проходах между оградками, они несколько раз натыкались на удивившее их: словно спрятанные от постороннего глаза или это как раз и были самые неухоженные глубинки, но на этом старом кладбище опять хоронили, причем массово. Поросшие мхом могильные плиты лежали кучей в стороне и, таким образом, освобождались 10-15 новых мест. И ямы были уже готовы, зияли своей припорошенной чернотой, словно окна в потусторонний мир. Чей-то случайный взгляд не пробежится уже по истершимся буквам чьих-то забытых имен. Зато новые пестры, на каждом таком островке три-четыре свежих холмика в пожухлых цветах и фотографии. Они осторожно смотрели везде, - никто не пророс. Наконец-то они вышли на более ни менее верную дорогу, и направились в сторону выхода, всё обсуждая и обсуждая цветок в пол шепота.

Из одной из прилегающих тропинок, из светящейся своим просветом тропинки, неширокой, где бы и двум не разойтись, Времирею показалась вдалеке черная фигура и

будто бы напомнила о страхе, но скорее, о том, как он счастлив эти несколько минут прогулки с Люсей, как все вмиг улеглось, как не было уже долгие месяцы. Он сжал ее руку и огляделся покою этого последнего пристанища, этому застывшему ветру, этому прозрачно-стеклянному воздуху между черных голых веток: все замерло, будто шлохнула вечность.

В конце аллеики их окрикнул тот самый черный человек. Он держал в руке пистолет и почти бежал, выдыхая клубы пара вокруг себя. С ног до головы был одет во все черное, только на плечах яркие служебные нашивки.

--Остановитесь молодые люди! Охрана кладбища. Положите руки на оградку: молодой человек слева, а девушка справа!

Они повиновались.

3-й ворот

Холодное море вышло из берегов и покрыло головы седых восьмитысячников. Сокрыв твердь земную под толчеей океанов, планета летела соленой каплей по около-солнечному кругу. И лишь одинокий челн, не зная пристани, колышется пылинкой на поверхности. Неведомые силы влекут его и толкают к одному из полюсов, где, раздираемый криком угасающей надежды, поглощен есть в вихор стихии. Две сороки торжествуют над безмолвьем вод.



СУП ИЗ РЕМНЯ (ПЬЕСА)

Акт первый СЦЕНА ПЕРВАЯ

Свет гаснет, и поднимающийся занавес открывает темную сцену. Слева у задника загорается спичка и от нее – яркая керосинка, освещающая таз с водой и бритвенные принадлежности. На дно таза положить зеркало, все это разом с лампой стоит на небольшой скамеечке. Рядом стоит Казимир. Вслед за этим на авансцене с правой стороны то же делает Северин. И молодцы взбодрили свои молодые щеки бритвами.

Лампы гаснут.

СЦЕНА ВТОРАЯ В автобусе.

КАЗИМИР: Я таких худеньких, небольшой человек, как могу сломать такую железную машину?

СЕВЕРИН: (держит рулевое колесо; до этого спросил) Убери свои колени с сидения.

КАЗИМИР: Но я всё равно уберу. (садится ровно)

На сцене, чтоб даже ни одного стула, решить автобус, как колонны сидящих на полу или держащих в воздухе жерди-поручни стоя. Рассадить всех так, чтоб первые ряды взды, а галёрка - вспорха.

Казимир встает, он одет в короткие штаны, правая нога у него пластмассовая и это хорошо видно, на ней наклейка и ряд отверстий.

КАЗИМИР: Мне, пожалуйста, у «Четырех карликов».

СЕВЕРИН: Э-э, приятель, да ты, видать, лет с десять тут не был, нет уже никаких «Четырех карликов», а только «Принцесса».

КАЗИМИР: Тогда мне у «Принцессы»

СЕВЕРИН: Откуда это безножие?

КАЗИМИР: Черные кони Сербии.

Казимир выходит из автобуса, и тот отъезжает: пассажиры с водителем перемещаются по кругу и рассаживаются уже за воображаемыми столиками воображаемого кафе.

КАЗИМИР: (подходя к авансцене и, глядя в зал, как на разворачивающийся пейзаж): Ну и нет тебя, нет тебя той, улица моя. Хирургический час оперирует город своей

секундной стрелкой. Беспристрастно. А ведь кто здесь первый раз и не заметит ничего. Господи, десять лет – это скальпель, десять лет – это... Где-то здесь я разбил три бутылки укуса, когда началась бомбёжка.

Между столиков появляется Северин, водитель, и подходит к Казимиру.

СЕВЕРИН: Боюсь ошибиться, но, по моему, Казимир?

КАЗИМИР: Это что, увлечение, - отгадывать имена?

СЕВЕРИН: Все-таки Казимир, так?

КАЗИМИР: Все-таки Казимир. Так.

СЕВЕРИН: А что?! Мы ведь знакомы, то есть я знаю тебя, наши отцы были знакомы и мы виделись детьми на одной из родительских вечеринок, я тебя запомнил, ты всем показывал, что синий с желтым будет зеленый, а когда дали всем мандарины, ты нюхал их и повторял, что мандарины пахнут Новым Годом, помню, меня это страшно удивило, что ведь это ясно, как божий день, а я мог об этом не догадывался. Может, сядем, выпьем по бокалу, я угощу.

КАЗИМИР: Я ничего этого не помню, а как твое имя?

СЕВЕРИН: Северин.

КАЗИМИР: Северин... извини, не помню.

СЕВЕРИН: Я бы тебя никогда не вспомнил, но недавно отец о тебе говорил. Говорит, что кто-то тебя видел без ноги, ну я и смотрю, - ты, не ты. А твоего отца зовут Адам.

КАЗИМИР: Звали. Выходит, я совсем не изменился?

СЕВЕРИН: Ну, почти.

КАЗИМИР: А знаешь, красный с желтым дает оранжевый? – и Казимир согласительным жестом приглашает за столик.

СЕВЕРИН: Нет, вижу, что ты совсем не изменился.

Кафе решается как сидящие опять же на полу или на коленях, или застывшие на полусогнутых коленях, будто на невидимых стульях, группки по 3-4 чел. Соседние столы беспрестанно гремят посудой, вилками, звон бокалов, открывающиеся бутылки шампанского, но всё это не громко, чтоб не перебивать разговор переднего плана выпивающих Казимира и Северина. Кружки на воображаемых столах. Посуду (кружки и тарелки, бутылки) использовать металлическую или фарфоровую, решить ее зависание в воздухе с помощью узконаправленных электромагнитных столбов.

Казимир словно погружен в себя, лишь слегка качается на стуле, Северин, не зная как подступиться, мельтешит и начинает разговор после глотка.

СЕВЕРИН: Ты зачем вернулся? Ты не подумай, я страшно рад, что хоть кто-то возвращается. Ты как первая ласточка...

КАЗИМИР: ...одна весны не делает.

СЕВЕРИН: Ты не понял... Это проклятое место. Будто бы все успокоилось, а нет, бацилла страха сидит в закамарках, сидит и ждет. Недавно голубые каски остановили мой автобус, вывели всех и обыскали, просто обыскали, даже детей, даже воротники и носки прощупали. Ничего не нашли, говорят

сорри, и мы едем дальше, а две женщины в истерике, одну тошнит, у мужиков кулаки стиснуты, дети режут, а что они искали... Они просто держат нас в страхе, в страхе и в ненависти.

КАЗИМИР: «...и по дороге к любви кровь и розы, розы и кровь...» Твое здоровье!

Пьют.

СЕВЕРИН: Самое страшное, что мы, сильные и молодые, ничего не можем сделать, дети бавятся с деревянными ружьями, а моя сестра носит куртку с американским флагом.

КАЗИМИР: «...нам незаметно в гардеробе отдали деревянный плащ...»

СЕВЕРИН: Вот-вот, извини, я в туалет выскочу, припекло.

Северин выходит. Внимание Казимира привлекает появившийся уличный театр.

Летающие Ключом: шелк-шелк/ по лесу бегают волк/ новый пузырек/ новый узелок.

Летающие клином: Бабах!

Летающие треугольником: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Мерзкое стекло (на лету): блик, блик, дэ-блик, дэблик/ брать лю-блик/ ведь старик в цэ-дэ-лик?

Несколько попрошаек (на бегу): в наших животиках/ замыкание короткое/ в наших ротиках - животное/ подайте белого креста ради/ обдать белой водой груди.

Подпоясанные: опоясуйтесь соколы ясные и будет грудь красная, как у нас, а так нечего, нечего...

Действие происходит в спонтанной базарной шумихе и толкотне. Можно решить через выкрикивание имен товаров.

Поэт-повитуха: Я принял роды у Сократов и повторяю ихню мысль/ словами богоданными/ так много в мире тянет в низ/ но мне бы в высь/ и лезу в ванную.

Паяц Лимонович: Мне женщины теперь являются без лиц/ лишь попы-груди четко/ я ко свое лесо крутил, абы не видеть спиц/ за это мне решетка

Паяц Жиринович: твари, гады, псы/ вокруг одни лишь псы/ плюну в харю, в усы/ и народу даю интервью/ чтобы знал, что вокруг него псы!

Решается как комедия de-l'Arte площадного балаганчика. Лимонович в костюме арлекина в золотой клетке, желательно использовать настоящую позолоту либо натирать перед каждым представлением латунь так, чтоб блеск не вызывал ни у кого сомнения в натуральности. Жиринович в костюме Коломбины (девственная вульгарность). Пьеро изображает богиню правосудия, Фемиду, с мечом, весами и завязанными глазами; на все реплики Лимоновича он говорит: «это ложь, но ты честен», после слов Жириновича: «это правда, но ты лжец». В разыгравшемся вдруг конфликте Лимонович трясет клетку, Жиринович плачет и закрывает лицо веером, Пьеро не удерживает и роняет весы, в попытках удержать их, неразборчиво несколько раз махает мечом, так что сносит Жириновичу голову и несколько пальцев Лимоновича, держащих из клетки зерно

крестного знамения.

СЕВЕРИН: Вижу, что ты парень с Богом в душе и с чортом под каблуком, хоть и бывал под козырьком. И что, будешь потихоньку умирать?

КАЗИМИР: Буду собирать осколки невидимого мира.

СЕВЕРИН: То есть, свою невидимую ногу?

КАЗИМИР: Свое невидимое сердце.

СЕВЕРИН: Мне вначале автобус тоже очень нравился.

Они встают из-за столика и удаляются в правую кулису. Музыкально или через вздернутые повороты голов статистов за соседними столиками, но показать, как после их ухода разлетелись уличные птицы. Если удастся найти на роль Казимира исполнителя без ноги, упорными занятиями и тщательным подбором протеза добиться безукоризненного шага, дабы избежать у зрителя и тени аллюзий на хромоту черта.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Казимир и Северин сидят спиной к зрительному залу в правом углу авансцены на воображаемом берегу воображаемого Дуная. Бросают в реку воображаемые камушки. Слабый звук реки. Отдаленные звуки судов.

К. (запуская камень жабкой): Христианство омолодилось за счет многих своих отщепеней, что-то там кого-то зарезали, кого-то сожгли, было дело, а дальше смотрят друг на друга и каждый чтит Иисуса лучше

всех. Но и ислам далеко не так примитивен, как нам втвривают, сила есть в нем какая-то первородная, пустынная и человека богу не уподобляющая, но его, бога, подпирющая. Мусульмане несут свой полумесяц, но готовы вынести и целую, полную луну. Иудеи бога родили, христиане воспитали, а буддисты знают, что он есть и радуются.

С: Тебе бы в проповедники податься что ли. Иногда смотрю на пассажиров своих, и вижу глаза полные какой-то опороченной раболепной надежды, целомудренной в своей готовности ко всему, даже еще к худшему, им так не хватает слова теплого, ненавязчивого, они так недоверчивы, что усладятся всему, что ни к чему не призывает.

К: Наверное, так есть везде и всегда. Наверное, человек не может не воевать, в бою легче всего посылаться страха, а человек-то по существу такое запуганное, забитое в угол зверёнышное, раздираемое на части, где даже земля под его ногами, под двумя только стопами, и та не твердь, а болото, и уже его прогоняют. Пошел, пошел... Может... я был бы и неплохим солдатом, смелым в своем последнем отчаянии, но никогда я не смог бы быть священником. Да и глуп я.

С: Был бы?! Так что, ты не воевал?

К: Что ты, за кого?

С: А твоя нога?

К. (подкручивая камушек): Мать отца, моя бабушка, полька, занесло ее в перипетиях второй мировой в наши края, это она дала мне имя Казимир, в деревне жила, и меня туда отвозили на лето. Ну и как-то раз ло-

шадь рыпнулась и мне на пальцы наступила, болело, болело и гангрена. Сначала стопу, а потом до колена пришлось отрезать. Мне тогда одиннадцать лет было.

С. (встает и отходит на несколько шагов спиной к Казимиру): Что же это я, что же, Господи! Я думал... Знаешь, я ведь испугался. Когда ходили и предлагали взять оружие, я ведь испугался, хоть и сам не понял, что испугался, все оправдывал себя, думал не такая моя миссия, - злом на зло, для чего-то еще другого пригложусь, для доброго. И спокойно так мне было, пока тебя не увидел без ноги, тогда сразу понял, что я самый последний трус и лучше б мне было сгнить подстреленным в какой-нибудь ложбине. Для того и уцепился за тебя, из зависти, из страха. Зачем ты только эти короткие штаны надел?!

К. (вставая): Одна слепая румынка сказала, что у человека нет миссии, судьба есть, а миссии нет, живет себе человек просто так. Чтоб было. И во всем этом чисто из эгоистических соображений добро делать лучше, оно приятней, веселее, даже как честнее выходит. Но зла, в общем-то, нет, нет зла, а есть только содействие благому намерению неблагим, всё зависит под какой слой лака ты можешь заглянуть. Вот и загляни теперь, что я так привык к своему безножию, что глупо было этих штанов не надеть, когда такая жарыща.

Северин плачет.

К. (успокаивая): Мир выглядит страшно безнадежно: всепоглощающая черная дыра, которая не стоит и одной твоей слезинки.

Может быть я и идиот, но я верю в какой-то метафизический щелчок, жду второго пришествия, что ли. Нужен, нужен настоящий Живой Царственный Младенец, необходим, которого узнали бы все бескомпромиссно. И это должно быть настоящее чудо – несомненное.

С: Так-таки Живой Царственный Младенец! Может быть, рождается как раз сейчас на каком-нибудь складе боеприпасов.

К: Нужно маленькое, но явное чудо. Послушай, например, в Багдаде выпадает огромный снег, наваливает сугробов, из которых встают живые протестанты, не выдавшие света божьего с Варфоломеевской ночи, а потом ясным вихрем, серебряным огнем, например в Риме, вырастает огромный столб, все гудит и трепещет, колокола всех соборов звонят сами собой, и на площади очутились полусонные евреи и палестинцы, погибшие ну хотя бы за последние сорок лет; дальше в Мадрид приплывают каравеллы полные индейцев, тех самых, но счастливые, как туристы, с цветами и бубнами... и так далее, и так далее...

С: Ничего себе маленькое чудо!? И ты веришь в это, в этот бред, ведь это бред сивой кобылы, сказка, Казимир, не сходи с ума!

К: Как сказал один пьяный поляк, истину знают или безумцы, или готовые сойти с ума в любую минуту. Пусть наши цели недостижимы, но стремиться к ним – наше святое право. А то, что я рассказал, - это только пример, будет иначе и не важно что, может быть что-нибудь совсем незаметное и я даже

склонен считать, что нужно именно что-нибудь совсем незаметное, невидимое, но чтоб эффект был именно таким, иначе ничего не произойдет. А для бога нет ничего невозможного.

С. (после паузы): Ну, хорошо, что-нибудь совсем незаметное. Я слышал эту байку, как монах в Тибете чихнул, а в Лиссабоне – землетрясение. Что ты предлагаешь?

К. (садясь на прежнее место, но уже лицом к залу, достает из сумки бутылку и делает несколько глотков): На, выпей.

Северин пьет.

К: В том то и дело, что тут нельзя ничего предлагать, а только взять, взять никому не нужное, позабытое всеми...

С: Что?

Казимир пожимает плечами.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Сумерки. Казимир и Северин в легком подпитии оглядываются. Место им незнакомое.

С. (подшучивая, указывает на центр сцены): Смотри, собака дохлая лежит, не подойдет ли, уж точно никому не нужна?

К: Нужна слепцам для сквернословья, а нам пригодиться для дороги, кишки изо рта в тот переулок смотрят, идем туда.

Они идут к ближней левой кулисе, в это время из дальней выходят две цыганки, старая с сумками, молодая с грудным ребенком, который громко плачет. Казимир и Северин останавливаются.

Молодая цыганка (кричащим пеленкам): Что кричишь, не кричи, уже поздно, людей разбудишь, вот отдам тебя тому дяде, будешь знать.

Плачь утихает.

С. (с легкой иронией): А что, ваш младенец мог бы быть отдан незнакомцу?!

Молодая: Если будет много плакать, пойдет как миленький.

С: Я б взял не задумываясь.

М: Я б тоже взяла не задумываясь от тебя пару монет накормить ребеночка, чтоб не плакал.

К: Я не вижу, чтоб он плакал.

М: А ты сигареткой угости да огоньком посвети и увидишь.

Северин протягивает ей пачку и зажигает спичку.

М: Я возьму две, для матери, покурим дома, а от спички и так светло, смотри да не промахнись.

Высветленная цыганка улыбается золотым ртом, в ушах дорогие изящные украшения, одета как армянская княгиня, не лишена индийского обаяния, словно из высшей касты, ценности непомерные, но со вкусом, без излишеств, так привычных братьям цыганам.

С: Вы очень красивы и у вас очень красивый ребенок.

Старая цыганки: О! О! Ух, какой умный, давай, давай, пошел отсюда, пока ноги целы. (Дальше обращается к молодой на им одним известном наречии).

М: Мать говорит, что можешь сглазить,

и должен дать монетку, а то болезнь на тебя переведется.

С: Понимаете, простите нас, добрые цыгане, но через то важное, что мы задумали, не может прокатиться ни одна монета, не могу вам сказать, что мы ищем, но это касается и вас тоже. Ответь нам не за динары, а за доброе слово, скажи нам, что по-твоему самое никому ненужное?

М: Если у тебя нет и динара для голодного ребеночка, то спроси у товарища, может у него есть?

К: Монете не прокатиться, а бумажке расстелиться! Вот тебе зэлэна, и ответь этому романтику не задумываясь, что самое ненужное на Земле?

М: Твой друг мудрее тебя, а самое ненужное - это когда беспокоят глупостями и денег не заплатят.

К: Вот тебе еще цервэна и без глупостей скажи, добрая мать младенца, что бы ты сделала не за деньги?

М: Младенца вот сделала по любви, и о том жалею.

Мать в это время уже отперла калитку богатого особняка и увлекает дочь. Казимир и Северин остаются одни, они молча прохаживаются к центру сцены.

С: Смотри, собака уже развернута в другую сторону, она указала неправильно.

К: Собака указала на цыганку, а цыганка указала на младенца. Все правильно. Раньше были телеги, они были медленней и громче, и дохлых псов на дорогах не валялось. О милосердие, о сжался, о помощи не соучаство-

вать, убереги от счастья частника. (Казимир падает на колени). Прав нет и слава Богу.

С: Мы что идем в роддом? Думаешь, там кто-то маленький трупик подарит для благого дела. А если сделать ребенка, в нашем же деле время не имеет значение, девять месяцев...

К: Не приумножай бытие без необходимости. (Сам себе) Я совсем рассыпался, растерялся, словно бисер среди ворса ковра. (Северину) В роддом не идем, но может узнать адреса и сходить посмотреть? Здесь, на этом месте нашего путешествия, теперь, нельзя идти прямо, не будет быстрее, в обход короче получается. Отныне каждый ход должен быть единственно возможным. Говорят, доказано, что Новое кончилось. Не надо и изворачиваться. Пока ты слаб и неспособен ущемить собой, - ты жив. Остальное нанесли тщеславцы, сытый медведь не войдет в деревню. Рта-тли-лта-да – деревянной палкой по железным штакетинам. Клад моря моего, клад мысли, клад желанья, клад песни, клад любви! Частичное затмение.

Казимир, вставая с колен, подхватывает кулек, в виде уличного мусора валяющийся неподалеку, и им, как в перчатке, уносит с дороги воображаемую собаку.

Акт второй СЦЕНА ПЕРВАЯ

Ночь. Вокзал. Относительная тишина. Несколько человек стремительно проносятся с чемоданами через сцену. Репродуктор

объявляет отправление международного поезда Дубровник – Сараево. На сцену выбегают Казимир и Северин. Они одеты уже в теплые куртки и шапки. С момента действия первого акта прошло некоторое время, и молодцы вздобрали свои молодые щеки бородами.

С: Тьфу ты, тьфу ты, кондуктор видел нас и дал свисток, он не мог подождать две секунды.

Казимир усаживается на лавочку, стоящую на середине сцены, опускает рюкзак на землю и достает, но не подкуривает сигарету.

К: Следующий поезд в семь с чем-то, неплохо бы встретить рассвет на прощанье.

С. (бросая рюкзак): Я сдаюсь, Казимир. Который это уже город. Тысячи людей смеялись нам вслед. Роддома, больницы, кладбища, рынки, пожары, концерты: что, что хоть на секунду приблизило нас к чуду?! Чудо, способное осчастливить каждого, обратить его на путь любви, – это яд отравляющий душу, и твою душу тоже, ты не замечаешь, что мы попались на удочку мифа, закинутую скучающими поэтами и доморощенными философами, которые брезгливо трусят повзрослеть и больше ничего, инфантильная тоска по утраченному раю, в оправдание своей лени и жалкого тщеславия... Одумайся, одумайся, Казимир, пока не поздно!

К: А что такое это «поздно»? И в кого мы можем повзрослеть, в доморощенных же философов? Один молчаливый русский сказал, что чудо возможно в момент смерти, потому что смерть – это остановка времени.

СЦЕНА ВТОРАЯ

С: Моя душа тоже жаждет подвига, но мне жить хочется, жить, понимаешь.

К: Пошел вон отсюда!

С: Что?!

К: Проваливай! Сам сказал, что сдаешься, вот и всё, отсюда нам не по пути.

Казимир встает и протягивает Северину руку. Северин медлит.

С. (вдруг указывая в левую кулису): Смотри, сорока что-то в клюве держит. Какое-то колечко или ключик.

К. (оборачиваясь, не скрывая удивления): Вот это да, и вправду! Я слышал, что сороки крадут разные блестяшки, но никогда не видел.

Оба с увлечением глядят в сторону левой кулисы, их движения показывают, что сорока вспорхнула и отлетела в даль.

К: Прости меня за вспышку, Северин. Сразу говорил тебе, что всё бессмысленно и наши поиски практически безнадежны, а значит, в некотором роде, и глупы, проще было бы поймать эту сороку и вырвать у нее это блестящее, чем пытаться примирить непримиримое, не глобально, а только личное с общественным... голос совести, что ли...

С: Идем, волос совести на лысине цинизма, переночуем на одной поляне.

Справа выскочил мальчонка и из рогатки тушит вокзальный фонарь, смеясь, он вприпрыжку ускакивает вправо же, делая, таким образом, круг.

Задник озаряется зеркалом восхода. В левой части сцены два спальных мешка плотно прижаты друг к другу, звонит будильник и из одного из них, словно насекомое из своего кокона, просовывает вначале руки, а затем и голову, Северин, он полностью одет, даже в шапке, делает согревающие движения. Остальная часть сцены вразброс завалена пластиковыми полуторалитровыми и разнолитровыми бутылками.

С. (расталкивает второй спальный мешок): Вставай, Казимир, ты весь дрожишь, ну и холодрыга сегодня, зима не за горами.

К. (протирая глаза): За горами как раз, наверное, уже зима. Ну и ну, вчера ночью казалось богом забытое место, будто лес какой-то дремучий, а это просто свалка какая-то.

Оба достают ботинки и судорожно зашнуровывают, затем вскакивают и начинают прыгать и махать руками.

К. (глядя на солнце): Здравствуй, солнышко, здравствуй дорогое, согрей нас побыстрее, пожалуйста.

Казимир берет одну из бутылок и с лёту зафутболивает.

С: Да, солнце, что надо, в Сараево такого уже не увидим.

К: Вот они – осколки невидимого мира. Сотни бутылок лежат себе кучей, и от нее уходят хвосты, брызги форм с блестящей росой, как стрелка...

С: Интересно, куда она нас приведет?!

Северин пинает другую бутылку, Казимир

мир подхватывает, и они начинают играть ими, как мячами, забивая бесчисленные голы в воздушные ворота.

К: Куда-куда?! Не иначе, как в желудки десятков, может и сотен, а может быть и тысяч незнакомцев. Были они выпиты на днях рождения, свадьбах или похоронах, никто уже этого не узнает, и мы становимся немymi свидетелями невидимых судеб, как археологи.

Северин замирает и садится на корточки над одной из бутылок.

С: Казимир, смотри сюда, здесь котенок, бутылка без дна, котенок пролез и задохся, даже как-то замумифицировался.

К: Не думаю, чтоб он туда сам залез и не смог выбраться.

С: Вот он – твой Живой Царственный Младенец. Вот она, твоя детская мечта, уткнулась в гандон цивилизации и хорошо сохранилась.

К. (смутно глядя на котенка): Может быть, ты и прав, может быть Живой Царственный Младенец так и должен выглядеть: недоразвит из-за всегда преждевременного рождения и безжизненен из-за всегда слабого дыхания от навалившейся тяжести будущего подвига, но уже разящий вектором духа, как пикой, и красотой полыннной мертвенности своей. (переводит взгляд на Северина уже с улыбкой) Победа над жизнью у нас уже в кармане, теперь осталась победа над смертью, а если бы у него был, хотя оттенок здоровья, им бы занимались уже другие. Нужно устроить ему какие-нибудь ритуальные похороны.

С: Что это за понты, Казимир, еще скажи мне что-то типа: «мы в ответственности за тех, кого приручили», успокойся. Ты знаешь, что в Сараево, куда, кстати, мы собирались ехать, пол города утыкано спонтанными кладбищами, на которых самому старшему восемнадцать лет, может лучше будет им хоть свечки поставить?!

К: Соловей духа летит над человеком, будь он мертв или жив. И свечки поставим – это добрая мысль. А котенок, я чувствую, принесет нам одни несчастья, так что возьмем его с собой.

С: Так ты, Казимир, просто смерти своей ищешь, как я вижу?!

К: Ну, умереть по-любому придется. Один сожженный после на костре француз сказал...

С: Да что ты мне все какими-то загадками говоришь: одна слепая румынка, один пьяный русский... ты мне скажи своими словами, своими словами и о себе, ты и только ты, когда говорил об этих осколках невидимого мира, о Младенце и т.д., что ты имел в виду, праведную жизнь или праведную смерть?

К: Если жизнь праведная, то и смерть не может быть неправедной, это только наоборот случается...

С: Опять ты не отвечаешь на мой вопрос. Хорошо, спрошу просто: ты о чем больше думаешь, что больше занимает твои мысли, жизнь или смерть? Жизнь или смерть, очень просто и не увиливай.

Пауза.

К: Наверное, жизнь после смерти.

С: Опять двадцать пять! А если нет этой жизни после смерти, всё, умер – и падение в беспросветную бездну безмолвия, полное отсутствие сознания.

К: Трудно. Тогда всё пропало.

Пауза.

С: Жаль мне тебя, Казимир, жизнь твою горемычную жаль.

К: Да мне вся моя жизнь, представь себе, вся моя жизнь, как ты сказал, горемычная, не дороже, чем этот котенок.

С: Хватит придуриваться, собираемся, на поезд опоздаем.

Северин идет сворачивать спальные мешки, а Казимир с котенком в другую сторону, подхватив валявшуюся тут же ржавую миску. Стоя на коленях выдалбывает в земле ямку, сбрасывает в нее малюсенький трупик, отшвырнув бутылку, и наспех закапывает, потом шепотом молится, крестится и встает. Северин уже ждет с готовыми рюкзаками, и они удаляются в левую кулису.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Уже в поезде. Поезд решить прежде всего звуково. Расставить у рампы в ряд лавки, одна напротив другой, слегка развернув каждую пару на зрителя, обозначая таким образом отдельные купе. В каждом из них сидят по два-три человека, читают газеты, спят, в общем, делают то обычное, поездное. Центральное купе занимают главные герои, молча пьют прозрачную жидкость и морщатся, за нюхивая спичечным коробком. Постепенно

сконцентрировать свет в центре, погружая остальных во мрак.

С. (указывая в воображаемое окно в сторону зала): Смотри, смотри, олень побежал.

Пауза. Оба увлеченно рассматривают.

К: Интересно, как чувствует себя этот олень, лежа под кустом, спит ли он, а может только дремлет чутко в непрерывном ожидании голода, волка, охотника, он в реальности, в самой настоящей, как боксер на ринге и не может отдаться грезам. Наверное... Как чувствовали себя первые люди, как тысячу лет назад, как после изобретения пистолета, думаю, очень много изменило изобретение карманных часов и потом фотографии...

С: Скажи мне, пожалуйста, Казимир, дорогой, зачем тебе все это обязательно надо знать? Бежит олень, и радуйся, что не в зоопарке.

К. (задумавшись): Чтоб отбросить все наносное, цивилизованное, и докопаться до зерна, засадив которое, взошел бы чистый дух, мой, конечно, дух.

С: Чтоб все тебе стало ясно и чтоб замолчать навеки?

К: Если натурально будет замолчать, то чтоб и замолчать.

С: То есть натуральность тебе нужна? Хочешь бегать голым по полям, зачем сядишься в поезд, зачем сел тогда в автобус, чем тебе цивилизация-то мешает быть натуральным, ведь она-то не менее натуральна, чем всё остальное. «Не хлебом единым сыт человек», но ведь и им тоже, помнишь: «хлеб всему голова». По-моему, всё, что ты

говоришь, это только тщеславие, которое ты слишком хорошо понимаешь и стыдишься его, от этого и бежишь от себя. Тебе никогда не казалось, что люди ведь такие разные и натуральнее ведь всего это когда не думаешь: натурально это или нет; кто-то не думает и натурален, для него это натурально, а ты думаешь и в этом натурален, в этом твоя натура. Да встречал ли ты вообще когда-нибудь кого-то натурального в том идеале, что ты себе понапридумывал?! Единственным натуральным человеком, чья стопа касалась земли, был Иисус Христос, и то не совсем верно, потому что Иисус был не совсем человеком, а бого-человеком, то есть тем самым идеалом, и стремиться к нему – это хорошо, но видеть себя рядом с ним – это уже тщеславие, это уже не в твоей власти – быть с ним рядом. Он сказал: возлюби ближнего своего, как самого себя, но вот загвоздка, - отношение к ближнему более ни менее ясно и понятно, а вот отношение к самому себе не поддается никакому определению, так не лучше было бы: возлюби самого себя, как ближнего своего...

К: Возлюби себя самого, как ближнего своего. Как ты это умно подметил, как же я сам не догадался. Вот я люблю тебя, Северин, и, кажется, и себя начинаю любить.

Смеется.

С: И уже завидуешь, что сам не догадался, и уже ненавидишь за эту зависть.

К: Что ты, не тебя, конечно, себя самого.

С: Бог ты мой, Казимир, давай оставим эти условности, выпей лучше.

Пьют.

К: Всё это самая отвратительная правда и о тщеславии, и обо всем ... Расскажу тебе одну историю, которая, наверное, меня и развратила, наверное, она и до сих пор меня развращает. Перед тем, как тот конь мне ногу отдал, буквально за минуту или две произошло следующее: в деревне у бабушки, куда меня возили каждое лето, стояла кирха лютеранская, наверное, после Франца Иосифа разграбленная, сгоревшая и заколоченная, такая полуразрушенная, мы туда лазили с мальчишками, бог знает зачем, там внутри один только мусор был, некоторые, правда, росписи еще были, но и те едва различимые, и вот мы с моим соседом на пару лет меня старшим, Божидар его звали, как-то раз туда пробрались через окно, что-то мы там болтались и стали мочиться в самом алтаре, и я почувствовал, что будто кто-то смотрит на меня, и вижу: прямо на стене проступает такой замытый и полуистлевший лик, но еще довольно хорошо видный, и смотрит прямо мне в глаза как-то снисходительно, но в то же время и как-то жалобно и даже грозно, меня прям-таки передернуло от страха, я сказал Божидару: «смотри, какой страшный», а он смеется и говорит: «ты что картинку испугался», а потом взял какую-то обгорелую головешку и прямо ему между глаз через все лицо крест перевернутый нарисовал. Я так и ахнул, меня аж знобить начало с испугу, сам не знаю почему, но самое подлое, что перед ним показать свой испуг я еще больше боялся, и, будто бы ни в чем не бывало, стал про-

бираться к окну, а прямо под окном лошадь стояла черная, траву себе щипала, я прыгнул как-то так неудачно прямо ей под ноги и она от неожиданности дернулась и пальцы мне так стукнула, что я чуть сознание не потерял, но домой доковылял и родителям, конечно, ничего не сказал, думал, само пройдет.

С: Так ты с самим сатаной повстречался, он тебя и отметил, может, ты сам сатана и есть.

К: Не смейся, погоди, дай еще хлебнуть. (выпивает и долго-долго втягивает носом коробок, переводя дыхание) Полгода назад я решил за все эти годы первый раз снова туда поехать, что-то не давало мне покоя, специально даже кисть взял, такую грубую, чтоб тот крест стереть, как символ, может быть, всех моих страхов. Там ничего почти не изменилось, кирха стоит там же, где и стояла. Я влажу туда через то самое окно, а там, о, ужас, все стены исписаны перевернутыми крестами, пентаграммами и названиями разных ансамблей. Я был в отчаянии, каким невинным мне тогда тот крест показался, с которого все это началось, который, может быть, и послужил примером всем остальным, а самое ужасное, что ведь я сам-то это всё и начал: не скажи я тогда Божидару, что испугался, он бы этого креста и не нарисовал, это точно. Сам этот крест был уже наведен многократно, что лика самого и видно почти не было. Чтоб его стереть, не могло быть и речи, так эта зола въелась. И меня снова такой страх взял, просто животный, я весь дрожал, а руки прям трепыхались. Эта

была истерика, я словно тонул и не мог вдохнуть нормально. И тут я расплакался, хоть не плакал от того самого случая, а тогда я много плакал, почти целый год, пока не привык к своей новой ноге. Признаюсь, подумал о самом худшем. Никогда я не был особо верующим, скорее всего, мне всегда было всё равно, а тут я захлебывался слезами и стал молился, первый раз в жизни, наверное. Не знаю, что это было, но меня вдруг осенило крест вниз дорисовать, чтоб из сатанинского вышел христианский. Я так и сделал, и получилось, что эта вертикальная ось ангелу прямо в руку пришла, будто он этот крест в руке перед самым лицом держит. И так мне легко стало, я тебе передать не могу, что я всем крестам так же дорисовал, а когда выходить стал, ты не поверишь, внизу паслась лошадь белая. Я словно на крыльях из этого окошечка выпорхнул и побежал разыскивать Божидара. Стучусь к нему, мне открывает оплывшее угрюмое лицо, а на веках и даже на носу такие крупные жировики и все в каких-то волдырьках, что я даже и не узнал его вначале. Он тоже меня не сразу узнал, но когда узнал, сразу как-то повеселел, за стол меня усадил, стали самогон пить, бурячиху, такую противную. Он все спрашивал, а меня заткнуть было невозможно, так меня понесло, все ему рассказал. Он молчал, а потом говорит: «идем на кладбище». Там показывает могилу своего отца, говорит, семь лет назад поехал в город машину покупать, там его в каком-то кабаке подрезали, мать его запила тогда сильно и три месяца как скон-

чалась, вот, показывает, гроб ее. Что меня больше всего поразило, не было в этом ни капли показушной скорби, мол, пожалейте меня несчастного, ничего подобного и близко не было, естественно так рассказывал о своей жизни, скупое, правда, но не злобливо, принял просто судьбу свою, какую была, без ропота. Потом он дальше пить пригласил, но у меня от этой бурячихи голова разболелась, и я сказал ему, что голова разболелась от непривычки, что завтра водки поставлю, а он говорит: «завтра, может, я и пить перестану», - и пошел. Всю ночь я не мог заснуть, тошнило меня, голова трещала по швам, и только под утро выпил две таблетки анальгина и кое-как уснул. А после обеда прихожу с пивом, стучусь, он не открывает, захожу с криком веселым: «Божидар вставай на бой с похмельем!», вижу, а он висит, я даже не услышал, как бутылки разбились, подлетел к нему достать из петли, а он уже закоченел.

С: Да-а... вот и замкнулся круг.

К: Замкнулся, думаешь, мне кажется, что как раз разомкнулся.

В это время с левой стороны одно за другим освящаются купе, входит два контролера, один в первое, другой в следующее и тихо проверяют билеты.

К: Он записку очень двусмысленную оставил: «Пустота вокруг, от нее и голова пухнет, и вообще она во всем и виновата». Словно меня обвиняет, я эту вину сразу и почувствовал, даже хотел уничтожить эту записку, с другой стороны «голова пухнет» мог и про себя сказать, у него лицо от этих

волдырей и вправду в два раза больше казалось, и оставил...

С: А пустоту, как понял?

К: Вначале буквально, что не пошел с ним пить и оправдание такое городское, буржуазное прямо, выдумал. А потом узнал, что он, оказывается, два раза сидел, и это у него не первая попытка была, чем я виноват, что после нашей встречи ему таки удалось. Та пустота была его личным, может быть, ощущением мира.

С: А чем же развращает тебя эта история?

К: Да тем, будто мне показалось, что я тогда в кирхе этой как бы наедине с богом был, и что у него на меня вроде бы даже определенные планы. А живую душу ближнего своего от такого греха не остерег.

С: Не бери в голову, просто значит это не входило в его планы. Мне кажется, кто лишь чуть-чуть не глуп, тот не может жить и не презирать себя, честен он или бесчестен – это все равно. Выпьем за упокой его души.

Пьют. Входит контролер.

Контролер: Билетики, пожалуйста.

Казимир протягивает билеты.

Контролер: Этот проездной документ не действительный, если у вас нет другого, можете купить...

С: То есть как не действителен?!

Контролер: А очень просто, взгляните на дату, он вчерашний.

К: Да, мы опоздали на вчерашний вечерний, но ведь билет, если не использован, действителен и следующие сутки.

Контролер: Это если вы едите свыше ста километров, а у вас тут и тридцати не наберется.

К: Вообще-то мы едем в Сараево, но купили до первой приграничной станции, а там докупим дальше...

Контролер: Знаю-знаю, так все экономят, где вы видите на билете сегодняшнюю дату? Нет! Придется платить или сходите на первой станции.

С: Помилуйте, мы пилигримы, едем в Сараево, специально, чтоб свечки всем погибшим восемнадцатилетним поставить, только что были в Приштине, в Дубровнике и едем в Сараево...

Контролер: Что это за пилигримы, которые в поезде водку хлещут?!

С: Мы поминаем, у него недавно друг повесился, друг детства.

Контролер: Сожалею. Но если хотите знать, у меня дома дочь без двух ног сидит, перед бомбежкой из Дубровника в деревню отправил, думал, так спокойнее, а ей дед полуслепой, когда траву косил, две стопы по щиколотку снес, и что же, мне теперь всех без билетов пускать.

С: Казимир, покажи ему свою ногу.

К: Очень жаль, что так вышло. Обидно потерять пустое кольцо в реке, не сняв его перед купанием по своей собственной глупости, что уже говорить, когда лишишься ног по чужой глупости, а лишиться жизни?! К слову сказать, первыми жертвами в девяносто первом были в панике раздавленные и вытиснутые в лестничные пролеты после

воздушной тревоги, которую и объявили-то по ошибке, приняв толчки землетрясения за начало бомбардировки? Давайте сохраним здравый смысл...

Контролер: Если сохранять здравый смысл, то я вас и оштрафовать должен за безбилетный проезд, и какое мне вообще дело до отпрысков боснийских потаскух, которым вы еще и собираетесь свечки ставить, эти ваши восемнадцатилетки Франца Фердинанда застрелили, и Первая мировая началась. (Казимир и Северин вскакивают. Контролер подзывает второго) Вызови охрану, тут двое без билетов и возмущаются.

К: Помилуй вас Господь.

С. (одевая рюкзак): Мне и самому уже не хочется в этом поезде ехать.

Они вчетвером проходят к правой кулисе, Казимир с Северином там и остаются, остальные же берут лавки в руки и поезд уходит. Слева, ближе к заднику остается одна скамейка, но уже параллельно рампе, символизируя скудный перрон захолустной станции.

С: Вот хам!

К: Ты видел, у него один глаз зеленый, а другой голубой?

С: Да, кошмар, а лицо у него, прям как у голливудской звезды какой-то.

К: Да-да, такой... красавчик, какой-нибудь Джеймс Бонд.

С: Точно! Кууурррва! Высадил нас в какой-то жопе, что это вообще такое, ни одного дома нет, ни дороги тебе, ни указателя, один только вшивый козырек.

К: Да, странно, никто не сел, никто не высел, кроме нас.

С: Пойду посмотрю на этот козырек, может хоть название станции будет.

Северин удаляется в левую кулису, Казимир же сидит на скамейке.

К: Опыт веков, опыт веков... Двойная игра. Двойная мораль. Двойные стандарты. Двуручничество...

С. (вбегая запыхавшийся): Я начинаю бояться, замкнулся там, разомкнулся, но... эта станция называется «Бо-жи-даровичи»!

Пауза.

К: Самое время помолиться за него.

Казимир встает на колени и крестится, Северин тоже крестится, но стоя.

К: Помилуй, Господи, раба Твоего грешного Божидара, прости ему прегрешения вольные и невольные и пошли ему царствие небесное.

С: Ну с царствием небесным, это ты погорячился: два раза сидел, самоубийца...

К: Там ведь не в СиВи смотрят, а Божидар не был нехорошим человеком. Первый раз сел за то, что подрался на дискотеке с каким-то фраером залетным, выбил ему два зуба, а его отец был каким-то прокурором или что-то вроде этого, шишка, короче, засудил его на два года, а второй раз тоже, в общем-то, ни за что: начал встречаться с девушкой, а ее родители были страшно против, потому что в тюрьме был, ну и они встречались тайно, а как-то раз их папаша ее застукал и дело раскрутил о изнасиловании, дали три года. А то, что он крест тот тогда нарисовал, так это

одна глупость подростковая. Вот, что он на себя руки наложил, это, конечно, большой грех, очень большой, но нет предела милосердию божьему.

С: Вообще-то я не очень религиозен, но думаю, что согрешить, это еще не страшно, не раскаешься – тоже не так еще страшно, самое страшное, наверное, раскаяться и согрешить снова.

К: Наверное.

Садятся на скамейку.

К: Что это за место, тут и птицы не летают и на поезд никакого намека. Там не было расписания какого-нибудь.

С: Что ты, там даже граффити нет, реально, мы будто первые люди здесь.

К: Как на зло, я очень голоден.

С: Я тоже страшно, но кроме водки ничего нет.

К: Также не так плохо. Есть, правда, одно средство, снимай ремень.

С: Это еще зачем, надеюсь, не станешь просить отлупить тебя.

К: Снимай-снимай, будем суп варить.

Оба снимают и у Казимира в руке оказываются два широких кожаных ремешка.

К: Попробуем.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Казимир и Северин сидят у костра, на двух рогатинах лежит ветка с котелком, огонь может быть и обычной красной тряпкой, но было бы хорошо, чтоб из котелка уносился пар, можно, например, незаметно подвести

кипятильник либо просто выносить готовый кипяток.

С: Откуда эта идея, чтоб суп из ремня варить, из сказки какой-то?

К: Я слышал, что в блокадном Ленинграде так делали во вторую мировую, девятьсот дней город был в кольце и еды совсем не было, умирали на ходу прямо, почти пол миллиона умерло, с голодухи и вываривали ремни, ботинки, любую кожу, какая была.

С: Веселая сказочка, как раз детям на ночь. Уже и стемнело, уже и звезды видно, а ни одного поезда не проехало в этой дыре, водка кончилась, одно утешение хоть, что звезды здесь красивые, от горизонта до горизонта как бы куполом нависают, сказочные, я бы даже сказал. (внезапно оживляется) О, о! Смотри! Звезда упала! А! Долго так летела, ты видел?!

К: Долго?! (смеется) Успел желание загадать?

С: Казимир, Казимир, слушай, знаю, что это не возможно, даже один раз в августе мы сидели целой компанией и желания у нас были готовы, но никто не успевал загадать ни разу, хоть летели одна за одной, а сейчас, только что, хоть и кричал тебе, но в голове загадал, успел, чтоб поезд поскорее приехал...

К: Это радует, значит скоро приедет. Я как раз тоже о звезде думал, о Вифлеемской звезде, как она появилась, когда Иисус Христос родился, это еще пророки предсказали, а как это? на небе вдруг на пустом месте появляется горящая точка, и длится это одно мгновение, еще быстрее, чем метеорит

сторает, тут не то что желание загадать, даже пикнуть не успеешь, а если этот момент прозевал, то небо для тебя и не изменилось, если ты, конечно, не астроном.

С: Если ты, конечно, не ждешь этого уставившись вверх и не моргая.

Казимир веточкой помешивает в казанке.

С: Готово? Давай уже, я не могу больше терпеть.

К: Я не специалист, но кожа, по-моему, достаточно размякла, даже под веткой надывается.

Казимир снимает котелок и достает ремни, один Северину, другой себе, он откусывает краешек и жует, Северин же грызет, но у него ничего не выходит. Хорошо, чтобы зритель видел отгрызанный край, поэтому лучше его отрезать и пришивать тонкой ниткой перед каждым спектаклем.

С: Мой наверное не доварился, дай твоего попробовать.

К. (протягивает ремень): Приятного аппетита.

С. (откусывая): Фу, какая дрянь, но жевать можно.

К. (эксальтированно): А! Ах! О! Ха-а! (отдышавшись и со смехом) О, Господи, там только что точка мелькнула на горизонте, я на секунду подумал, что звезда родилась, но потом еще одна, это фары, поезд едет, собираемся, твое желание сбывается.

С левой стороны начинают быть слышны отдаленные звуки поезда.

С. (указывая в противоположную сторону): Еще как сбывается, смотри, с другой

стороны тоже едет.

К: Они что, с ума сошли, тут же только одна колея.

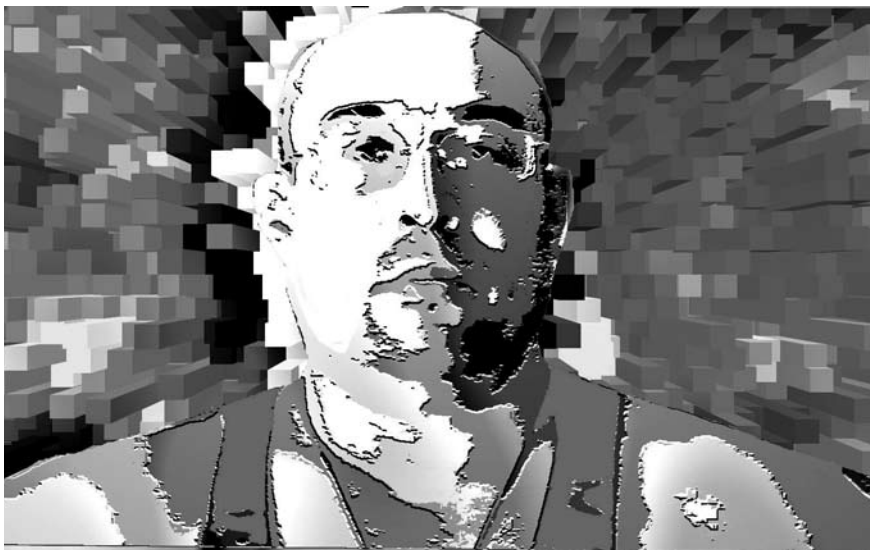
С правой стороны также начинают быть слышны отдаленные звуки поезда. Казимир и Северин лихорадочно мотают головами то вправо, то влево. Звук нарастает и приближается.

С: Это безумие, не может же быть, чтобы оба машиниста уснули, они ведь даже не сигналият, даже не притормаживают совсем. Что это за состязание, еб твою мать!?

К: Ложись! Ложись! Полное затмение!

Казимир обхватывает и валит Северина, сам падая сверху. Совсем уже громкий звук стучащих колес внезапно обрывается оглушительным ударом и скрежетом. Здесь все зависит от возможностей помещения театра, но лучше всего было бы сбросить пыль с потолка над залом. Пыль лучше использовать черную, словно бы один из поездов был товарняк, груженный углем. Ее должно быть достаточно много, чтобы зал начал кашлять, кричать и толкаться, в ограниченной видимости панически убегать, визжа и стоная, таким образом давая зрителю возможность самому озвучить последствия воображаемой катастрофы.





КОНСТАНТИН СКОПЦОВ

В начале своего пути, в 80-х Скопцов шокирует публику на квартирных выставках, на выставках в фойе одесских кинотеатров и Дома культуры Стройгидравлики. Для проведения подобных выставок Одесская художественная школа выдал справку молодому бунтарю о том, что творчество Скопцова необходимо для развития пролетарского искусства. Но одна из выставок Скопцова была разгромлена в связи с выходом постановления КПСС о борьбе с богоискательством и мистикой в искусстве. Но Скопцов не бросает экспериментов в графике и живописи, пишет стихи, захваченный магией Востока пытается создать свою философскую систему... и становится тренером рукопашного боя „Ассоциации боевых искусств Вьетнама”. В конце 80-х Скопцов оказывается в поле зрения галереи ЦДХ «Крымский вал» (Москва). Работы Скопцова попадают на совместные вернисажи „Современная русская живопись” и „Современная русская графика” с легендарными метрами современного искусства: Шемякиным, Зверевым, Крапивницким, Немухиным.... Далее были выставки в Париже и Хельсенки... и снова в Москве, уже нового тысячелетия.

В картинах Скопцов старательно конструирует свой мир используя кодировку символов и образов. Он сознательно искажающий реальные формы, для выражения потусторонних явлений, где реальность лишь повод для поисков и обретений внутреннего опыта, а постоянная трансформация - ход жизни. Одесской публике творчество Скопцова известно по большой персональной выставке в Одесском художественном музее, ряду выставок в частных галереях. Сейчас Скопцов метр живописи - действительный член российско - итальянской академии „Феррони”, представителем Парижской арт ассоциации „Fenix” в Украине, член парижской „Nouvelle Academie Libre”. В первом номере Альманаха представлены новые стихи и новые картины Константина Скопцова.

ВСЛУХ О БЕСПРИЮТНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Я беспомощный крот
В неприютных пространствах любви
На ее бесконечном кольце
Мой конец ппередрешен
Без тебя я - ничто
Я ни цвет и не форма
Ни жара и не холод
Только тепло я тогда
Когда растворяюсь в тебе
Без остатка
Покаянный заблудший бродяга
Я свеча, что завернута в тряпку
Сам я слеп и не свят
И свет никому не дарил
Дорогая, о не многом мечтаю:
 Попрошу возродиться в тебе
Битым камнем
И хрустнувшей веткой
Бездверною дверью
Скрипнувшей петлями в небе

УМЕТЬ ГОВОРИТЬ – «Я ХОЧУ».

Доброе утро , любовь
Ты отделяешь от нас
Пошлости скользкой морщины
Раскинувшей сети
Слов под знамёнами «если»-
«Если б я мог...»
«Если б случилось иначе...»
«Если б увидел пораньше....»

Доброе утро, любовь
Солнце твое « Я могу»
Восходит в озябшей вселенной
Научи нас уметь полюбить
Научи говорить « Я хочу »
Научи выдыхать « я могу»
Научи нас любить
А не спать под табличкой « Любовь»

Я НЕ УВЕРЕН ЧТО ТЫ

Я болен тобой
Моя болезнь достаточно тяжела
Чтобы выдавить из меня чувства
И достаточно невесома
Чтобы растаять снежинкой в небе
Или
Испариной моей горячей кожи
Ты не можешь не быть
В моем сладком бреду
Но если спросишь себя
В чем сущность любви
Подскажу
Прошепчу- утоление жажды которой
Не знать утоленья
спи любовь, спи-
Солнце разбилось о холодную грудь
Миллиардами звездных брызг
Шипучий ветер темен
Он
Сквозь меня
Крадется словно тать
В свинцовость век
Свернувшихся для сна

Кольцом
Льёт ночь
Прохладой струй
На угли тел
С заката мятных трав
В безкрайность губ любимой
Единственный июнь уходит...
Всё в памяти губке
С собой унесу косолапя
По пыльному тракту судьбы

ЕСЛИ ХОЧУ ОТДОХНУТЬ

Путник бредовых стихов
Обитатель дорожных канав
Воевавший под флагом желаний
Отдохну в тени твоих глаз
На счастливом лугу твоих губ
В подземелии снежном ресниц
Будь милосердна к солдату любви
У границ беспредельной печали

ЕСЛИ ХОТЬ КАПЛЯ

Если есть капля любви
Жив ещё человек
Бог мой ! Жив до сих пор !
Как песчинка на пляже
Сердце в пути бережет
Как чужак на перроне столичном
Чемодан из фанеры
В царстве машин сокрушающих дух
Одинаково светлый и тёмный

Бесприютный в дорогах времён
Если есть капля любви всё еще жив
человек

БЕЛЫЕ ХЛОПЬЯ НА АТЛАСНОМ ФОНЕ

Пусть, если мечтаешь о снеге
Вдруг выпадет снег
Первый и чистый
И белые хлопья на фоне атласном
Как природы напрасная хитрость
Запрут литаргию забот
В мороженный колокол гласный.
Пусть поперек всех логических глоток
Мы счастливы будем.
Из слов прощенья построим
Пряное царство свое.
Там,
Где
Руки сплетенными будут,
Властвовать станем,
Как дети в песочнице княжат.
Сквозь труд кучевых облаков,
Сквозь призмы устойчивых граней,
Сквозь будильников ложь
и честную точность туманов
За ледяные ожоги,
За пределы ночных силуэтов,
В памяти чащи глухие
Гроздья любви унесем.
Там закопаем в лесу.
До весны,
Про запас.

А сейчас снегопад,
снегопад, снегопад.

ОЖИДАНИЕ МЁРТВОЙ ВОДЫ

Что жмут меня
И города и рощи
Ты знаешь
Наверно можно было б жить попроще
Не ждать осенний охровый испод
Паденья снега роем мертвых вод
Не ждать
Так уж сложилось
Прости
Хлебом меня не корми
Дай понять
Как строить рай на песке
Шаткий шершавый ребристый
Тот где рот не кривило б в зевке
Тоски от личины уютной
Счастья ты мне не сули слышать дай
Как тополей отлетает душа
В осеннюю дверь убегая
И тайну раскрою тебе – плена она
избежит
Пусть улетает, спешит
Мытарям сам заплачу стертым
оболом своим

ЗА ГРАНИЦЕЙ ДРОЖАЩИХ ТЕНЕЙ

Разбуди себя
А я помогу переступить через плетень

За которым дрожат испуганные
тени всегда спящих
Смело иди вперед
Я пойду рядом с тобой
Наше солнце-Любовь-знамя
Солдат переднего края любви
Наше движенье вровень со скалами
Выше облаков
Мудрее камней на которых лежит
лед вечности
И холод на нашем пути станет
ласковым теплом
Противники чудес никогда не узнают
В какую дверь мы ушли
В какую брешь их скользкой тюрьмы
Вылетят наши сердца
Когда смены светил
Подчеркнут обретенье любви

ДЕНЬ СБРОСИВШИХ ШОРЫ

А я научу тебя мудрости
одиначества вдвоем
Знаешь что это
Это когда времена года вне счета
Когда затопленные леса станут реками
А умершие озера пустынями
Когда мы в ответе только за
сегодняшний день,
День сбросивших шоры ума.

ОН УЖЕ НЕ ЯДОВИТ

Мы уже не толпа
Мы еще на окраине толпы
Но мы уже не сидящие
У ворот
Наши дороги еще туман
Но он уже не ядовит
Он просто обманщик
Просто не видно ног
Впереди нас стерильность желаний
Сзади пыльный император разлук
Мы одолеем этот путь
Потому, что я люблю тебя
Мы в дороге нержавеющей сердец
Если земля набухнет монотонностью
наших шагов
Путь отяжелеет отсутствием наших
планов
Что было вчера в наших саквояжах
Кроме сухих мух и иллюзий
Это все наши достижения
Сегодня о том что было
Нам не надо знать
Есть чистое дыханье в груди
Есть свершение наших сердец
Значит наша любовь вне пределов

НЕ ВЕРЬ ЧТО ТАК ПРОСТО

Не верь когда говорю
Что жизнь поверну
Оборотом ключа
Не верь

Что годы я пью
Не чувствуя вкуса
Не верь
Что крыс я смогу увести так просто
На флейте играя
Не верь
Не верь потому, что
Сильней меня крысы
Набитые туго
И луком и пивом
Не верь что в сердце моем
Половиной живет непогода
Другая зеркально пуста
Не верь, что свободы хочу
От свободы бегу
Что кричу и то крика
Обрушатся стены
Что знаю где лучше кормушки
Где слаще горбушки
Не знаю
Поверь что не знаю

ТЫ ОБЕЩАЛА МНЕ ЖИЗНЬ

Ты обещала мне жизнь
И разрешила не жить
Я омываю лицо
В ласке любимых ладоней
Запах твой смял по щекам
Эхо моих отражений
Лед твоей нежности
Делит меня пополам
На был и на есть
Мне хотелось бы жить

Потихоньку уютно
Закрываясь рукой
От жажды любви
От манерности слов
Чтоб с годами
Все стало спокойней
Книг которых никто не читал
Но не слушай меня
Подари еще грезы
О том что я жив.

ПУСТЬ НЕ СТЫНЕТ ВЕСНА

С тобой хочу не выживать, а жить
Проветрить жабры свежим чистым
ветром
Не спеши меня прогонять
Если нет надо мной ореола
В тумане не видно лица
Не спеши меня жечь
Поверив что стынет весна.
Пусть не вьется пустая дорога
И не быть ледяной простыне
Но когда я уйду
И закрою тяжелые веки
Смертью запахнет твой любимый
цветок

СКОРБНАЯ ЛАМПА РАЗЛУК

Без тебя я лишь
Бутылка из-под жизни,
Плохой ответ на заданный вопрос

За горизонтом буду ждать тебя
За берегом колючей нищеты
На любом отпечатке
Пространства
В ожидании будет ржавчиной
Рот мой томиться.

ПЕТЬ БЕЗЛИКИМ ТЕБЕ

Когда ты весела
Весь мир так легок
Твоё лицо омыто
Потоками зари.
Тогда я жизнь хочу
Даже талую воду вдыхая
Весной вспоминать, что
Право на смерть
Привилегия жизни.
Тобой раствориться хочу
В лазури небес
В облаченьи из камня
Петь безликим,
Быть бесприютным
В тебе.
Губ не пресытить
Твоих
Не спугнуть напряжение счастья
Раздели мою жизнь
Препарируй сомненьем любовь
О проветри меня
Настежь меня распахни
Там добра я немного нажил
Есть желанье, есть звуки, есть цвет
Есть внимательность ласк
И наша мечта начеку.

ВОПЛОЩЕНИЕ СНОВ

Запах вечности - вкус твоих глаз
Боязнь разлуки - свет твоих губ
Если любим мы выше монсард
Наша ненависть глубже подвалов
Я хочу быть счастливым твоим
Воплощением снов
Давай притворятся и дальше
Что не рушится мир
Из сортиров Содома
Станем чем-то одним
Обогреем любовью сердца
Что б не вспомнить о холоде смерти
Заплетёмся в спасительный узел.

ГЕОГРАФИЯ РУК

География рук твоих
Нежность моя без предела
Поцелуй через сотню
Сиротских кварталов
Муравейников логова снов
Мои стихи о тебе
Ветер любви отнесет
Со стерильностью льда и снегов
Нежность милых волос-
Мягкие крылья мнимых свобод
Свежесть кожи твоей-
Запах фарфоровой песни
Ты безоружна со мной -
Разбиваюсь о пряные губы
Как долго шлифуешь меня
О не рожденную ласку

Всех туманов любви
Я разлетаюсь в осколках
Сверканьем опущенных век
Огнем желанья
Я назову тебя
Жизнь.

КРАСТНЫЙ ОГОНЬ ГАСИТ ЧЁРНЫЙ ОГОНЬ

Я хочу
Чтобы
Огонь победил огонь
Чтобы жизнь была широким шагом
Без цепи между лодыжек
Не плаваньем на огни потухших маяков.
Я прошу не многого
Глотка воздуха
Такого
Чистого и светлого.
Чаши наполненной детскими голосами
Еще одну весеннюю тропинку
С тобой, дорогая, делить
Хочу.
Среди удивленных цветов
и внимательных птиц
Не много, а может не мало
Чтобы мир был заполнен
Песней Высокой Любви
А не частушками похоти
Итогом репродуктивных походов
Чтобы сердце мое,
Лишенное кожи
В такт задышало с тоской
уходящего лета.

И еще попрошу,
Дорогая,
Чтоб на лице твоём тени не вили гнездо
Из-за меня, окаянного.
Красный Огонь гасит черный огонь.

ОТСЫРЕВШАЯ РАДОСТЬ

Наши разлуки -долгое восхождение
На пряную грань перевала
Руки и души в ссадинах
Кровь наполняет сердце пополам
с любовью
Мы приручили себя
Но радость побед отсырела
Что мы узнали главное о вершине
То, что она не похожа на морское дно

ЛЮБОВЬ НЕМА ПОКА КРЫЛАТА

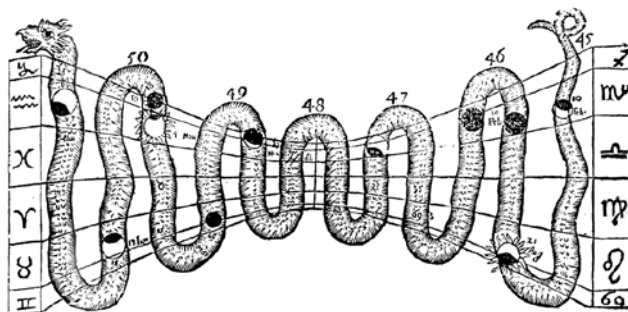
Моя любовь
Бьющаяся о камни рыба
С жабрами полными песка
Моя любовь крылата потому
Что нема
Нема потому, что крылата
Она убегает от жажды но
Ржавчина ей не по вкусу
Ей много не надо лишь
Каплю дождя урони
На раскалённый песок

ЖИТЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЛОГА

Жить любовью хочу
Только тут за пределами слога
У воплощения слов
Неизвестно
О начальственном холоде смерти
Чёрном снеге в сгоревших сугробах
Тут я в любовь погружаюсь
И в спасение верю

С ЛЮБОВЬЮ ВНЕ ЖИЗНИ

Утром вымытый голос
Прозрачен и чист как апрель
Вне Городов Очертаний и Линий
Свежесть желанья живьём вплетена
В причудливом кружеве жизни
О это время надежд без границ
Не взирая на смерти протесты
Несмотря на земные оковы
Это счастье победы любви





ИГОРЬ ЛОСИНСКИЙ

Преподавателей английской литературы в Стране Советов требовалось не так уж и много, и поэтому выпускник Одесского университета решил стать моряком дальнего плавания. Десятилетка круизов, военных рейсов и кругосветных путешествий перемежалась поездками по городам неоглядной нашей бывшей родины вместе с командой КВН весёлых и плодовитых джентльменов ОГУ.

Потом была бурная политическая деятельность в составе толерантного к любым властям Одесского горсовета, сотрудничество с агрессивно-прогрессивной прессой и, по - хорошему, легкомысленным телевидением, организация концертов для народонаселения, авторская работа, сценарии двух карнавалов Юморины. Итогом этих метаний стало членство в Союзе журналистов, Союзе театральных деятелей

Украины, десятки сценариев. Увидела свет книжечка стихов под зацифрованным названием «Тридцать девять и один». Готовится к печати сборник новых переводов ирландского поэта У.Йейтса.

НОТА СИ

цикл

ВАЛЫ

сиреневый огромный май
ворочает валы зелёные
как водится
в три дня воздвигнут рай
с коринфскими древесными колоннами

забытая на даче книга чуть жива
пропитанная сном и одиночеством
теперь её бессмысленно читать
в ней между слов обои ночью корчатся

непредставимо было в феврале
что цвета белого иные есть значения
и что не надо ни о чём жалеть
когда ты молишься цветущих крон
свечению

шагать стараясь тихо в тишине
дарованной безлюдной яркой ночью
ты чувствуешь
как стала чуть длинней
таинственнее жизнь
а путь короче

ПРОЩАЕТСЯ

авось прощается
раз побывал горемыкою
со всяким
всегда случается

были бы мы безликими
если б не страх
и отчаянье

взять и отважиться
уповать на далёкие милости
и тогда не брести
но с важностью
присущей вчерашней бескрылости
шестьствовать
старостью

и взирать с удивлением
на кругом происходящее
и траву
ощутить коленями
под беспокойными тенями
уверовав
в настоящее

зла не припомню я
просто
кем-то из сонмища
в небесных долах и восхолмиях
белых
клубящихся
солнечных
заплутаю
как в теогонии

ОТ ОСТАНОВКИ К ДОМУ

благословенное лето
как в гипнотическом сне

раскачиваются под ветром
кроны
у неба на дне

вдребезги расшибаются
лунного света валы
переливаются
гроздя листвы

подпрыгнуть, схватиться
руку пригнуть
того
кому вдаль торопиться
зачем
если вверх путь

сколько тёплых ладоней
прожилок узор
не утонет
кому суждено в костёр

птичье меццо-сопрано
шуршания глас
поздно
рано
и между ними
сейчас

вечером человечки
после земных трудов
втягивают скоротечность
над головой цветов

становится эпопеей
простых секунд ассорти

самой длинной аллеей
навсегда невозможно уйти

время в мире отмерено
этом
значит и в том
дождь шагает рассеянно
под зелёным зонтом

ЯНТАРЬ

презрели первейшие страхи
разыскивая самок и корм
не ставшие прахом
комахи
застигнутые янтарём

души широким бреднем
ловить ещё некому
плоть
липкою каплей
время
в бессмертие облекло

будет
остаться волея
богов улещать мавсол
но в золотом мавзолее
крохотный богомол

крылья
усики
лапки
глаза

рот
грозная краткость
земных щедрот

в лесах обрели странники
тверди прозрачной край
тщета стараний
насекомый рай

СИМЕИЗ

пыль
мёртвая крепость
бальзамированная травой
струною слепо
звенит зной

после штиля истерика
заждавшаяся жена
на грудь берега
бросается волна

перекликаются
щебет и ровный гул
душе
покаяться
кому

трепещущие маки
ветра след на сосне
бог
каким верить вракам
внутри
вовне

со скал почему-то не страшно
отвесно глядеть вниз
копьё подземного стражника
кипарис

моря полная чаша
тугой аромат
пророчествует чайка
на древний лад

царственное лето
солнца ратная медь
увидеть
это
и лицезреть

я только лишь путник
к дому из темноты
идуций
где ждёшь меня
ты

АЭД

я не выиграю в лотерею
мне не бродить в облаках
суть
потеря
жизни
которая на века

мира избранники
наполеон
александр

слепой странник
о них не написал

и богоравных воителей
вопреки судьбе
небожители
не причисляют к себе

мы в переборчивой памяти
того кто ещё идёт
словами останемся
коль повезёт

обречённая библиотека
ветру послушный аэд
сулят человеку
многая
лет

АВГУСТ

господи
вот он я
в краткости бытия
и что тебе
в бесконечной моей судьбе

я ль это наяву
в светящемся мире плыву
мне ли принять
полночную благодать

путь
над головой

и между мной и тобой
только волна
море и небо без дна

ПОСЛЕ ЭДЕМА

о господи
прости мою печаль
она грехом
считается тобою
хотели мы как ева и адам
своё бессилье
оправдать любовью

горячие цветущие сады
вдвоём
рука в руке
скитанья
и неотвязный привкус суеты
плодов
от дерева познания

оно и вправду было неземным
запретное влечение
конечно
мы вверх смотреть не будем
там иным
уже наверное
дарована безгрешность

разлуку с небом
нам не объяснить
с какою пышностью
наказана беспечность

нелепая
предначертаний пруть
мы оба были
так
недолго
вечны

БЛИЗКО

сентябрь близко
дача
домишко красно-белый
а у хозяйки
как-то не сложилось
безвременье
детей и денег нет
гряда невымытых мисок
она
на лето
отрешилась
чайки
крылом консервы неба
открывают
на юге к сумеркам обед
огромные пунцовые микадо
венчают стол
лапша
хлеб серый
сельдерей и базилик
что ещё надо
да
вот только нервы
нервы
а тут лиман

и волн
накат
захлёб
и мелкота
огромных чаек крик
и главное
закат
открыв калитку
упираешься в светило
бессмысленно стоишь в проёме
тихо
садишься на песок
смотреть финал извечный

вот уж погрузилось
оно
клубясь
исчезло в водоёме
привычно
ухнув
в дно
зелёных вод поток
окрашен синим
лазоревым
лазуревым
индиго
помноженным
на ветер
тени
блики
название
цвету не придумано
обратно
к столу
к негромкому гостеприимству

песчаною тропинкою
трава
соцветье клумб ухоженных
красавица ночная
душица
георгины
пожухлая листва над огневищем
сухие ветки про запас
картина
которую она
художница
напишет

хозяйка есть не начинала
глаза
волны закатной
на плечах сгорела кожа
талантливые руки тонкие в морщинах
вскопать
полить
покрасить
покосилось
дом
который год
не навещал мужчина
такое чувство
что вопрос
пускай не
быть или не быть
но быть зачем
и в этом замке в силе

всё больше об искусстве разговор
запретных много тем
гость не в ударе

не идут слова простые
ветер
сдувает комаров и вздор
визит случаен и его забудут
по-видимому
здесь
всё
так и будет

темнеет
взятые по паре
дверные створки
стрелки
волны
крылья

ковчег
вершины гор
накрыты мелким
вчера ещё
лиманом
одинокий человек
и гость
плывут
и на земле
уже не быть
отливу
и чайки
стаею
крича и суетясь
ветвь долгожданную
не принесут
оливы
и двое будут вечно
порознь

ПЛЫТЬ
таким ИТОГ
представился
для нас

плеск
шорох
плеск
дорога лунная
молчанье
собственная малость
полярной страз
и сигареты свет

жизнь
не преддверье смерти
жизнь
кривое отраженье круговерти
звёзд
заходим и восходим
жизнь
компост
плодоносящие деревья
травы
мальвы
марево
восторг
усталость
лень
не
прек
ра
ща
ю
щее

ся
сегодня
воскресный день

К СЕНТЯБРЮ

это ли ветер в тополях
или они намеренно
запутавшись в своих календарях
прощаются несвоевременно

сентябрь
ещё не принято страдать
грустя по уходящему
но листьям через месяц умирать
не нам
по-настоящему
похолодания
предсказанный приход
дом неказистый
обрамлённый лозами
спроси у кроны
что такое год
и нужно ли бояться
каждой осени

МЕДЛЕННО

ещё недавно переполненный
телами пляж
бутылка пластиковая
лучшее сравненье
легко и расторопно

чувствуется стаж
сентябрь отделил песчинки от
мгновений

и можно было бы сказать
в округе – ни души
но чайка обитает в этом небе сонном
длине разлуки пропорциональна ширь
перечеркнувшего все планы горизонта

сомнительна
необратимость возвращения тех
о ком безлюдье облетевших дач скучает
сквозь тучи лунно проступает текст
и шевеля губами
море медленно читает

ТРАМВАЙ

сомкнулись туч холодные уста
и небу безразличны наши взгляды
на брюках грязь
но с белого листа
жизнь начинать
как листья канут
надо
желток деревьев
серый профиль птиц
на фоне красного кирпичного фасада
мелькание полуобращённых
к окнам лиц
которым ничего за стёклами не надо
спроси
услышишь

так заведено
деревья больше кровь не пьют земную
и чёрно-белым к ночи кажется кино
в котором можно роль сыграть чужую
сюжет насыщен
мужествен и мил
надежду дарит музыка финала
на остановке лужу озарил
трамвай
и осень окончательно настала





ЮРКО ПОКАЛЬЧУК

Покальчука - „Пако ” известен почитателям современной украинской литературы, как культовый писатель, поэт, эссеист, литературный критик, один из отцов украинского постмодерна, автор 22 книг, в числе которых знаменитые: „Те, що на споді”, „Час прекрасний”, „Шабля і стріла”, „Таксі - блюз”, „Окружна дорога”, „Заборонені ігри”.

Он переводил Хемингуэя, Селинджера, Борхеса, Кортасара, Амаду, Киплинга, Рембо... он пел свои песни с рок-группами «Огни большого города» (созданная Ю.Покальчуком) и «Мертвий півень». Он был членом Национального Совета по вопросам телевидения и радиовещания, президентом „Ассоциации украинских писателей”, руководителем множества проектов и общественных организаций.

Вот уже 15 лет Покальчук работает с ребятами из колонии для малолетних на Черниговщине, где „поставил” рукописный литературный журнал “Горизонт”.

ХУЛІГАН ЗАЙЧИК

*“І коли у великого міста спитали –
“Хто це ?”,
воно, зітхнувши, відповіло
“Це моє дитинча!”
В. Гюго “Знедолені”*

Все почалося дуже давно, задовго до того як Зайчик народився. Бо їх було вже п'ятеро у мами, він був шостий, наймолодший, і певний час виростав у родині.

Батько помер, коли Зайчикові було п'ять років. Гульгіпака і бухар - про нього лиш це лишилося в пам'яті та прізвище Зайчук, через яке маленького Сергійка з дитинства охрестили Зайчиком і він й сам себе так називав, бо ніхто ніколи до нього по імені й не звертався – Зайчик та й усе тут.

Мама з Сергійковим батьком одружена не була ніколи, але старша Сергійкова сестра народилась також від того батька, а брати обоє від інших різних батьків. Мама по життю була гулящого норову, хоч при чоловікові так-сяк трималася. Але відколи він помер, мама Тетяна пустилася берега зовсім, гуляла й пила так, що про неї слава розносилась на всю округу, і ночували у неї постійно різні дядьки, кому тільки заманеться.

Здавалося їй перетрашали у селі всі кому не ліньки. Вона ще й досі була гарна і ставна, і як намалюється, і не бухає хоч би день, то виглядала доволі добре попри все її бурхливе життя. Зайчик любив маму, хоч би яка безпутна вона в нього не була, але це була його

мама. Часами він ненавидів її з її п'янками і дядьками в ліжку. Але коли то минало, йому часами хотілося підлащитися до неї пригорнутися, і коли це вдавалося її тепло охоплювало малого Сергійка і він мало не плакав від цього короткого миттєвого щастя.

Кожного ранку вона обіцяла дітям, що все буде інакше і кожного вечора приходила п'яна додому і з якимось мужиком.

Зайчикові щораз більше боліло отаке життя і він вдома намагався не бувати, часом і ночував у когось.

Але врешті по тому всьому маму позбавили батьківських прав і Сергійка із меншою сестрою віддали в інтернат.

В інтернаті Зайчик пробув майже два роки. На літо він їхав у село і всі літні місяці проводив удома – допомагав порядкувати на городі, ловив рибу в озері, ходив із сусідськими пацанами у ліс по гриби і по ягоди. Вдома удень майже не бував, бо нічого хорошого там не було.

Двоє старших братів один за одним пішли до війська. Один вже працював після армії десь у Броварах, а другий ще служив, але аж ніяк не збирався повертатись додому.

Надійшла весна, всі потроху старшали, і якось Андрійко Старченко, найкрутіший у їхньому п'ятому інтернатському класі, коли вони за щось посварились, граючи в футбол, визвірився на Зайчика:

- Ти, ідіоте, як ти граєш! Ти нічого не вмієш, бо ти тупий, і всі знають, що ти байстрюк і козел. І що твоя мама курва, завжди п'яна, і її гилить кожен, хто лиш забажає.

Це була правда, але така болюча, як найгірша кривда, і Сергійко кинувся на вищого і сильнішого Андрія. Найменший на зріст у п'ятому класі, худенький Зайчик мав могутній бійцівський характер і гнів надав йому вдсятеро більше сил. Зайчик так люто гамселив Андрія, що, намагаючись стримати Зайчика, хлопці його вже ледве відтягли, але довго не могли з ним справитись, бо він кидався на всіх і вже бив усіх підряд, а Андрій лежав на землі нерухомо, закривши голову руками.

І коли все стихло і Андрія забрали в поліклініку з побоями і поклали на кілька днів у лікарню, а Зайчика тупо виключили з інтернату. Йому наказали негайно забиратись додому, бо тут в інтернаті такі хулігани не потрібні.

Перед цим директорка влупила Зайчикові кілька разів по щоках, та він лиш трохи закривався руками, але не плакав і весь час мовчав.

Отак Зайчика вигнали з інтернату і перевели в сільську школу, аби жив собі, як хоче, вдома, і там й учився. А тут старша сестра Ліда якраз народила пацанчика від якогось недоростка, який шез із села перед родами, а мама з цього приводу і просто з біди щоденно скандалила.

Настало літо, і Сергійко тепер якось перебивався сам – чи то городиною чи то хтось із пацанів щось із додому приносив поїсти, одне слово влітку легше жити. Аж якось наприкінці літа мама сказала, що далі так не можна і що ще трохи вона тут сама просто

здохне разом із ними, а відтак взяла із собою двох сестер і поїхала до Києва на заробітки, а старшу доньку Ліду з малим і Сергійка оставила в хаті і дала їм на життя поки що двісті гривень.

Вона обіцяла приїхати до села незабаром, але і приїхала лиш через три місяці, і Зайчик з сестрою і малюком ледве не повмирали з голоду.

Літо скінчилося, але восени ще було так-сяк, а взимку їм просто їсти не було чого. На початку грудня Зайчик лазив по своїх і чужих грядках і викопував там що міг. Але єдине їстівне, що лишилося на їхньому городі і на інших, це цибуля, яка примерзла в землі. Зайчик її викопував і вони з Лідою варили ту цибулю і їли, бо більше нічого не було зовсім. Але коли було холодно, і в хаті не було чим топити пічку, то Зайчик збирав по селу різні тріски і палички, аби запахнути у грубу, а уночі пізно лазив до сусідів з відром і крав у них вугілля, аби якось зігріти хату.

Мама якось приїхала і дала їм ще трохи грошей. Зайчик дуже просився поїхати з нею, але вона сказала, що наступного разу, і так вони з сестрою дотягли до весни, але ледве-ледве. І якби не сусіди, які все ж таки давали Сергійковій сестрі молоко, бо в них були корови, і вони жаліли малолітню маму, і так вона могла годувати дитину. Отож вона трохи сама мала, що їсти, і часом Зайчика чимось підгодовували, і так прийшло нове літо.

Прийшла весна, надворі потепліло, але їсти й далі не було чого, і як взагалі жити теж невідомо.

Сергійко і так був маленький на зріст, але трішки підростав і був худий як щепка, але жилистий і живучий. Йому виповнилось дванадцять і хотілося нового цікавого життя.

А довкола була тоска.

Якось він побачив у школі в учительки гроші. Вона щойно дістала зарплату і гроші лежали у неї в сумочці. Марія Василівна була непогана вчителька, але голод не тітка. Зайчик підстеріг, коли вона одвернулась і витягнув гроші з сумочки. Але забрав не всі, бо вчительку було шкода, він узяв сто гривень, і решту поклав назад.

Побіг додому і віддав сестрі вісімдесят гривень – на життя. А собі лишив двадцять гривень – погуляти в своє задоволення.

Сергійкові завжди хотілося бути важливим і авторитетним у пацанів, і щоб саме до нього тягнулись однолітки. Кожному в його віці хочеться простого самоствердження, певне увага інших, особливо ровесників у цьому віці і творить в людині основу її певності і майбутньої життєвої сили.

Зрозуміла річ Зайчик нічого про таке думати не міг. Він жив як рослина чи свійська тварина, просто і бездумно. І так само бездумно хотів отого ствердження себе.

І ось він зустрів серед села по дорозі до магазину трьох своїх однокласників і похвалився, що в нього є трохи бабок. І треба купити цигарок. Бо Зайчик почав крити роки з восьми і нараз вже куриє всерйоз і з задоволенням.

Пацани були старші на рік, а один – майже на два. Почувши про бабки, вони ожи-

вилися, і сказали – малий, ти ні фіга ще не знаєш бо цигарки, то просто гівно порівняно з дечим іншим. А от клей ти коли-небудь нюхав. Зайчик нічого не нюхав крім гівна і сцяків у вбиральні, і так і сказав, сміючись.

Скінчилось тим, що вони купили тубик клею і пластиковий кульок, і Зайчик всадив голову в кульок з клеєм, і трохи боявся, але бачив, як інші то робили, і йому голова пішла колом, і в тілі усе задзвеніло і розлилося задоволенням, і він забалділий сидів хвилину чи дві, поступово відходячи, потім нюхнув ще раз, і зрозумів, в чому тут кайф, і що можна задешево мати кльове життя, отак собі надихаєшся, і все тобі решта трин-трава, як казав останній трахальщик його мами, коли вранці вони з нею похмелялись.

Головне в житті – бухнути, потрахатись і похмелитись – а все решта трин-трава. Він був товстомордий, брусуватий і веселий алкаш. Зайчик до нього ставився непогано, бо цей фраєр крім горілки часто до хати приносив якийсь хавчик, і можна було з ним пожувати якоїсь ковбаси з хлібом, а часом навіть і цукерку дістати.

Але він десь щез одного разу, хтось казав, що його посадили, і мама скоро по тому подалась у Київ, і далі отака от фігня почалася з Зайчиком.

Забалділий від клею Зайчик зрозумів, що почалося в нього нове життя. Це була правда, про яку він насправді не здогадувався, бо з цієї хвилини і почалися його пригоди в різних містах.

Пацани запропонували Зайчикові поїха-

ти в Одесу, це насправді зовсім недалеко, а там море, покупатися, подивитись на світ.

Зайчик радісно погодився, він ніколи не був на морі, хоч туди всього з його села було всього кілометрів сорок, і експедиція рушила в похід.

Зайчик купив на свої гроші ще два тюбики клею, пляшку солодкої води, хліба, сиру і вони учотирьох пішли в напрямку Одеси пішки. Зупинився біля них автобус і вони хотіли сісти в нього, але грошей у них на квитки не було, і як вони не благали, шофер їх в автобус не впустив. Вони його добряче обматюкали за це, і рушили далі пішки. Простували отак кілометрів із сім по залізничних рейках, аж доки не дісталися маленького села, через яке проходила залізниця. Тут вирішили розділитися, і просити в людей поїсти по одному, бо усім разом ніхто нічого не дасть.

Зайчик вибрав собі хату, яка йому здалася найприступнішою, зайшов у хвіртку, постукав у двері, і вийшла огрядна приемна тітка. Зайчикові було трохи соромно, бо тут він вперше у житті просив когось стороннього дати йому поїсти. Жінка виявилась уже добра, вона винесла Зайчикові десь із літру молока, яблук і хліба, і Зайчик швидко поїв, бо був таки дуже голодний. Потім, наситившись, чемно подякував гостинній тіточці і пішов далі вперед по залізничній колії і врешті прийшов до якогось вокзалу. А там якраз сиділи на лавці перед вокзалом оті пацани, з якими він вибрався із села у мандри. Напрямок на Маріуполь у всіх виявився незмінним.

Вони зачекали, поки приїхала електричка, яка йшла до Одеси, сіли в неї і поїхали. Зморений дорогою, все ще переварюючи те, що він з"в у селі в тієї жінки, Зайчик заснув і прокинувся через те, що його будили менти. Вони з підозрою спитали Зайчика : “Де ти живеш ?”, але Зайчик був завжди не промах у таких справах, і з ходу придумав адресу і виголосив її чітко і впевнено, і йому повірили. Зайчик подумав, що напевне тому що він був чисто і охайно вдягнений.

Пацанів, з якими Зайчик їхав до Одеси, ніде не було видно, вони напевно побачили, що Зайчика будять менти і відразу утекли.

Але ось електричка прибула до Одеси. Було доволі пізно.

Зайчик вийшов з електрички, глянув на годинник, що висів над приміщенням вокзалу, було рівно дванадцять. Глупа ніч. Зайчик запитав у перехожого дорогу до моря, і той сказав - там, зразу за цим будинком іди, іди і так і прийдеш до моря.

Коли Зайчик побачив нічне море, він якось страшенно зрадів і просто побіг до води чимдуж. Підбігши до моря, він торкнувся води і спробував її на смак чи вона справді солена, і переконався, що так. А море було зараз темне і таємниче. і суворе, але Зайчика воно зовсім не страшило, а навпаки дуже вабило.

Зайчик вернувся ближче до вулиці і попросив у когось, хто йшов із цигаркою, припалити цигарку, і сів на березі понічного моря, і дивився на хвилі, що повільно але впевнено одна за одною заповзали на берег і знову від-

кочувались назад, кутив, і радів морю.

Зайчик розумів, що ось він перший раз у своєму житті побачив море, і ніби найшло на нього, що ось щось нове із ним сталося – він побачив море. І його переповнила радість як рідко коли, і це було його нечасте маленьке щастя.

Але Зайчик був змучений дорогою і різними подорожніми переживаннями, і захотів спати.

Він знайшов на березі моря якусь ніби вагонетку, що перекинута лежала на боці, заліз у неї, у кутку, там валялось якесь ганчір'я і газети, от на них він й улігся, згорнувшись майже в клубок, як песик, і заснув. Зайчик прокинувся дуже рано, бо трохи замерз, але як вже отямився, то виявилось, що його дико мучить голод. Він був такий голодний, що навіть казав собі, що зараз готовий з'їсти цілого бика. Треба було щось робити!

У нього були з собою сірники, і це вже давало якусь надію.



Зайчик вийшов з вагонетки на повітря і побачив просто перед собою море. Воно було чудове! Таке велике, ніби безмежне, таке чисте, таке от... приємне. Зайчикові бракувало слів для висловлення своїх почуттів навіть самому собі. І він думав – море таке класне, ну, таке кльове, таке прикольне.... приємне. Зайчик полюбив море.

Але було ще щось цікаве на березі. Під час невеликого нічного шторму море викинуло на пісок чимало креветок які і вони так і не змогли більше дістатись води. . Загалом море було недалеко від їхнього села – до Одеси всього чотири години автобусом, і в інтернаті кілька разів їм давали суп із креветок, і що воно таке креветки Зайчик добре тямив. Це було щось, це була їжа. Голодний Зайчик кинувся на промисли і швидко знайшов порожню консервну банку. Він назбирав у цю банку креветок, набрав туди морської води, розпалив багаття, знайшов ціпок, мотузкою прив'язав банку на ціпок, і так зварив креветки.

Зайчик поїв отих смажених креветок і відчув, що коли хоч чимось набив живота, то можна вже перевести подих і думати про щось інше.

Почало припікати сонце. Зайчик роздягся до трусів, і підставив своє тіло сонцю і задрімав.

Прокинувся він від того, що хтось його штурхонув ногою в бік і доволі боляче

Коли він розплющив очі, то побачив біля себе отих своїх однокласників, які й підмагнули його їхати до Одеси.

- Гей, малий, давай сюди клей, я знаю, що в тебе ще є, – сказав Вітько, найстарший, йому вже було чотирнадцять.

- Чого це раптом я маю тобі щось давати, - огризнувся Зайчик і почав швидко при цьому вдягатися. Але устиг лиш натягнути штани і підвестися.

Вітько сильно штовхнув його і Зайчик, не втримавши рівноваги, упав на пісок.

- Або ти даєш клей, або зараз таких мандюлів дістанеш, що запам'ятаєш надовго. – це вже втрутився Петька, йому тринадцять.

- Нічого я вам не дам, бо в мене нічого нема.

Зайчик знаючи вже трохи життя, і всякі такі штуки, які стаються з несподіванки і для неприготованого погано закінчуються, з вечора приховав клей і сигарети в надійному місці.

Хлопці, його колишні приятелі і однокласники, кинулись утрюх його гамселити куди попало. Зайчик був маленький і худий, і швидко впав на землю, і лиш закривався від них.

Але тут несподівано прийшов рятунок.

Якісь місцеві хлопці прийшли на пляж і побачили, як троє старших пацанів б'ють зовсім малого, і визвірились на напасників, заступившись за Зайчика, а тих прогнали, то по ходу бійки ще й вліпили кому змогли, поки ті не потікали геть.

Оці одеські пацани, виявилось були дуже кльові і Зайчик їм дуже сподобався і вони вирішили ним заопікуватись, і вони Зайчи-

кові теж дуже сподобались.

Зайчик розповів їм, як усе було і що з ним трапилось, і один із них, на два роки старший за Зайчика, уподобав його особливо, і відвів убік і спитав: “Хочеш у мене жити ?”

Зайчик відповів, що хоче. Артем привів Зайчика до себе додому і познайомив з мамою і батьком, і ще в нього був менший братик. Зайчик прожив у них два дні. Потім Артемів батько відвів Зайчика в притулок і там домовився з директором, щоби Зайчик ночував у притулку, а вдень у них будинку.

Зайчик прожив отак кілька місяців. Він дуже старався, аби подобатись Артемовим батькам. Зайчик прибирав у хаті, ходив у магазин, одне слово був помічний і слухняний. І вийшло так, що Артемова мама дуже любила Зайчика, і згодом почало скидатись на те, що вона любить Зайчика ніби більше ніж свого сина, бо весь час ставила йому Зайчика в приклад.

Але Артема одного разу все це так вкурвило, що він продумав план, як позбавитись Зайчика, якого насправді раптом дико заревнував до своїх батьків.

Отож якось Артем украв удома двісті гривень, і з них дав Зайчикові сто гривень, і сказав, щоб Зайчик більше до нього додому не повертався.

Зайчик зрозумів, що подумують, звичайно, на нього і що Артем круто все продумав, і тепер Зайчикові до Артемового дому нема вороття.

Зайчик поїхав на вокзал, почекав поки приїхала електричка, сів і поїхав. Куди-не-

будь. Він заснув в електричці, прокинувся, вийшов, і збагнув, куди він приїхав. Зайчик приїхав у Миколаїв, і важко собі уявити, кого він побачив на вокзалі? Отих своїх однокласників, що потягнули його в Одесу на море, і потім там побили.

Зайчик злякався зустрічі з ними, й утік з вокзалу. Він сів у трамвай, це була “одничка”, і поїхав кудись, потім пересів у тролейбус, ще проїхав кілька зупинок, а потім вийшов просто десь. Проїшовши по вулиці трохи вперед, біля світлофора він побачив пацана, який просив у перехожих гроші. Зайчик підкликав його до себе і запитав: “Ти не знаєш, де тут продається клей?”

Пацан сказав що знає, і вони вже удвох поїхали за клеєм. Потім той хлопець запропонував Зайчику запропонував жити в якійсь квартирі, тільки треба платити за день 10 грн. І там можна дихати клеєм.

Зайчик спершу думав, що він його дурить, але виявилось потім, що це правда. Трой пацан, його звали Серьога, привів Зайчика у квартиру, а там жили: Маша, Юра, ще один Юра, Іра, бабуся і Серьога, і ще один пацан, і чийсь батьки, але не Серьожині, а когось ще іншого.

Це було знову інше життя. Зайчик був меткий і прудкий, і швидко пристосувався до нових обставин. Він побачив, як тут, у цій квартирі живуть її мешканці і зрозумів, що і як тут можна робити і що не можна. Він блукав вулицями і просив у мимохідців гроші, також збирав порожні пляшки і здавав їх – теж була копійчина. Але тепер на ці гроші

Зайчик купував не тільки поїсти але й клей. Поївши і нанюхавшись клею він засинав у пів маренні, яке після довгих голодних років раннього дитинства здавалося йому майже райським задоволенням.

Але надходив ранок, і треба було знову боротися з життям – хто кого, а точніше просто за виживання. Минуло десь із тиждень і потім господарка квартири, мама Серьожі, який привів Зайчика у цю квартиру і його молодшого брата Юри, уподобала дрібненького і симпатичного Зайчика і одного разу взяла з собою на допомогу в своїй роботі. Вона працювала Пол ремонту квартири і потроху навчила Зайчика штукатурити стіни і білити. Зайчик працював, отримував на місяць дев'яносто гривень, десять віддавав за квартиру, а на решту можна було собі дещо дозволити. І так минув деякий час. зо два місяці.

Але Зайчикові з часом набридло одноманітність такого побуту. Оклигав трохи, призвичаївся, і почав знайомитись з іншими хлопцями. Просто на вулиці він познайомився з таким собі Колею, з яким вони геть зразу подружились, вмить сподобались один одному. Коля сказав Зайчику, що він йому покаже інше життя, і повіз його на критий ринок, там познайомив зі своїми друзями, які влаштували на ринку собі нічку, в якій і жили. Зайчик лишився з ними, нове життя обіцяло бути ще цікавішим ніж раніше.

Але на ринку Зайчик пробув усього кілька днів. Під час міліцейської облави його схопили менти, і оскільки він не міг нічого

сказати про те, де він живе і де його батьки і рідні, то його направили в притулок для неповнолітніх безпритульних. І раптом Зайчик зустрічає там свого може на той час кращого друга Генку Сомова, з яким вони разом були і в інтернаті, і були знайомі ще й до інтернату, з самого дитинства, з першого класу школи. Вони обидва дуже зраділи зустрічі, і коли почали рахувати, то вийшло, що знайомі вони сім років, а їм обом зараз було майже по тринадцять, отже це вийшло більше ніж їхні півжиття.

Генка познайомив Зайчика з усіма в притулку, зразу стало весело і кльово. Минуло кілька днів і Зайчик з Генкою утекли з притулку.

Вільне життя, хоч часами й голодне, було насправді дуже прикольне, ніхто тобою не командував, ніхто тебе нічого не заставляв робити. Живеш собі, як хочеш, треба надбати щось їсти, і знайти якусь розвагу, приколотись десь, і це все.

Генка вже багато чого знав тут у місті. Спочатку він привіз Зайчика на гілку. Це була трамвайна зупинка і там стояли лавочки, і на них збиралися пацани, тут були тільки всі свої, такі, що не жили вдома, а тусувались тут по всяких справах. Генка познайомив Зайчика з цими пацанами, і вони вирішили його взяти з собою.

Генка завів Зайчика на ничку, де жила ця компанія. Пацани всі були там трохи старші і більші ніж Зайчик. Їх було п'ятеро. Минуло кілька днів, аж ось вони дістали десь немалі бабки, купили дві пляшки горілки і ще яко-

гось жертя, і з ними прийшла ще тьолка, така собі ніби нічого з виду, чорнява, теж років чотирнадцять чи п'ятнадцять Хлопці бухнули, і вона з ними теж.

Потім вони почали роздягати тьолку, і вона ніяк не заперечувала і тільки хіхікала, і врешті гола розляглась на матраці і розставила ноги.

Вовка був найстарший і найбільший, він став перед нею на коліна і розстібнув штани і спустив їх до колін, у нього вже стрижень стирчав мало не до підборіддя, і він трохи наслинивши, запихнув його дівці в піхву і всі на це дивились і сміялись, - ну давай, давай!

Зайчик досі такого ніколи не бачив, але вигляд голої дівки і трахання збудив його так, що в нього теж вже був крутий стояк і стручок його аж шкварчав, так йому хотілося теж спробувати того, що робив Вовка, який вже застогнав і засмикався на дівці, і за кілька конвульсивних рухів вже виліз з неї і скинув гандон, повний сперми.

А за ним вже лягав на бабу Колян, а потім і всі інші, і навіть Генка, хоч був і малий, але все ж майже на рік старший ніж Зайчик, і значно вищий на зріст.

Зайчик дивився, як Генка трахається і серце його колотилося як скажене.

І коли Генка засмикався і застогнав, і лежав мить на тьолці, а потім зліз і теж викинув гандон із спермою, то Зайчик пішов і собі туди до тьолки і попросив у когось гандон, аби все робити, як інші.

Але пацани вже випили другу пляшку горілки і почали реготати, що Зайчик хоче

трахатися, і Зайчик образився, але вони реготали ще більше, і тьолка вже трохи вдяглася і сіла з ними, їй лишили горілки, вона бухнула і теж кпила із Зайчика, що він з таким пісюном вже хоче на бабу лізти, ще треба його пісюнові підрости хоч на сантиметр, щоби він був схожий на чоловічий член, а Зайчикові на п'ять сантиметрів, щоби він став схожий на пацана, який може на дівку лізти.

Вони вирішили зробити дослідження і з'ясувати, який у Зайчика насправді завеликий стрючок.

Зайчик хотів утекти, але не тут то було.

Його схопили, і почали роздягати, і він пручався, як міг, але його таки роздягли до гола, і тримали за руки і за ноги і реготали, бо в Зайчика ще й волосся не росло в паху, і його кінець був зовсім маленький. Зайчикові було прикро до сліз, він не плакав, тільки тому, що це ще більше би їх розвеселило.

Потім пацани почали із Зайчика тягтися як тільки могли. Вони мали собі розвагу і як уже почали, то радісно знущалися над ним.

Врешті Зайчика голого лишили в спокої, але в когось виникла геніальна ідея, як продовжити кпини над Зайчиком. І вони засипали Зайчикові в труси скловати, і він не міг одягти навіть труси і сидів голий, а тоді вони насипали скловати у всі Зайчикові речі, і він нічого не міг вдягти і сидів у кутку голий, поки вони не втомилися і їм усе не набридло і вони позасинали. І Зайчик теж заснув, як був.

Він прокинувся раніше всіх, бо замерз. Було вже не так то й рано, але всі спали, бо вчора бухали і трахались, і тепер відсипались

Зайчик не міг нічого вдягти зі своїх речей, то він усі речі кинув, а знайшов там у ничці якесь старе пальто, одяг його на голе тіло і поїхав на трамваї у місто на гілку, де всі часом збиралися і де було повно кіосків і барів. Він сів під барною стійкою на вулиці, і сидів мовчки, не знаючи, що робити далі. Було дуже спекотно на вулиці, але Зайчик сидів у пальто. Його побачила якесь тітка з бару, покликала у бар, і запитала Зайчика, що з ним сталося. Він їй усе розповів, а вона сказала: "Прийдеш завтра, я тобі принесу якийсь одяг". Вона дала Зайчикові трохи



їсти, і він не мав, що діяти, як тільки спати і чекати іншого дня. Куди дітися він теж не мав.

Отож, тихенько він заліз на дах бару, і проліз поміж дахом і самою стелею бара, де був вбудований кондиціонер, і валялися ще якісь лахи. Зайчик знайшов там порваний намет, наклав на нього кондиціонер, щоб не так шуміло, поскладав разом те шмаття, і влігся туди спати,

Там насправді було так спекотно, що Зайчик ледве заснув. Наступного ранку він прокинувся, і прийшов у своєму пальто на голе тіло до тієї тітки в бар, і вона справді принесла Зайчикові одяг. Зайчик переодягся, і ця жінка запропонувала Зайчикові, щоби він в неї працював. Він запитав, а що треба робити, і вона сказала:” Збирати келихи зі столиків і протирати столи, я буду платити тобі десять гривень у день і давати два літри пива’.

Зайчик погодився, і працював у неї близько дев’яти місяців, а жив на даху біля кондиціонера, але потім його забрали підпального менти і відвезли в притулок. Він просидів там два місяці, потім ввійшов у довіру до вихователів, виходив сам у відкритий двір, просив сигарети, а потім написав листа до бабусі, питаючи, чи вона знає, де живе його мама, і якщо знає, то щоб написала Зайчикові її адресу. Зайчик написав цього листа і чекав після цього свого листа у притулку ще три тижні, та відповідь не приходила.

Відчай змушує робити помилки усіх. Зайчик утік з притулку а через дві години за ним туди приїхала його мама.

Зайчик про таке, певна річ, не здогадувався, навіть не підозрював, що вона може приїхати, і втікши з притулку, поїхав на вокзал, купив води без сиропу і сказав голосно і тягуче на цілий вокзал : ”фу... яке лайно!”, - така була ця вода не смачна. Викинув паперовий кухлик, закурив сигарету, і стояв отак на вокзалі, не знаючи, що робити далі, куди податись. Стояв отак тупо і стояв, сам не знаючи чому. І раптом прислухався - чує, дуже

лунко каблуки жіночі стукають, він однак не звернув на це особливої уваги, навіть не повернувся, а тут його хтось за плече - цап ! Зайчик подумав, ну все, мене знов схопили!

Повертається, а позаду стоїть його мама і плаче. Зайчик теж заплакав. Потім вони з мамою сіли на автобус і поїхали до Києва.

Але й тепер це було ненадовго!

Коли Зайчик з мамою приїхали у Київ, Зайчика зустрічала сестра, потім Зайчик з мамою поїхав на Хрещатик до дядька, він працював на метробуді, він відвіз Зайчика додому, а мама залишилася на своїй роботі, вона торгувала сумками. Дядько привіз Зайчика на вулицю Гната Юри, він там побачив своїх сестер, одна сестра познайомила Зайчика потім з дівчинкою Галкою.

По ній не було видно, скільки їй років, вона була невисока і струнка. Зайчику вона сподобалась, особливо в неї було дуже гарне біляве волосся. Він цій дівчинці запропонував зустрічатися, їй було шістнадцять, а Зайчику тринадцять. Галка погодилась і вони пішли увечері гуляти, Потім увечері в під’їзді почали цілуватися, Власне вона сама все починала Зайчик радо піддавався її науці, і від доторку їхніх язиків у нього почалася революція між ногами і він приснувся до Галки усім тілом і вона відчула його напружений кінець і теж притискалась до нього зі всіх сил. Врешті вони домовились, що Зайчик прийде до неї додому вранці, коли батьків не буде, бо вони вранці йдуть на роботу, а в школі зараза канікули, отже вона сама вдома. Галка жила поверхом нижче. Зайчик помчав до неї

щойно продер очі. Вона ще спала. І вийшла до нього сонна, в якомусь халаті. На Зайчика подивилась здивовано, ніби й забула про домовленість, Але він ухопив її в обійми і почав цілувати взасос, і вона затремтіла і халат розкрився і вона була гола під халатом. У Зайчика шалено забилося серце, А Галка закрилась халатом знову і пішла в кімнату.

- А я тобі подобаюсь? – спитала вона Зайчика.

- Дуже ти мені подобаєшся, дуже!!!

Галка поточилась і лягла спиною на ліжку, не відпускаючи з обіймів Зайчика, який так і повалився просто на неї. Вони почали знову цілуватися, і за мить Галка намацала виструнченого бійця у Зайчика між ногами, схопила його і кілька разів притиснула в кулаці, а тоді і полізла до нього в ширінку, і Зайчик підвівся, щоби розпустити пояс і оголитися, а оскільки був вже більш ніж готовий до справи, то Галка потягла його на себе і спрямувала його коника в свою стайню. Він увійшов легко і радісно, і замлів від задоволення. Такого ще Зайчик ніколи не відчував, цілий світ йому перевернувся від насолоди, і він заходився робити те, що природою закладено в кожному і чому не обов'язково вчитися, і так будеш рухатися як треба. Зайчик щоправда бачив, як це роблять інші. Але що тут замудрого! Вдалося.

Отак Зайчик перший раз у житті потрахався. Задоволення дістав. Але без сперми, в нього ще не було чоловічого насіння. Однак це не завадило йому залізти на Галку ще раз. Тоді він втомився і вони обоє заснули.

З Галкою вони тепер проводили багато часу разом. Ходили гуляти, в кіно і таке інше. Але трахались майже кожного дня. Галка не вчора народилась і в неї були свої друзі приятельки, її віку, старші з ніж Зайчик.

І хтось бо її колись і трахав до Зайчика.

Якось увечері до Зайчика пристібались сусідські пацани, майже його віку, їх було троє, з вимогою, щоби Зайчик не чіплявся до Галки.

У Зайчика такі слова викликали просто шалену лютю і він кинувся на того, хто виставляв вимоги, і так його відметелив, що той утік разом з іншими. Зайчик попередив усіх, щоби ніхто більше не ліз до його дівки.

Але все так просто не буває. Ображені потім на Зайчика закликали старших пацанів і вони якось увечері перестріли Зайчика одного і дали Зайчику хороших піндюлів.

Час минав швидко. І якось на Троєщинському ринку, де Зайчик гуляв із Галкою, він зустрів дядька Семена.

Дядько Семен Зайчикові насправді був ніякий не дядько. Це Зайчик так його назвав і так пояснював про нього своїм кентам. Просто Семен колись зустрічався з його сестрою, вони так і не одружились, але жили якийсь короткий час разом.

Семен сам впізнав Зайчика. Бо малий його просто не помітив. А Семен його підкликав, нагадав про себе. І запросив прийти до нього в гості. Він мешкав тут же на Троєщині. Семен був гарно вдягнений, з дорогою мобількою, але якийсь ніби “потеряний”, як казав Сопля, який був разом із Зайчиком і

Галкою, коли його покликав Семен.

-Трохи дивний штрих, - сказав Сопля. Йому було п'ятнадцять і він жив тут на ринку вже три роки.- Може він хоче тебе трахнути.

- Ти що дурак? - обілівся Зайчик.

- Та ти не психуй, а подумай. Штрих явно з бабками і немалими. Вже буде круто – пожереш там, щось зачепиш в кишеню і все тут.

- А якщо...

- Ну ти, Заєць, ще малий. У нас просто нічка інша. Ми живемо за те, що вкрадемо. А повно пацанів дають отаким мужикам за бабки не тільки відлекати, а навіть між булки собі вставити. Скільки там того всього, ще й кайф, а бабки за це, особливо у такого багатенького штриха, можна зняти дуже нехерові..

- Так, досить про це. А то ти вже мою жопу продаєш, мене не спитавши. Іди он сам підстався...

- Так мене ж не запрошують. А я би не розгубився з ним...

- Досить!!! – Зайчикові вже урвався терпець.

Сопля замовк. За Зайчиком водилося, що коли розпсихується, то стає, як скажений і краще його не чіпати.

Зайчик не раз вертався думками до тієї розмови з Соплею, але якось таки прийшов до цього Семена, спершу подзвонивши і переконавшись, що той хоче його бачити, і тут почалася ще одна непроста сторінка з життєвого перебігу Зайчика.

На той час Зайчик вже давно повівся з дому, якщо можна це так назвати, він пожив трохи з мамою і сестрами, вони наймали кімнату в Бучі, але все було як колись – п'янки і траходром. Може не так відбувалось усе просто і круто, як колись на селі. Бо ж умови життя тут були інші. Квартира була маленька і всі діти вже попідростали. Але це було так само гидко. І одного разу Зайчик подався з дому.

Якось, ще коли жив з мамою, Зайчик вибрався на Троєщину на ринок, там теж познайомився з пацанами, які бомжували на ринку. Зайчик з ними якось швидко подружився, і вони почали щодня зустрічатися і потім Зайчик перебрався до них на “нічку”, яка містилася в одному з порожніх торгових контейнерів. Там було дуже класно - матраци, телевізор, магнітофон, і так далі, все, що треба для життя. Сторож знав, що пацани тут живуть, але йому платили і він робив вигляд, що про них не знає.

З цими пацанами Зайчик почав потроху красти на ринку, що де погано лежить, або випрошував гроші у когось, і надвечір всі скидались – хто що може – головним чином на клей, хавчик і горілку. Тут Зайчик вперше напився горілки і йому було зле, а пацани з нього тяглися. Після того він більше любив пиво, хоч і горілку часом пив за компанію з усіма.

А тоді одного разу його зловили як малолітнього бомжа, та ще й вочевидь підплого, менти і забрали у дитячий притулок, тут же на Троєщині. Там вже був його друг

Серий із Троєщинського ринку, і важко уявити собі, кого там Зайчик побачив! Це була саме та дівчина, яка не раз снилася йому уві сні, і Зайчик відразу в неї закохався. Її звали Яна, вона теж бомжувала. А сама була родом із Житомира, звідки і втекла з дому у Київ.. Він дивився на неї і не міг надивитися, просто не міг відвести погляду.

У нього була зникана пачка сигарет, і він пішов на туалет покурити, а вона пішла за ним, підійшла ближче, свою ногу поставила між його ніг і попросила: “Залиш покурити”.

Зайчикові аж в горлі пересохло, він хрипко сказав – “Залишу”, потім дав їй курити і поки вона курила, дивився на неї, знову не відриваючи очей, і коли вона докрила, підійшов до неї і вони почали цілуватися і зажиматися з усіх сил, як психи. А тут в туалет зайшов і усю цю картину побачив Вова, а він з нею зустрічався, він почав її просто при Зайчикові обсирати словами, говорити на неї, що вона блядь і падло.

Вова кричав на неї: “Стерва, я тебе вночі обісцю!”

Зайчик не витримав, і дав йому пару раз по голові, Вова втік. А тоді Зайчик майже офіційно запропонував Яні з ним зустрічатися, і вона погодилася. Зайчик її поцілував знову, тепер лагідно і ніжно, і сам собі не вірив, сам себе не пізнавав ставалося щось несподівано велике і світле... У нього в душі було таке відчуття від ставлення до цієї дівчини, від несподівано шаленого захоплення нею, якого він ніколи не знав. Зайчик і уявити собі не міг, що таке з людиною буває, бо

раніше з ним ніколи нічого схожого не траплялося.

Отак Зайчик спізнав, що таке кохання.

Але через кілька днів Яну забрали з Троєщинського притулку і повезли у Житомир, бо вона сама родом звідтіля. Там її мали помістити також у дитячий притулок. Перед відїздом вона сказала Зайчикові, що приїде щонайбільш через три дні на Оболонь, бо Зайчик дав їй адресу тієї квартири, яку вони з усією бригадою найняли в складчину.

Зайчик безумно закохався в Яну. Він її так любив, що повірив їй, що й вона його любить і що в них це буде усе наступне життя. Він був щасливий, що так її любить, але глибоко страждав зараз від того, що її в нього її забрали.

Зайчику почував себе так, начебто в нього забрали половину серця. Так він про себе думав, і мучився від розлуки страшенно. Він почував зараз, що без неї не може жити, просто не хоче жити. Зайчик так страждав цілий день .Він думав ,що може ніколи в житті її більше не побачить.

І надвечір розбив у туалеті вікно, і осколками скла почав різати собі вени. Хтось із пацанів побачив його закривавленого в туалеті, піднявся гвалт, і Зайчика ледве притомного перев'язали і перевели в мед відділ, себто в групу, де лежать хворі.

На третій день він утік з притулку, спустившись із другого поверху по водозбірній трубі. Зайчик приїхав на Оболонь, на ту квартиру, яку вони найняли з пацанами приїхав на Оболонь, і почав чекати Яну. Він че-

кав її ще два дні, а потім вирішив, що вона його надуріла. І ніколи до нього не приїде.

Він поїхав до дядька Семена. З Семеном його зв'язували тепер дивні стосунки.

Коли він до нього прийшов уперше, той дуже зрадив і вони провели чудовий вечір удвох. Семен поїхав з ним на Хрещатик, у “Глобус” і за півгодини купив Зайчикові нову одягу і кросівки, Зайчик зразу переодягся в туалеті, а потім вони пішли вечеряти в ресторан, а потім поїхали до Семена додому. Зайчик вперше пив віскі і курих дорогі цигарки. Врешті оп'янів і захотів спати.

Що відбувалося далі Зайчик пам'ятав не виразно, але прокинувся у ліжку поруч з Семеном, голий. Він вислизнув з ліжка, натягнув труси і пішов на кухню. Запалив цигарку і почав згадувати, що відбувалося вночі.

Нічого особливого, але...

- Доброго ранку!

При дверях на кухню стояв Семен в халаті і дивився на нього.

Він був доволі симпатичний, високий, білявий, тільки обличчя в нього було таке, ніби трохи увігнуте всередину.

Зайчик усміхнувся і відповів “Доброго ранку!” Семен підійшов і обійняв його, і притиснув до себе. І раптом Зайчикові здалося, що ніхто ніколи його так не обіймав і що цей дядько, років йому було трохи десь за тридцять, найкраще ставиться до нього може зі всіх на світі людей. І він обійняв Семена також.

Будь що буде.

Семен обіцяв Зайчикові золоті гори,

якщо він буде у нього жити, У Зайчика тепер буде все, що він забажає.

Семен купив йому мобільний телефон і дав грошей, вони їздили по місту на Семеновому “Лендровері” і Зайчик почував себе круто і впевнено.

Він прожив у Семена кілька днів, а потім повернувся назад на свою нічку. Йому стало нудно без своєї компанії, вранці кожен прокидався сам по собі був вільний робити, що хоче. Тут ніхто ніколи ніким не командував. Своя рука – владика.

І щастя абсолютної свободи, хоч і голодної, виявилось вагомим ніж щасливе і сите життя у золотій клітці.

Він появлявся у Семена час від часу, брав у нього гроші, ночував, часом жив по кілька днів, бо Семен був неодружений, а потім знову тікав на свободу до своїх кентів на квартиру на Оболоні, тим більше, що Семен часто бував у відрядженнях.

Зайчик якимось навіть поїхав із Семеном у Крим і вони прожили там десять днів разом, а в Семена була ще й своя яхта. Це було суперкруто, зайчик кайфував, як ніколи. Семен мав чимало грошей, заробляв добряче, казав Зайчику, що займається жіночими модами і наймає дівчат для показів модної одягу. Одне слово, був крутий штрих і довкола нього було повно дівчат.

Навіщо йому був Зайчик, незрозуміло.

Але виглядало так, що Зайчика він справді полюбив і попускав йому у всьому, аби лиш Зайчик був з ним.

Семен таки колись зустрічався з його

сестрою, вони так і не одружились, але жили певний час разом, і хоч Зайчикова сестра десь поділася з його життя, і Зайчик його трикімнатної квартири попри всю її крутизну, не тримався, він Зайчиком потрохи опікувався і далі, і час від часу робив йому подарунки. Але Зайчик тікав.

Зайчик любив свободу. Але закохався в Яну і втратив смак життя, страждаючи від неподіленого кохання. Тепер він поїхав до Семена, узяв у нього сто гривень і приїхав назад. Треба було подбати про їжу. Він купив три кілограми картоплі, яєць, хліба, вісім великих тюбиків клею і три пачки цигарок. Він ще купив собі шорти, футболку і бейсбольну шапку, а ще й темні окуляри собі купив.

Одягся у все нове і почув себе трохи краще.

Тоді взявся готувати їсти, бо всі, хто жив на цій квартирі були на заробітках –хтось просив, хтось крав – як кому виходило.

Він готував їсти на квартирі, у якій жив, вірніше не жив, а знімав за десять гривень у тиждень, як усі, там таких їх жило понад десятеро.

Вони знайшли цю квартиру випадково, вона стояла довго ніби нічия, і вони відкрили її почали тут жити. Усі гуртом прибрали її до блиску. якщо можна про цю квартиру було так сказати. Купили шпалери і наклеїли нові шпалери. притягли кілька матраців, щоби всім було де спати.

Коли врешті об'явилась якась господарка, їм вдалося домовитись за чотириста гривень в місяць і вони найняли її, і тепер жили

тут спокійним життям, не те, що в нічці на ринку, де завжди треба було боятися ментівської облати.

Спершу життя було просто чудове, але згодом почалися сварки через п'янки і секс, і таки через скандали їх таки колись звідси вигнали.

Але наразі все було добре і мирно. Але в Зайчика закінчився клей. Він послав Настю, яка теж там жила і зараз допомагала йому готувати обід, за клеєм.

Хвилин через двадцять вийшов Зайчик на балкон, а жили вони на сьомому поверсі, визираючи, де ж там та Настя так довго ходить. Аж бачить Настя вже йде, але з кимось. Зайчик не зміг здалеку виразно розгледіти, з ким це вона.

Потім постукали у двері Зайчик відчинив і побачив, що на порозі стоїть Настя з коханою Зайчиковою Яною. Зайчик ніби струмом пробило, він від щастя не міг спершу і слова вимовити. Але відразу потяг Яну на кухню і почав усе в неї розпитувати: “Як ти звідти втекла, з ким їхала?”. Потім затяг її у ванну і сказав наказовим тоном: “Поки добре не помиєшся, звідси не вийдеш”. Вона помилася, і вийшла з ванної свіжа і гарна, Зайчик був просто на сьомому небі, так він радів що Яна приїхала.

Потім у Зайчика був день народження, Зайчикові виповнилось чотирнадцять років, вони прийшли на квартиру, він ще купив вісім пляшок горілки, ящик клею (не дорогого, всього 50 гривень за тюбик), щоби на всіх гостей вистачило.

Зайчик знову взяв гроші у дядька Семена. Семен подарував йому маленький магнітофон, отже була музика, все було кльово, випивка, клей, хавчик, курьоха і гості. Зайчик горілки не пив, тільки пиво, хоч Яна на його здивування горілку хльостала запросто, як воду.

Потім Зайчик пішов спати, і через якийсь чверть години відчув, що хтось лізе до нього під ковдру. Зайчик прокинувся і побачив, що це Яна, вона почала його цілувати, потім полізла до нього в труси і ухопила його за стрижень і почала тихенько піддрочувати, і в Зайчика все виструнчилося, і появилось чимдалі приємніше відчуття між ногами і, він спершу хотів просто спати і не хотів трахатися, але вона так почала його дрочити, що він не витримав, і поліз на неї, і вона сама стягла з нього труси аж за коліна і він ліг на неї, і Яна взяла його за член і всунула собі в піхву і Зайчик відчув кайф і почав її трахати, і так розійшовся, що просто валив у неї вже зі всіх сил,

Раптом відчув у собі щось нове, такого з ним раніше не було, він кінчав і вперше відчув, як з нього витікає щось під час того, як він кінчає. І він зрозумів, що ось і в нього появилася вже сперма. І що тепер він вже дорослий, бо в нього все відбувається, як у дорослого. До цього під час трахання, Зайчик діставав кайф, але сперма в нього ще не витікала. Коли сперма виприскується, то кайф більший, тепер Зайчик це зрозумів, і врешті він посіпався ще на Яні, зліз неї, і дуже сильно захотів пити.

Зайчик напився води, закурив сигарету, дав їй покурити, Яна сходила в туалет, потім принесла клею, Зайчик подихав клеєм, голова в нього замакітрилась, і він заснув.

Коли Зайчик прокинувся вранці, то відчув себе вкрай розбитим і знеможеним. В нього було відчуття, це він сам так подумав, начебто сто мужиків півночі лупили його ногами по спині. Але поволі він очухався, вибрався в місто, зустрів пацанів, подихав клеєм, в нього знову голова закрутилась, але тепер це вже було прикольно.

А тут якраз була облава на малоліток, і Зайчика хапанули менти - де живеш, що робиш на ринку, хто твої батьки...Почалося.

Але в Зайчика було п'ятдесят гривень, і менти відпустили його, бо якби його забрали, то він сказав би про гроші. А так вони забрали гроші і сказали, щоб він ішов на хер і більше не попадався.

Від ментів Зайчик відмазався, але настрій у нього був ніякий, і він прийшов на одну знайому ничку, там же на ринку. Там жили наркомани, вони курили драп і всяку різну дребедень і ковтали амфітаміни і дімедрол. Вони попросили, щоби Зайчик приніс їм свій магнітофон послухати, і Зайчик пішов на свою ничку і приніс, тому що в нього серед них був його друг із поганялом Кіндрат. І він дуже просив Зайчика. А другу не відмовиш – такі у них закони.

Оскільки у Зайчика був якийсь дурний настрій, то він попросив цих пацанів, щоб вони його накурили чимось крутим, і вони його так накурили, що коли він прийшов на

ничку, і побачив там свою Яну, то Зайчикові раптом показалося, що у неї ростуть роги. Зайчик сказав їй, що в неї роги ростуть і почав сміятися, а вона дико обілилась і дала Зайчику хороших піндюлів. Зайчик хотів дати їй здачу, але був не в змозі.

На ранок він прокинувся, подивився у дзеркало і побачив, що в нього добряче подряпане обличчя. Він розбудив Яну і влупив їй по пиці пару разів, вона заплакала і почала Зайчика матюкати, тут він зовсім розгнівався і дав їй таких мандюлів, що вона аж головою билась об двері.

Після цього Яна, вся у сльозах, психанула, збрала речі і поїхала на хату, де теж такі жили малолітки, на проспект Правди.

Минув тиждень і тут Зайчик згадав, що в неї день народження. Він купив коробку цукерок і п'ятнадцять троянд і поїхав до неї на проспект Правди. Він приїхав у той підвал,

де вони жили, і спитав у пацанів, де вона. Вони сказали, що Яна ховається.

Зайчик сказав уголос, щоби вона чула: “Не ховайся, я знаю, що ти тут, я просто хочу попросити в тебе пробачення за те що тоді трапилось”.

Вона вийшла, і Зайчик її привітав із днем народження. А через п'ятнадцять хвилин пацани, які тут жили відкликали Зайчика вбік і сказали, що насправді Яна давно проститутка, і що вона за бабки трахається кожен день і відсосує у дорослих мужиків, які проїжджають по окружній, особливо у дальнобійщиків, і що вона заробляє дуже добре, бо їй тільки чотирнадцять років і вона непогано виглядає. А дорослі дядьки люблять трахати малоліток, або коли мала у них сесе, так що їй платять більше ніж старшим і вона тому так кльово вдягається, і все в неї є. Тому також вона пропадає часом на кілька днів або на тиждень, бо коли постійно трахається на окружній, то спить у подружки, тоже у такої ж бляді, як і вона. Її подружка трохи старша і наймає квартиру десь там на Борщагівці, і вони разом знімають мужиків, трахаються просто в машинах або відсосують там же, а тоді спочивають, або ж клієнтів ведуть туди на квартиру і там трахаються, бухають і балдіють.

А сюди Яна приходить, бо тут прикольно з пацанами-малолітками побазарити, і ніхто нічого не знав про неї, але її спалили недавно, хтось бачив і сказав, а тоді пішли за нею і просліддили. Так що вона блядь і ти в неї дарма закохувався, вона з ким хочеш



перетрахається за бабки, і піхва в неї вже тисячу стрижнів приймала, не тільки твого, так що розслабся, Зайчику, і не переживай дуже! Дівок у нас завжди навалом. Багато хто тобі дасть потрахатися, тільки захочеш. Ми тобі організуємо хоч сьогодні. Але з цією не зв'язуйся більше!

В одну мить Зайчик так зненавидів Яну, що готовий був її убити.

Він пішов до неї і подивився їй в обличчя. Яна стояла зблідла і опустила очі. Вона була дуже гарна.

Зайчикові хотілося плакати і вбити її зразу ж. Він зацідив Яні по пиці - раз, другий і третій. Яна заплакала, з носа в неї пішла кров.

Зайчик плюнув на неї, відвернувся і пішов геть.

Зайчик відчув як його поглинає якийсь велике всесвітнє Зло. В ньому ламалося щось знову, тепер відчаєм і болем він ставав іншим – злішим, жорстокішим, зневіреним. Він ще не знав, що кохання часто приносить біль. Якщо любиш, готуйся до несподіваних ударів долі, до переживань і гострих втрат, хоч очікуєш вічного людського тепла, до якого прагне кожен, але дістає яке на загал насправді невеликий відсоток спраглих до любові людей.

Пацани чекали його на вулиці, і вони поїхали всією компанією на Оболонь, там була своя крапка на якійсь квартирі, і там були якісь тьолки. Але треба було щось замутити і собі, щоби не приходити з порожніми руками на хату.

Подалися на ринок і врешті причепили таки дві пари кросівок, які тут же перед ринком здали по п'ятдесят гривень і накупили горілки, клею, курьоху і хавчика на всі бабки, так щоби можна було трохи розслабитись.

Зайчикові треба було відвести душу. Пацани хотіли допомогти його горю.

Але трахатися він зовсім не хотів ні того дня, ні кілька наступних, на дівчат йому було гидко дивитись, коли він раптом усвідомив, що їхня краса зовнішня, і що всі вони, оті, що тут із пацанами водяться і з ними живуть, трахаються з ким попало, а що більшість з них за бабки дасть кому завгодно, навіть старому череватому мужикові, від якого вже смердить вонючим потом і перегаром змішаним із страшним цигарковим віддыхом.

Зайчика аж нудило, коли він про таке думав, і особливо про те, як він закохався у Яну, як він до неї ставився, як любив її, і як прагнув її побачити. В нього давно не було бажання кого-небудь отак побачити...А тепер і поготів.

Але оскільки Зайчик був малорослий і на свої чотирнадцять років однак виглядав як на одинадцять, то його часто приловлювали менти, бо ж на вигляд неважко було здогадатись, що це зовсім не дитина з порядної родини.

Безпритульних менти вже знали з виду і з повадок, і робили час від часу на них облави і віддавали їх до притулків для бездомних дітей.

Зайчик бував у притулках не раз. Тут було прикольно один день, ну, хіба що два.

Можна було добре виспатися, помитися і поїсти, але потім брала тоска за свободою. Бо з притулку нікого не випускали, всі двері були замкнені.

А під притулок приходили свої пацани з нички і приносили клей і показували через вікно, і цигарки, і навіть кидали через вікно першого поверху і тут хтось із старших пацанів як встиг підхопити тюбик із клеєм, і в поділився із Зайчиком. Вони понюхали клею на ніч, і забалділи, і це було круто.

Зайчик знову утік із притулку зі своїм новим другом Коржиком. Той повів Зайчика на свою ничку. Зайчик по дорозі попросив у п'яного дядька пару копійок, а той був у хорошому настрої і дав Зайчику сто гривень. Зайчик лишив с собі п'ятдесят і п'ятдесят дав Коржикові.

З того всього Зайчик купив клею два великих тюбики клею на 30 гривень (маленький коштує 1 гривну). Вони прийшли на ничку, і Зайчик побачив там Христину. Зайчик її тільки побачив і відразу закохався. Життя почало налагоджуватися. Згодом Зайчик з нею ближче познайомився, і запропонував їй зустрічатися з ним.

Вона спочатку Зайчикові відмовила, тому що вона напевно чогось боялася, а десь аж через два місяці погодилася. Зайчик з нею зустрічався, а це означало гуляти і проводити час разом, три місяці, але в них довго не було справжньої близькості. Бо коли Христина була п'яна, а Зайчик тверезий, то вона хотіла з ним сексу, а Зайчик не хотів. А коли Зайчик був п'яний, а вона твереза, то Зайчик

хотів, а вона не хотіла.

Потім одного разу Зайчик прийшов на одну круту хату і приніс із собою маленький телевізор (знову від Семена), і побачив там Христину. Коли всі дивилися телевізор, Зайчик з нею пішов у кімнату і почав її цілувати. Тоді Христина сама почала його роздягати, потім закрила двері на ключ і повалила Зайчика на ліжко, почала сама роздягатися і вимкнула світло. Потім вона почала цілувати Зайчикові груди, потім цілувала його ще нижче, потім просто почала сосати його хрін, потім перестала, підлізла вище, і сама встала Зайчиків хрін собі в піську.

Отак Зайчик переспав з нею вперше, все було кльово, але коли закінчив, відразу просто відрубався і провалився в сон.

Отак у Зайчика появилася Христина.

Коли Зайчик прокинувся, то побачив, що поруч спить Христина. Він сховався у туалет, потім розбудив її, дав їй покурити, вона попросила щоби приніс води. Він приніс їй води, потім одягся і пішов у ларьок за сигаретами і клеєм. Купив клею, сигарет і пляшку мінералки, і коли повернувся, вона вже купалась у ванній. Зайчик роздягнувся і поліз до неї у ванну, узяв клею із собою і сигарети. Вона у ванній закурила. Зайчик попросив, щоби Христина помила йому спину і вона помила йому спину. Вона перша встала, витерлася і пішла одягатись. Зайчик ще трохи покурив і також вибрався з ванної і одягся. Потім на кухні налив у кульок клею, трохи подихав, і покликав Христину, дав і їй подихати, закурил сигарету і вони пішли з Христиною на

Оболонь гуляти.

Так минув перший день їхнього зближення з Христиною.

Проїшло так пару днів і старші пацани почали збиратися на гулянку за місто в ліс, і це якраз було свято Івана Купала. Казали, що це чарівна ніч, і Зайчикові було цікаво, бо з ним такого ще не було, щоби в чарівну ніч бути у лісі. Йому сказали, що можна піти туди на загальну гулянку, і Зайчик сказав Христині, що підемо, і вона погодилась і Зайчик із Христиною таки теж дістались туди, куди їм сказали.

Як і належить на гулянку збиратися почали за кілька днів раніше, назбирали грошенят побільше, бо треба було горілку купувати. Поступово, компанія зібралася загалом немала. Якби зібрати всіх разом, то було би стабільно десь чоловік із тридцять. Але збиралися повільно, і багато хто довго ще повзав по лісі довкола, так що зібрати всіх разом було зразу важко.

Трохи більше половини було пацанів, а решта дівки. У Зайчика проблем тут не було, бо в нього була своя Христина, яку він вже не один раз трахав. Коли він на неї дивився, то бачив, що Христина була справді красива, біле кучеряве волосся, блакитні очі, симпатичне личко. На зріст невисока майже така як Зайчик, хоч на рік старша, красива фігура, а груди стирчать невеличкими кульками, Зайчикові якраз такі подобались.

Збиратися Зайчик у цей день почав зранку. Зайчик купив дві пляшки горілки, клею і пару пачок сигарет. Закуски взяв теж

пристойно, узяв ковдру, склав усе в пакет і пішов із усіма пацанами просто зранку туди у ліс. Ранок почався з готування багаття. Багаття пацани завжди запалювали велике, домовлялися тут з одним дядьком і дрова привозили на тракторі.

А крім того на станції техобслуговування набирали покришок з різного виду транспорту. Багаття палили на околиці міста, перед самим лісом, аби не запалити лісу. А до лісу рукою подати, кілька хвилин пройтися і ти в лісі.

Спочатку викопали в землі велику і глибоку яму, потім спиляли дерево, якраз це була сосна, обламали гілки і залишився один товстий і високий стовбур, закопали його в яму, на стовбур одягали покришки до самого верху по наростаючій знизу догори, решту по краях поклали довкола цього дерева в покришках, а зверху ще обклали дровами, і потім ялиновими гілками.

Тепер залишалося тільки чекати вечора. Запалювали вирішили в 23:00. Закінчили свою споруду хлопці коло сьомої вечора, і всією компанією подалися на озеро купатися і трохи відпочити.

Зайчик забіг на квартиру, де вони тоді жили, захопив пакет, який він зібрав раніше, Христина вже його чекала, і саме збиралася. Зустрічалися усі біля бензоколонки.

Спершу всі пождались на озеро, скупнулись, а потім почали розкладати частування. Перша чарка горілки пішла у всіх, як по маслу, а за нею друга, третя. Зайчик в міжчасі випив дві пляшки пива і теж захмелів.

Сиділи усі довкола багаття колом, Христина лежала, поклавши голову Зайчику на ногу. Коли вона почала Зайчика тихенько гладити по нозі і трохи вище, Зайчик відразу зрозумів, що вона хоче. Він узяв сигарети з запальничкою, Христину під руку і пішов у ліс, перед тим сказав братві, мовляв, підемо трішки прогуляємося.

Вони закурили і йшли метрів сто лісом, поки Зайчик серед кущів не побачив підходящого місця. Вони сіли там і почали цілуватися, після чого Зайчик почав Христину роздягати і це сталося дуже швидко, бо вона сама допомагала йому.

І ось вона лежала зовсім гола, і Зайчика це відразу ж збудило, як ніколи, і його красунь почав рватися назовні, Зайчик почав пестити її груди, що від збудження стали такими твердими, що він їх готовий був з'їсти, врешті вона вже почала звиватися і стогнати під Зайчиком і він звільнив свого жеребчика з трусів, і – вже майже впевненим рухом - увійшов у її вологу від бажання кицьку, і тут Христина вже не криючись почала видавати приємні для Зайчиковаго самолюбства стогони.

Темп Зайчик набрав повільний, не поспішаючи, але коли відчув що от-от кінчить, то так розігнався, що Христина просто заверещала. Скінчили вони цю справу разом.

Перевернувшись на спину Зайчик закури́в сигарету і з полегшенням зітхнув. Христина лежала задоволена від отриманого піднесення, вона теж закурила, одягла купальник. Вони докурили, Зайчик одяг

плавки, і вони пішли до своєї компанії. Це у компанії була ніби розминка перед нічною гульнею

Повернувшись до багаття Зайчик з Христиною побачили, що всі вже збиралися їхати додому. Вони теж підтримали цю думку і поїхали на свою хату. Вони спочили в себе в хаті і не поспішали, тому що все потрібне було вже зібране. Вийшли з будинку о пів на одинадцять, і подалися до місця зустрічі. Збиралися всі біля підготовленого вже багаття.

Коли Зайчик з Христиною дістались туди, то побачили немало юрбу людей, що очікувала сяючого видовища. Їх однак також чекали.

Врешті всі зібралися й, обливши бензином зібране для багаття, підпалили свій шедевр. Вони розклалися в метрах 30-ти, тому що ближче до вогнища підсісти ніяк не можна було, настільки було гаряче. А тоді почалося.

Випили по першій і усі пацани закурили. Хтось нагадав: "Після першої не закушують". Незабаром підійшло і друге коло, випили по другій і так далі... Сиділи загалом десь до години ночі, а потім зібралися і пішли в ліс. Зайчик був на той час добре вже піддатий і поки пацани розпалювали інше, тепер вже невелике багаття, дівки накрили так звану "поляну". У лісі темно, прохолодно та й свято таке, що без багаття ніяк. Ужили алкоголю ще і Зайчик відчув, що його починає нудити.

Він вже ледве стояв на ногах, і сказав

Христині – Ходімо зі мною за компанію пройдешся. Вони пішли в ліс і Христина Зайчика майже несла. Голова в нього все розуміє, а ноги не йдуть. Таке от лихо.

Відійшли вони недалеко, і тут Зайчика знудило і він блювонув усе, що випив і з'їв. Напився газованої водички, що прихопила із собою Христина, присів і закурив, спочиваючи.

Христина в міжчасі кудись подалася в напрямку галасу і багаття.

Таки там напевне було весело, грав магнітофон на батарейках, якого приніс із собою хтось з пацанів. Не встиг Зайчик докурити, як Христина повернулася з ковдрою і пляшкою горілки. Сьорбнувши з горла пальної суміші і запивши газованою водою Зайчик знову закурив. Христина розстелила ковдру і теж закурила.

Зайчик в неї запитав: “Навіщо ковдру принесла?”, - але відповіді не почув, а тільки побачив її хитру посмішку. Він відразу ж усе зрозумів, але зайнятися сексом насправді не хотів, тому що сьогодні це вже робив. Та коли вона стягла із себе топик і з Зайчика футболку і почала Зайчика пестити і тертися об нього, як кішка, тут Зайчик не витримав, почав знімати з неї все інше, і просто вовтузитися з нею на ковдрі.

Штани цього разу Зайчик із себе не зняв, чи тому, що так захотів швидко трахнути дівку, чи тому що кусали комарі, мабуть таки з обох причин зразу.

Тому що Зайчик був п'яний, кінчити швидко він не міг, але саме тому, що він був

п'яний він не соромився розвертати Христину в різні пози, він раніше не трахав її у всіх позах, і тепер вона було здивована і задоволена.

Але найкраща поза Зайчикові сподобалася, коли Христина стала на четвереньки, і він схопив руками її за груди і пристроївся ззаду. Його охопило якесь шалене збудження і почав перти її дуже швидким темпом. Почувачи останнє напруження, він швидко витягнув свій кінець і вилив їй усе своє насіння на її сідниці. Тепер коли в нього появилася сперма, треба було бути обачним, якщо нема презерватива. Дівок також треба берегти.

Вони одяглися, закурили і пішли до всіх інших. Повернувшись до вогнища, Зайчик з Христиною побачили зовсім небагатьох при вогні, залишалися майже одні пацани. Зайчик відразу зрозумів, що всі інші також подалися парами трахатися, і вони з Христиною сіли при вогні далі потрошку бухати. Потім позасинали, обнявшись, і на свою хату на Оболоні дісталися лише вранці.

Але бувало всякого.

Зайчик купив Христині за двадцять поять гривень м'яку іграшку, і хотів їй подарувати.

Але замість того з нею круто посварився. І подався на ринок.

Під ринок на восьму вечора мали приїхати потім приїхали “боговіруючі”. Зайчик не хотів нічого, взяв тільки попиту молока. Боговіруючі привозили щотижня сюди для безпритульних малоліток сухий пайок. От за ним і приїхали юні бомжі з проспекту Прав-

ди і серед них була та Яна, з якою Зайчик зустрічався раніше.

Яна кинулась до Зайчика, обняла його і почала його заговорювати вмовляючи, що то на неї наговорили, що її з кимсь переплутали, і що вона любить Зайчика і тільки. Вона сіла Зайчикові на коліна, і почала його цілувати.

Як часто нам хочеться заплющити очі на правду, обманути самих себе тільки б насолода від близькості з людиною, яку так сильно любиш, дісталася нам знову. Старе кохання кажуть не іржавіє. Себто лишається з нами на довгі роки нашого життя. Може й назавжди. Якщо це кохання.

У Зайчика це було кохання. Перше, яскраво-прекрасне і болюче. Він повірив знову тонкостанній чорнявій Яні з блискучими темними очима і забув про все.

Він поїхав з Яною, виїхав з нею на проспекті Правди, на ничку, і пробув там з нею у любовному запої два тижні.

І якраз через два тижні до них нагодилися гості. Приїхали всі пацани і дівки з Оболоні.

Вони довели Зайчику, що Яна спромоглася і за цих два тижні виходити на Окружну дорогу, і відсосувати за бабки у дальнобійників і підставлятися різним старим дядькам. Зайчик отямився і тупо подумав про себе, що повівся як останній debil.

Йому хотілося блювати, коли він уявляв як Яна сосе член у якомсь старого пердуна.

Пацани почали харкати їй в обличчя, Яна почала істерично верещати. Пацани засунули їй ганчірку в рота, роздягнули і поча-

ли пускати по колу. Дівки сиділи осторонь і плювали на неї. Її продрали семеро пацанів. І це було не для їхнього задоволення, а щоб вона сука знала, як зраджувати своїх.

Пацани трахали її без гандонів, але все ж пожаліли і не спускали в неї,зате кожен витримував своє насіння, витягаючи кінця в останню мить закінчення дії, просто на неї.

Зайчик не хотів її трахати, але якомсь мусив до пацанів підключитися, щоб виявити своє ставлення до неї зараз. Він витягнув у неї з рота ганчірку і, дав їй на рот, швидко кінчив, встав і потім обісцяв її.Посіяли на неї й інші. Вона лежала, закривши обличчя однією рукою, вся в спермі і сцяхах. Зайчик плюнув на неї і пішов геть.

Він ненавидів цілий світ зараз і ненавидів себе, ненавидів усіх своїх пацанів і дівчат, ненавидів Яну, яка зраджувала його, і зараз він розумів, що він якраз її більше всіх і любив. Якби вона йому відразу призналась, що вона працює на Окружній, то може все було б інакше. А може б і ні.

Зайчик поїхав на Оболонь.

І там його чекала Христина.

З нею все було добре.

Але вона не була Яна.

Минуло кілька місяців. Малолітні бомжі важко переживали зиму, бо з квартири на Оболоні їх одного разу після якогось чергового скандалу з бійками між пацанами їх виперли, і вони отиралися цілу зиму по ничках. На щастя зима була не дуже холодна, лише пару тижнів усіх давив лютий мороз.

Але настрою ні в кого особливого не

було. Чекали тепла, за яким стояло багато веселих розваг.

Зайчик якось навідався до Семена, але й тому вже терпець урвався і він сказав – що Зайчик або лишається з ним і назавжди кидає своє бомжівське життя, або нехай більше до нього не приходять..

Зайчик сказав, що подумає і прийде остаточно або ні.

Виходячи він потягнув зі столу в Семена золотий годинник, розуміючи, що палить останній міст.

Він вже звик красти і це не викликало в нього особливих переживань

В нього і так всього багато, обійдеться – так він собі думав.

Але до Семена він шлях собі відрізав. Йому було й шкода Семена і ні. Це було не його, нічого не поробиш, він хотів жити інакше. Хоч потім не раз картав себе за ставлення до Семена, за неповагу й обман, за невіддяку за добро.

Але ж там було і ще щось з тим Семеном... Це Зайчика якраз то й не дуже влаштовувало. Коротше з очей геть, і з серця також!

На ринку було повно ментів і вкрасти нічого не можна було, всі непомітно дорослішали, навіть Зайчик трохи підріс і змужнів і перехожі не так охоче, як раніше подавали йому якісь гроші.

Треба було щось робити.

Десь на біду ще зникла Христина. Зайчик не переймався, у них так водилося, застрягла десь на якійсь хаті, нічого - повернеться.

Але приємно йому від цього теж не було.

Врешті пацани вирішили тормознути якого-небудь лоха і просто забрати у нього бабки.

Простий народний гоп-стоп!

Почали по черзі чатувати у кав'ярні неподалік ринку. Але якось нікого грошовитого не бачили.

Зайчик сказав, що ну його все на хер, це не його робота, він не по цих ділах!

І вони з Кіндратом пішли на свою підвальну ничку випити горілки і понюхати клею.

Було вже біля десятої вечора.

У підвалі були тільки Слон і Куля, які появились у них на ничці недавно. Обоє вже відбули в колонії для малоліток невеличкі терміни. Але через це трохи корчили із себе крутих. Але загалом пацани як пацани. Вони зачепились з кимось із Зайчикової тусовки на ринку, і так слово за слово появились на ничці. Слоноу виповнилось шістнадцять, а Кулі сімнадцять.

Вони ще сподобались власне Зайчику також і тим, що привели з собою, якусь малявку років восьми, яку підібрали десь на вокзалі і якій ніде було жити..

Малу звали Настя. Вона була великоока, білявка з волоссям по плечі і великим сірим очима. Ніби весь час чимось здивована. Говорила мало, мовчала і тільки споглядала всіх. Минуло кілька тижнів. Всі були зайняті своїми справами.

Коли Зайчик і Кіндрат зайшли, ті двоє ніби спали, а може просто валялись на матрасах.

Зайчик з Кіндратом пішли у свій куток і взялися до своїх запасів.

В цей час до підвалу зайшла маленька Настя, підійшла до тих хлопців, витягла пачку грошей з кишеньки пришитій на спідниці і віддала Слону. Він щось шепнув Кулі, і вони встали.

- Мивмагазин.Заразвернемось,купимо хавчика і туди-сюди всього.- сказав Куля.І вони вийшли.

- А що це за гроші ти їм давала,малявка? – спитав Зайчик у Насті.

- А я на них працюю,-сказала Наситя.І хитрувато усміхнулась

- Як це працюєш? –здивувався Зайчик.

- А так !- відповіла Настя.І задрала спіднику.Під нею вона була гола,без трусиків і світила трохи спухлими підчервонілими жіночими геніталіями просто перед обличчями отетерілих пацанів. –На окружній дорозі !

- Ти що? – Зайчика пойняв холод. Його почало трусити.

- А що? Нічого. Інакше вони мене битимуть. А так я з ними вже давно. Я звикла до цього.

- Скільки тобі років? – питав далі Зайчик,якось майже механічно

- Через місяць буде дев”ять...

Зайшли Слон і Куля з пакунками їжі і випивки.

- Зараз похаваємо і вмажемо,пацани. Ми вас запрошуємо! – Слон був веселий і задоволений життям.

На матраці ,де спав Кіндрат, лежала маленька сокирка і молоток, які щойно приховив Кіндрат на ринку.

Зайчик взяв сокирку пішов на Слона. Його залила шалена лють і він ледве стримував себе.

- Ви, падлюки, дитиною торгуєте?З неї гроші вимагаєш,щоб вона себе на окружній продавала?! Ви гівно смердюче,засрали нам нашу нормальну тусовку.

- Ти чого кіпішишся ? –Слон подався назад,здивований і трохи наляканий. Та її трахала років з п”яти вся пацанва у дворі. Це її по жізні.А на окружній?Так ми її там і знайшли.Вона сама туди ходила?

- Ах ти ж падло! Ти сидиш в хаті і чекаєш поки малявка продасть себе і принесе тобі бабки, щоб ти наївся і напився.У вісім років!

Зайчика нудило, йому хотілося блювати, потім його почало трусити від нервового шоку ,а потім в ньому як вихор,як смерч напродилася якась шалена лють до всього на світі, до нікчемного бомжівського життя , яким він жив останні роки, до абсолютної нечисті ,яка зараз встала перед ним у всій своїй потворності,до вселенського Зла,яке перемагало його життя,яке забиравало в нього сенс існування,,що поволі і підсвідомо ,виростаючи він вже починав розуміти.

І він кинувся із сокиркою на Слона, і з розмаху ударив нею куди потрапить. Слон перелякано якраз напівобернувся, пригинаючись, і Зайчик, хоч нікуди не цілився потрапив сокиркою йому десь у шию чи голо-

ву і далі сокирка ковзнула по плечу Слона, вмить лишаючи довгий важкий яскравокривавий слід ...

Слон поточився, залитий кров'ю, і упав на підлогу. Куля вихопив ножа і кинувся на Зайчика.

В цю мить Кіндрат, який вже стояв поруч із Зайчиком, ударив його молотком по голові. Куля похитнувся, але не впав, і кинувся з ножем тепер на Кіндрата. Очевидно Кіндрат зумисно чи ні, але не поцілів добре.

Зайчик ззаду рубонув Кулю сокиркою в спину, а Кіндрат вже цілком ошалілий від злості, істерично влупив Кулю ще кілька разів молотком куди потрапить і коли той упав і не ворухився, а тоді кинувся на Слона, який підводився і вдарив і його молотком.

Міліція появилася за кілька хвилин, бо Настя, яка побачивши криваву бійню вилетіла на вулицю, кричала так, що на цілий квартал було чути. Спершу у підвал забігло кілька чоловіків, просто мимохідців чи із квартир цього будинку, і вони зупинили цю жахливе дійство.

- Не підходьте! - кричав божевільний Зайчик із кривавою сокирою в руках, весь забризканий кров'ю! - Ці падлюки не повинні жити - вони продавали дитину на секс. Вони не повинні жити!

Але кривава бійня припинилася

Внезабарі появилася швидка допомога.

Зайчик стих, і сів у кутку, не випускаючи сокири з рук, і впірився очима в підлогу. Кіндрат сидів біля нього, закривши обличчя руками.

Міліція забрала їх відразу. Вони навіть не тікали.

На щастя Слон і Куля не померли. Настю забрали в дитячий притулок.

А перед Зайчиком і Кіндратом тепер стояли довгі роки позбавлення волі.

Епілог

Фестиваль "Червона калина" переходив з однієї підліткової колонії до іншої і до Прилуцької прийшов на 9 червня. Змагалися всі чотири відділення колонії у всьому: і в чистоті і порядку у спальнях і в дбайливості відведеної для кожного відділення частині внутрішньої території колонії. А головне ж було у самодіяльності, у піснях і танцях, у драматичних сценках і спортивних змаганнях.

Це були вони, малолітні злочинці, паравопорушники, засуджені на різні терміни позбавлення волі. Але попри все своє минуле вони все ж таки були ще діти.

І зараз усі дуже переживали, їх просто трусило - яке відділення займе перше місце - були й нагороди - новий телевізор для відділення чи відеомагнітофон і так далі.

А наприкінці був зведений хор, в якому співали найголосистіші хлопці зі всіх відділень.

На заспіві стояв п'ятнадцятилітній Зайчик, який виводив ще не усталеним остаточно, підлітковим, але вже баритонем, пронизливо чистим і високим.

Навіть на останнім рубежі

Промінь віри в нас ще не погас,



І благослови у добрий час
Боже, Україну збережи,
Господи, помилуй нас.

Збережи, Господи, грішних дітей твоїх,
збережи і помилуй !
Господи, помилуй нас, грішних !

А далі хор пацанів співав приспів, від якого душа щеміла у всіх гостей колонії, а може й у всіх присутніх.

Боже, Україну збережи ,
Господи, помилуй нас.

Голос Зайчика дзвенів тремтливо і боляче у пронизливій літній тиші ,яка пойняла усіх, хто слухав пісню, і в якусь мить здавалося ,що в цьому голосі бринять справжні сльози

Грішні діти – діти не чужі,
Отче наш, почуй їх щирий глас,
Боже, Україну збережи,
Господи, помилуй нас

Хтось помітив ,що у Зайчика справді з очей течуть сльози, але пісня його не ламалась

І з колін піднятись поможи

Новые картины



Константин Скоцков

“Эссенция основы”

“Любовь сокральная
и любовь профанская”





Константин Скопцов

“Кокола Сэмович добрый молодец”

“Погружение в Эго”





Вадим Бондаренко

“Битва цивилизаций”

“Область первичного возмущения”



Вадим Бондаренко

“Время вперед”

“Ядерная зима”

“Индустриальный буддизм” (фон)

